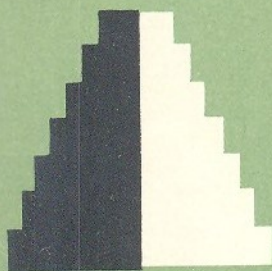

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ
В СССР**

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ»
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ в СССР

Сборник научных трудов

Ответственный редактор

А. Г. ВОЛКОВ

МОСКВА «НАУКА»

1990

Редакционная коллегия:

М. С. БЕДНЫЙ, А. Г. ВОЛКОВ, Р. А. ГАЛЕЦКАЯ,
В. Г. КОСТАКОВ (ответственный редактор), Н. М. РИМАШЕВСКАЯ

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор Г. С. КИЛЬДИШЕВ,
кандидат экономических наук О. А. РАКОВСКАЯ

Редактор издательства:

Т. В. САРКИТОВА

В сборнике на материалах переписей и специальных обследований анализируются тенденции и факторы брачности, рождаемости и смертности, развития семьи. Освещаются малоисследованные демографические явления: особенности формирования семьи, динамика частоты браков, связь брачности и миграции, внебрачная рождаемость и др. Анализ проведен на основе ранее не публиковавшихся статистических данных. Помещены новые материалы по истории переписи населения 1937 г.

Для демографов, этнографов, социологов, экономистов.

Д 0703000000-111 306—89, кн. 1
042(02)-90

ББК 60.7

ISBN 5—02—013322—1

© Издательство «Наука», 1990 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Демографическая ситуация в стране продолжает оставаться сложной. По-прежнему сравнительно высок уровень смертности, особенно младенческой, сохраняется значительная дифференциация демографических процессов по территории страны по этническим и социальным группам. Кратковременный подъем уровня рождаемости в середине 1980-х годов, связанный с проведением в начале десятилетия мер по усилению государственной помощи семьям с детьми, сменился стабилизацией ее показателей на низком уровне. Хотя годовое число разводов в стране вопреки предположениям так и не достигло миллиона и в последние годы устойчиво, что при росте числа супружеских пар свидетельствует о стабилизации или даже уменьшении интенсивности разводов, явных признаков перелома здесь также пока не обнаруживается.

Искажена миграцией возрастно-половая структура населения многих регионов, особенно Нечерноземной зоны РСФСР, и это вызывает оправданную обеспокоенность перспективами воспроизводства сельского населения. Уже давно пора преодолеть восприятие сельского населения европейской части страны как неисчерпаемого источника пополнения численности горожан, не обеспечивающих по крайней мере в крупных городах даже поддержания своей численности без миграции из села. Тем не менее село по инерции еще продолжает рассматриваться как источник прироста населения, хотя этот источник практически уже иссяк. В Средней Азии, напротив, малая мобильность сельского и части городского населения, особенно основных национальностей, вызывает социальную напряженность.

В описаниях демографических бед недостатка нет. И до поворота к расширению статистических публикаций таких описаний было сравнительно много. Теперь же, подкрепленные новыми данными государственной статистики, они стали насыщеннее материалом, а дозволенность критики придала им резкость и остроту. Особенно когда в демографическую сферу начала вторгаться публицистика.

И все же, преуспев в описании процессов, наша демография не смогла еще, на наш взгляд, достаточно глубоко проникнуть в их суть, раскрыть причины неблагоприятных тенденций, дать подробный анализ воздействия на демографическое поведение людей условий их жизни, раскрыть социально-психологический аспект принятия решений в демографической сфере. Нет ясного пред-

ставления и о перспективах воспроизводства населения в более или менее отдаленном будущем, да, собственно, и о целях демографического развития, осмысление которых позволило бы точнее оценивать перспективу и правильнее судить о путях и мерах демографической политики.

Конечно, в этом сказывается и слабое развитие демографической теории. Не без труда расставшись с догмой быстрого роста населения в социалистическом обществе (хотя снижение рождаемости некоторым и сейчас кажется противоестественным), мы пришли к пониманию того, что и в нашей стране произошла за последние 60 лет демографическая революция, тем более глубокая и быстрая, что очень резкими были изменения в социально-экономических условиях, очень жестким — давление на семью. Но что произойдет с населением и демографическими процессами в результате становления нового типа воспроизводства населения, каковы перспективы дальнейшего снижения уровня смертности, которому, по схеме демографического перехода, пора было стать низким, это мы пока только еще начинаем обсуждать.

Но главное, видимо, в недостаточном еще анализе и обобщении реального течения и социальной детерминации демографических процессов. А для этого вплоть до последнего времени не хватало фактического материала. Даже описание демографической ситуации велось и ведется в основном на общих коэффициентах, которые, как известно, в сильнейшей степени зависят от возрастно-половой структуры населения. Но сведения о возрастном составе населения до сих пор не публиковались, так что даже элементарной стандартизации показателей сделать было нельзя.

Другая причина — отсутствие достаточно длинных динамических рядов. Закономерности демографических процессов на изменениях за два, пять и даже десять лет не видны; чтобы их обнаружить, нужны данные в длительной исторической ретроспективе. Между тем динамика демографических процессов в 30-е и 40-е годы и то, как повлияли на них коллективизация, сталинские репрессии и военные потери, еще только сейчас становится объектом серьезного изучения.

Мешало и мешает рассмотрение демографических процессов для населения в целом, безотносительно к тому, как они проявляют себя в отдельных этнических, социальных, профессиональных и иных группах населения. Мы свыклись с представлением, что социальные различия демографических процессов — порок буржуазного общества, а при социализме никакой дифференциации в них быть не должно. Между тем такая дифференциация существует, и ее объяснение помогло бы понять многое в современных особенностях смены поколений в стране и отдельных ее регионах.

Мало изучена и взаимосвязь демографических процессов, а также их сопряженность с социальной и пространственной мобильностью, зависимость от условий труда и быта людей.

Недостаток адекватных статистических данных сдерживает не

только теоретические обобщения, но и развитие методики демографического анализа.

Предлагаемый сборник не претендует на разрешение всех перечисленных проблем нашей демографии. Он посвящен анализу современных тенденций демографических процессов: формирования и стабильности семьи, брачности и разводимости в различных поколениях, дифференциации и тенденций рождаемости, особенностей динамики смертности и продолжительности жизни. Изучение этих тенденций представляется необходимым шагом на пути от простого описания к глубокому анализу явлений. Тем более что в статьях сборника освещаются малоисследованные в советской демографии проблемы нормализации брачности, внебрачных рождений, уровня рождаемости в первых и повторных браках, влияния разводов и овдовения на демографическое развитие семьи, смертности по причинам смерти в разные периоды нашей истории и в различных социально-демографических группах.

Авторы вводят в научный оборот большой и во многом новый фактический материал социально-демографических исследований, проведенных ими в последние годы, представляют новые приемы анализа или примеры нетрадиционных подходов к современным материалам переписей населения, текущего учета демографических событий и специальных выборочных обследований.

Сборник выходит через год после проведения Всесоюзной переписи населения, когда разработка ее материалов еще не закончена, а окончательные результаты пока недоступны исследователям. Естественно поэтому, что в нем не могли быть представлены данные об изменениях в социально-демографическом составе населения за последние десять лет. Но большая часть статей основана на материалах не переписей, а текущего учета демографических событий, и здесь оказалось возможным воспользоваться самыми последними по времени статистическими сведениями. Что же касается данных специальных обследований и разработок, анализируемых авторами отдельных статей, то они во многих случаях уникальны — подобных исследований можно ожидать лишь в предстоящем десятилетии. Впрочем, известная инерция демографических процессов, в которых в отсутствие социальных или природных катаклизмов, внезапные изменения невозможны, не лишает эти результаты познавательной ценности. Более того, рассмотрение демографических процессов — там, где для этого есть необходимые данные, — в длительной ретроспективе дает возможность лучше представить не только историческую эволюцию тех или иных демографических явлений, но и возможное их изменение в будущем, а тем самым указывает и ориентиры для разработки социальной политики.

Все это, надеемся, привлечет к сборнику внимание заинтересованного читателя и послужит развитию нашей демографической науки.

А. Г. Волков

БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, РАЗВИТИЕ СЕМЬИ

НОРМАЛИЗАЦИЯ БРАЧНОСТИ В СССР

Л. Е. Дарский, И. П. Ильина

I

Брачность в нашей стране испытывала значительное влияние социальных, экономических и политических изменений на протяжении почти всего XX в. В динамике показателей брачности находили отражение и фундаментальные качественные изменения института брака и временные нарушения нормального течения демографических процессов в результате войн или других социальных катаклизмов, часто сотрясавших нашу страну. Здесь и демографические волны из-за перепадов чисел рождений и нарушения соотношения численности полов из-за военных потерь и несбалансированных по полу миграций и всякого рода «временные» трудности, превратившиеся в постоянные спутники нашей жизни.

Особенности каждого данного исторического момента отражались не только на показателях брачности того же времени, но часто продолжали сказываться на всей дальнейшей судьбе поколения, испытавшего их на себе. Отрицательную роль в формировании брачности сыграли диспропорции численностей полов в наиболее бракоспособных возрастах. Обычно обращают внимание лишь на безвозвратные потери, в которых, как правило, больше страдает мужское население. Они действительно нарушают нормальное течение брачности, снижают шансы женщин на вступление в брак и повышают шансы мужчин, способствуют ослаблению брачных уз, создавая излишний «ажиотаж» на брачном рынке. Все эти последствия нарушений возрастно-половых структур многократно исследовались¹. Обычно разговор велся в общесоюзном или республиканском масштабе. В то же время особенности брачности как никакие другие связаны с локальной демографической ситуацией. Идеальный демографический баланс по стране или региону в целом еще не гарантирует нормальной ситуации на брачном рынке. Наиболее типичные нарушения баланса возникают здесь из-за размещения рабочих мест без учета структуры населения, когда возникают пресловутые «муж-

ские» и «женские» города, дисбаланс численностей полов между городскими и сельскими поселениями, нарушение социально-культурных структур и т. д. Влияние всех этих факторов, на которые указывали демографы, к сожалению, мало исследовано. Несколько лучше изучена брачная судьба отдельных поколений, хотя практически все работы в этом направлении сделаны на основании анамнестических наблюдений², обладающих известными недостатками, и лишь одна работа сделана на основе текущего учета браков³. Наши исследования показали, что практически ни одно поколение, родившееся между 1912 и 1930 гг., не имело нормальной брачности. Отражением этой ситуации явились и те показатели брачности, которые были получены для гипотетического поколения, т. е. для данного календарного периода. Только к концу 70-х годов в СССР сложилась ситуация, когда в основных бракоспособных возрастах не стало существенных диспропорций полов. Резкие перепады чисел родившихся в военные и послевоенные годы, которые в настоящее время видны на возрастно-половой пирамиде (возраст от 40 до 48 лет), уже практически не влияют на вступление в первый брак и, по-видимому, сказываются лишь на поздних разводах и повторных браках. Несколько ослабили локальные диспропорции в численности полов как за счет равномерного распределения преимущественно «мужских» и «женских» рабочих мест, так и за счет расширения брачного круга в результате повышения транспортной доступности и расширения территориальных и социальных контактов людей, особенно молодежи. И хотя этого явно недостаточно, о чем говорят неудовлетворенные потребности в специальных услугах по расширению возможности знакомства, все же ситуация на «брачном рынке» следует признать в целом более благоприятной, по крайней мере с чисто демографической точки зрения.

Все это позволяет говорить о том, что настал момент дополнить когортный анализ брачности ее поперечным анализом. Особенно актуально исследование брачности в молодых возрастах, и прежде всего процессов вступления в первый брак, где все больше концентрируется влияние брачности на воспроизводство населения. В развитых странах Запада последние 15—20 лет именно в молодых возрастах наблюдается значительная «эрозия» института брака, резкое падение частоты вступления в первый брак, распространение альтернативных форм половых союзов; необходимо исследовать, в какой мере подобная ситуация характерна для нашей страны.

Наиболее адекватный способ оценить ситуацию в области брачности (формирование первых браков) — построение таблиц брачности для гипотетического поколения. Это единственный способ обобщить характеристики процесса в данный момент из разрозненных показателей, относящихся к современникам из разных поколений. Учитывая задачи анализа, особую важность имеет методика построения таблиц брачности.

Таблицы брачности для гипотетического поколения характери-

зуют интенсивность брачности лиц каждого возраста в данный календарный период времени и показывают порядок вступления в первый брак лиц некоторого воображаемого поколения, у которого брачность в каждом возрасте была такой, как в этот период. Цель такой таблицы — получение информации о процессе брачности в данный период и о влиянии на нее социальных и демографических условий данного периода.

Традиционно при анализе таблиц брачности не учитывается социальная многоликость этого процесса. В таблицах брачности, составляемых и публикуемых в развитых странах, как правило, не оговаривается, какого рода союзы в них отражены. В то же время всегда существовало разнообразие форм брачных союзов; во всяком случае, практически всегда есть пары, состоящие в брачном союзе, не оформленном по закону. Степень распространенности таких незарегистрированных союзов в разных группах населения изучена мало. Нет даже общепризнанных операциональных определений, с помощью которых можно было бы отличить реально существующий брачный союз от других форм половых союзов, которые браком не являются. Единственно общепринятой опорой здесь оказывается самоопределение. В переписях и обследованиях (в инструкциях или самих опросных листах), как правило, оговаривается, имеется ли в виду только юридически оформленный союз или нет.

Национальная практика экономически развитых стран в этом вопросе различна: так, например, в Польше, Румынии, Франции традиционно ориентируются на самоопределение; в Чехословакии, Венгрии, ГДР в переписях стремятся учитывать юридический брак, хотя во всех странах документы не спрашивают и все данные фиксируются со слов опрашиваемых. Одновременный учет зарегистрированного—незарегистрированного брака предполагался в переписи 1985 г. в Болгарии с возможным выделением в данных восьми категорий брачного состояния. Но проект не был осуществлен.

Во всех советских переписях и общесоюзных обследованиях (как в Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) категория брачного состояния учитывалась исключительно по самоопределению; и всегда в явном или неявном виде предполагалось, что учитывается брак независимо от его регистрации. Идея учесть одновременно факт регистрации брака возникла неоднократно, но попытка ее реализации предпринималась лишь единожды при подготовке переписи 1970 г., в пробной переписи 1967 г. в трех районах (Ясиноватский Донецкой области, Макинский Целиноградской области и Зиминский Иркутской области) с общей численностью населения 229 тыс. человек. Этот небольшой и отнюдь не репрезентативный для страны эксперимент показал, что распространенность незарегистрированных браков в тот период составляла от 9 до 13 % общего числа лиц, сообщивших о том, что они состоят в браке. С тех пор никакими данными о распространенности незарегистрированных браков в СССР мы не располагаем.

Кроме данных переписей и обследований, мы располагаем данными текущего статистического учета браков, которые регистрируются в органах ЗАГС. Таким образом, и тот и другой источники отражают социальную реальность не в полной мере. Классический демографический подход предполагает построение таблиц брачности для первых браков путем соотнесения для каждого возраста числа лиц, зарегистрировавших первый брак в данном году по текущему учету с числом ранее не состоявших в браке по данным переписи. В тех случаях, когда распространенность незарегистрированных браков невелика и ею можно пренебречь, а разработка данных переписи выделяет никогда не состоявших в браке в самостоятельную категорию, такое сопоставление правомерно. Таблица брачности, построенная по этому методу, адекватно отражает ситуацию. Однако при большой распространенности незарегистрированных браков и при отсутствии строгой сопоставимости информации из разных источников имеет место недостоверность коэффициентов первых браков, полученных таким способом. Чем шире распространены незарегистрированные браки, тем больше занижаются показатели брачности для данного населения. Давно назрела необходимость учета в обоих статистических источниках одной и той же категории брака, и это можно осуществить двумя способами. Во-первых, учитывать при проведении переписи только зарегистрированный брак (с привлечением свидетельства о браке). Во-вторых, наряду с зарегистрированными браками одновременно фиксировать незарегистрированные. Ни первый, ни второй способ решения этой проблемы в советских переписях до сих пор не применялся, хотя, как уже говорилось, вопрос об этом ставился неоднократно. Таким образом, коэффициенты, полученные путем деления числа зарегистрированных браков по текущему учету на число никогда не состоявших в браке по переписи, завышены на величину, равную отношению числа вступивших в незарегистрированный брак к данному возрасту на число никогда не состоявших в юридическом браке. Чем старше возраст, тем больше завышен коэффициент, и наибольшая опасность искажения возникает в старших возрастах.

Учитывая вышеизложенное, мы в качестве пробных расчетов получили специальные повозрастные коэффициенты первых браков для мужчин и женщин в целом по СССР, используя число заключенных первых браков в 1978 и 1979 гг., и число лиц, никогда не состоявших в браке (соответствующего пола) по данным переписи 1979 г. Нормальный ряд коэффициентов оказался нарушен: для мужчин в возрастах старше 45 лет показатели явно завышены из-за особенностей самоопределения брачного состояния. По-видимому, лица, когда-то состоявшие в незарегистрированном браке, чаще называли себя при переписи или разведенными или вдовыми и реже сообщали, что они в браке не состояли, а при текущем учете (в ЗАГСе) такие лица считаются не состоявшими в браке. Однако на это могли повлиять и другие причины. Видимо, часть повторных браков в старших возрастах регистрировалась

как первые: например, при стремлении скрыть пребывание в первом браке особенно при отсутствии соответствующей отметки в паспорте), или при желании получить денежную компенсацию за покупку обручальных колец, выдававшуюся в тот период только при вступлении в первый брак. Таким образом, несопоставимость данных из разных статистических источников при общепринятом методе построения таблиц брачности — хотя и главная, но не единственная методическая проблема, с которой приходится сталкиваться в этом случае. Наличие недостатков такого же рода показывают и другие расчеты. Привлекают внимание повышающиеся вероятности вступления в первый брак для мужчин в возрастах старше 43 лет в таблицах брачности по Украинской ССР за 1978—1979 гг., построенных Л. В. Чуйко⁴. После проведения такого пробного расчета в масштабах СССР мы отказались от традиционного метода, хотя он, по-видимому, вполне приемлем на некоторых территориях СССР, где незарегистрированные браки вообще редки.

Альтернативой классическому служит построение таблиц брачности методом гипотетического поколения по материалам выборочных обследований (или переписей), в программе которых, кроме вопроса о брачном состоянии на момент обследования, стоял также вопрос о дате заключения брака. Разработанные по схеме анамнестических обследований, они дают возможность получить возрастные вероятности вступления в брак, средние для некоторого периода времени перед обследованием.

Для построения гипотетических таблиц первых браков мы воспользовались материалами выборочного обследования рождаемости, проведенного ЦСУ СССР в семьях рабочих, служащих и колхозников в 1978 г., а также данными выборочного социально-демографического обследования 1985 г.⁵ Бланк обследования содержал такие вопросы, как месяц и год рождения, брачное состояние и год вступления в первый брак. Возраст вступления в первый брак можно было определить путем вычитания даты рождения из даты заключения первого брака. Брачное состояние во всех этих обследованиях учитывалось только по самоопределению опрошиваемых. В этом заключено некоторое преимущество статистической информации выборочных обследований: числитель и знаменатель коэффициентов первых браков получены из одного источника, и тем самым отсутствует разноречивость в категориях юридического и фактического брака. В свою очередь, материалы выборочных ретроспективных обследований имеют некоторые особенности, требующие внимания исследователей. Так как опрашиваются только дожившие до момента обследования, совокупность лиц, попавших в обследование, может оказаться не представительной, если брачность лиц, доживших до момента обследования, существенно отличалась от брачности недоживших. Например, если женщины, вступавшие в брак в более молодом возрасте, умирали раньше, то обследование может исказить картину, зафиксировав более позднюю брачность женщин, дожив-

ших до обследования. В настоящее время эту погрешность можно считать незначительной в связи с относительно низкой смертностью женщин как в бракоспособных, так и в более старших возрастах. Другой, более существенный недостаток заключается в том, что данные, сообщаемые по памяти и относящиеся к отдаленному времени, могут быть искажены. Лица преклонного возраста могут неверно указать дату заключения брака или возраст вступления в брак. Кроме того, дата заключения брака, так же как возраст и год рождения, подвержена аккумуляции. Чаше показываются годы, оканчивающиеся на «0» и «5», что создает неправильность в расчетных данных. Помимо произвольного искажения информации при опросах, возможно и намеренное ее искажение. Кроме известного феномена «дамского кокетства», наблюдается занижение возраста вступления в брак, чтобы скрыть при опросе факт добрачного зачатия или рождения первого ребенка. По данным обследований, доля детей, зачатых до брака, оказывается всегда меньше, чем по текущей статистике. Следует принять еще во внимание специфический феномен кратковременных браков, доля которых в обследованиях выше, чем в текущей статистике. Это связано в основном с тем, что женщина, родившая ребенка, часто предпочитает сообщить, что она была в браке и вскоре развелась, чем указать, что родила вне брака. Поэтому уровень внебрачной рождаемости по обследованиям традиционно ниже, чем по данным текущей статистики. В результате брачность по обследованиям может оказаться несколько более ранней и высокой. Эти различия связаны также с тем, что при самоопределении возможен несколько иной отсчет даты вступления в брак. В некотором числе случаев люди отсчитывают свой брак не от момента регистрации в ЗАГСе, а от какого-либо события, предшествовавшего регистрации. Такие расхождения в отдельных случаях могут быть достаточно большими, и задача демографов — решить, какая из получаемых картин лучше отражает социально-демографическую реальность. И еще один важный момент относительно данных выборочных обследований. Анализ и сопоставление таблиц, построенных на материалах ряда обследований, требует определенной осторожности, так как нельзя забывать о самой системе отбора. Если она менялась от обследования к обследованию, то таблицы могут показать разные результаты. Метод отбора обследуемых семей при проведении Всесоюзного выборочного обследования 1985 г. отличается от примененного при проведении предыдущих обследований, и, хотя он более строго отвечает требованиям репрезентативности, сопоставление таблиц должно проводиться с осмотрительностью.

На материалах обследования 1978 г. (для женщин) и 1985 г. (для мужчин и женщин) мы построили серию таблиц брачности за различные периоды времени и проанализировали наши предыдущие исследования и работы других авторов (табл. 1).

По материалам обследований 1967, 1975, 1981 и 1985 гг. была проанализирована брачность реальных поколений; при этом по

Таблица 1. Таблицы брачности населения СССР для гипотетического поколения не состоявших в браке

Территория	Период	Пол	Источник информации	Автор
СССР	1949—1959	Женщины	Обследование 1960 г.	Дарский Л. Е. ¹
	1975—1978	Женщины	Обследование 1978 г.	Расчет авторов
	1980—1984	Мужчины Женщины	Обследование 1985 г.	То же
Европейская Россия	1897	Женщины	Перепись 1897 г.	Тольц М. С. ²
РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР	1965—1968	Женщины	Обследование 1978 г.	Расчет авторов
	1975—1978	Женщины	Обследование 1978 г.	То же
	1980—1984	Женщины	Обследование 1985 г.	То же
	Украинская ССР	1925—1928	Женщины	Перепись 1926 г. + браки 1925—1928 гг.
	1926—1927	Мужчины	Перепись 1926 г. + браки 1926—1927 гг.	Тольц М. С. ⁴
	1975—1978	Женщины	Обследование 1978 г.	Расчет авторов
	1978—1979	Мужчины Женщины	Перепись 1979 г. + браки 1978—1979 гг.	Чуйко Л. В. ⁵
	1980—1984	Мужчины Женщины	Обследование 1985 г.	Расчет авторов
	1-я группа территорий	1949—1959	Женщины	Обследование 1960 г.

¹ Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972.

² Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.

³ Корчак-Чепурковский Ю. А. Таблица брачности // Избранные демографические исследования. М., 1970. Таблица пересчитана нами на основе b_x автора.

⁴ Тольц М. С. Методика построения таблиц брачности холостяков // Демографическая ситуация в СССР. М., 1976.

⁵ Демографическое развитие Украинской ССР в 1970—1979 гг. Киев, 1987. Гл. 4.

данным 1985 г. исследовалась брачность как мужчин, так и женщин, а по предыдущим — только женщин. По материалам 1978 и 1985 гг. были построены также таблицы брачности первых браков методом гипотетического поколения за период, предшествующий дате обследований.

Значительные масштабы этих обследований позволяют не сомневаться в точности полученных таблиц. Учитывая большой объем материала, мы выбрали небольшие периоды: число человеко-лет, попавших под наблюдение, оказалось вполне доста-

точным. Для исчисления возрастных вероятностей вступления в первый брак была использована та же методика, что и при построении наших таблиц брачности для женщин за 1949—1959 гг. по данным обследования рождаемости 1960 г.⁶

Показатели за период 1975—1978 гг. по материалам обследования 1978 г. подвергались выравниванию в возрастах старше 22 лет, логарифм вероятности вступить в брак выравнивался параболой второго порядка при условии, что суммарный коэффициент брачности в интервале возрастов от 22 до 49 лет не менялся; показатели за 1980—1984 гг., полученные по материалам обследования 1985 г., оказались достаточно плавными и до 35 лет не выравнивались, в более старших возрастах использовалась 3-летняя скользящая средняя.

Таким образом, мы получили серию чистых таблиц брачности, сопоставимых между собой по методу построения, хотя и не строго по методу отбора.

Что касается сопоставления показателей полученных таблиц с показателями таблиц брачности, имеющимися в отечественной демографической литературе, то оно несколько ограничено. Практически все они построены классическим методом.

В то же время таблицы Ю. А. Корчака-Чепурковского (1925—1928 гг.)⁷, Л. В. Чуйко (1978—1979 гг.) и М. С. Тольца (1926—1927 гг.)⁸ по Украинской ССР методически вполне сопоставимы между собой, так как построены по материалам переписей 1926 и 1979 гг. и данным текущей статистики за годы, примыкающие к ним. Распространенность фактических браков на Украине в 20-е годы, по свидетельству А. П. Хоменко⁹, была незначительной, и ею, по-видимому, можно пренебречь. Особое место среди таблиц для гипотетического поколения занимает таблица М. С. Тольца¹⁰, построенная на материалах переписи населения 1897 г., однако не классическим методом, а с применением математической модели Э. Коула. Она единственная дает картину брачности женщин дореволюционной России, что весьма ценно для анализа брачности в длительной ретроспективе, поэтому мы включили ее в наше исследование. И, наконец, серия полученных таблиц хорошо сопоставима с таблицей брачности женщин СССР за 1949—1959 гг., построенной на материалах выборочного ретроспективного обследования рождаемости 1960 г., хотя оно отличалось по объему материала и методу отбора. В указанном году было обследовано 43,7 тыс. семей, постоянно ведущих бюджетные записи, в 1978 г. — 310 тыс. семей рабочих, служащих и колхозников, отобранных в ряде отраслей народного хозяйства. В 1985 г. было опрошено 5 % постоянного населения страны, отбор шел по избирательным участкам.

В данной работе мы не касаемся территориальной и социальной дифференциации, для анализа которой имеющийся набор таблиц недостаточен. Лишь потому, что нет сопоставимых данных по стране в целом для оценки длительной ретроспективы, мы используем серию сопоставимых таблиц для крупных регионов.

По таблицам 1980—1984 гг. для СССР (см. табл. 5, 6), доля никогда не вступавших в брак составляла 2,1 % для мужчин и 3,2 — для женщин. Это приблизительно средний (нормальный) уровень, который нельзя оценить ни как слишком низкий (как в некоторых развивающихся странах), ни как очень высокий (как для некоторых поколений стран Западной Европы). Брак был и остается основным социальным институтом, регулирующим частную жизнь людей, это основной путь формирования семьи. Другие возможности образования семьи (усыновление, рождение внебрачного ребенка) не только менее распространены, но считаются и менее желательными. Об окончательном уровне безбрачия можно судить только для достигших возраста 40 или 50 лет, когда возможность заключения первых браков в этом поколении уже исчерпана. В настоящее время мы можем судить об уровне безбрачия для родившихся в предвоенные годы. Судя по этим данным, нет никаких признаков эрозии института брака и повышения безбрачия, как это наблюдается во многих развитых капиталистических странах. По имеющимся данным, с конца прошлого века (табл. 2) уровень безбрачия для всего населения страны был умеренным; какого-либо ярко выраженного тренда его повышения или понижения не наблюдается.

Колебания уровня безбрачия во времени, которое мы наблюдаем, почти за 100 лет по стране в целом и большая часть региональных различий связаны с демографическими факторами. При этом основное влияние оказывает соотношение численностей полов в отдельных поколениях. Гибель большого числа молодых мужчин в Великой Отечественной войне резко нарушила ситуацию на брачном рынке для поколений, которые должны были вступить в брак в военные и послевоенные годы. В связи с этим в поколениях 1909—1933 годов рождения оказалось заниженным безбрачие мужчин по переписи 1979 г. (возраст от 45 до 69 лет) и в поколениях 1915—1934 годов рождения по обследованию 1985 г. (от 50 до 69 лет). Если безбрачие мужчин составило среди них менее 2 %, то среди женщин оно колебалось от 4 до 6 %. В поколе-

Таблица 2. Динамика безбрачия мужчин и женщин в Европейской России и СССР

Источник	Доля (в ‰) никогда не состоявших в браке в возрасте, лет							
	мужчины				женщины			
	50—54	55—59	60—64	65—69	50—54	55—59	60—64	65—69
Перепись 1897 г.	28		23 *		48		54 *	
Перепись 1926 г.	22	20	18	17	35	34	32	32
Перепись 1979 г.	13	11	8	8	52	59	47	39
Обследование 1985 г.	17	12	11	10	43	57	71	65

* Возраст 60 лет и старше.

Таблица 3. Влияние войны на брачную историю двух поколений

Годы рождения поколений	Возраст				В СССР в 1959 г. в данном поколении на 100 женщин приходилось мужчин	По обследованию 1985 г. никогда не состояли в браке (‰)	
	в начале 1941 г.	в начале 1945 г.	при переписи 1959 г.	при обследовании 1985 г.		мужчины	женщины
1920—1924	17—21	21—25	34—38	60—64	65	11	71
1930—1934	7—11	11—15	24—28	50—54	97	17	43

ниях более поздних лет рождения безбрачие снова снижается до исходного уровня.

На уровне безбрачия сказываются лишь очень большие диспропорции в численностях полов. При менее значительных колебаниях более низкая возможность вступить в брак компенсируется для женщин браками как с более старшими, так и более молодыми мужчинами, чем обычно.

Влияние диспропорции численности полов, вызванной военными потерями, на уровень окончательного безбрачия хорошо видно при сравнении демографической судьбы двух поколений, одно из которых сильно пострадало в результате войны, а другого война не коснулась (табл. 3).

Мужчинам, родившимся в 1920—1924 годы, в год начала войны исполнилось от 17 до 21 года, и это мужское поколение понесло наибольшие потери в военные годы, с чем связано сокращение их числа до 65 на каждые 100 женщин этого же возраста. Это вызвало очень низкий уровень мужского безбрачия в этом поколении («сверхбрачность» уцелевших мужчин) и достаточно высокий — женского¹¹ (значительный избыток невест). В поколении 1930—1934 гг. рождения, не испытавшего на себе разрушительного влияния войны, соотношение численности полов близко к единице, что вызвало незначительное увеличение мужского безбрачия и заметное снижение женского.

Помимо прямых военных потерь значительное влияние на ситуацию брачного рынка оказывают несбалансированные по полу миграции; они в сочетании с результатами войны в одних случаях усугубляли, в других смягчали ситуацию. В результате возникли значительные различия в безбрачии между городом и селом. Общее сравнение уровня безбрачия в поколениях, затронутых и не затронутых войной, показывает, что нормализация половой структуры снизила его величину у женщин и увеличила у мужчин в большинстве республик как в городе, так и на селе. Однако сохраняются существенные различия в уровнях безбрачия. Так, в поколении 1930—1934 гг. рождения у мужчин — жителей села его величина колеблется от 9,8 % (Эстония) до 0,3 (Таджикистан), а среди жителей городов — от 3,5 % (Латвия) до 0,6

(Киргизия). У женщин этого поколения разрыв между максимальными и минимальными значениями несколько меньше. Так, у жительниц села уровень безбрачия колеблется от 8,6 % (Эстония) до 0,4 (Узбекистан), а среди городских — от 6,9 % (Эстония) до 1,6 (Таджикистан). Естественно, что такая дифференциация уровней безбрачия зависит от семейных традиций различных народов. Что касается динамики уровня безбрачия от поколения к поколению, то она тесно связана с постепенным улучшением возрастнo-половой структуры населения после Великой Отечественной войны.

Сравнительный анализ соотношения численности полов в этих двух поколениях по городскому и сельскому населению в разрезе союзных республик показал аналогичную картину. Величина этого показателя повысилась в городах и селах всех республик. В городах это обстоятельство вызвало снижение доли женщин, никогда не состоявших в браке, в возрасте 50—54 года в одиннадцати республиках; наиболее заметным оно оказалось в РСФСР, Белоруссии, Литве, Грузии, на Украине. Этот показатель для мужчин — жителей городов повысился практически везде (за исключением Армении). В сельской местности уровень безбрачия женщин снизился в десяти республиках; в наибольшей степени — в РСФСР, Казахстане, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Литве, на Украине. Мужское безбрачие повысилось особенно заметно в РСФСР, Литве, Эстонии, Белоруссии и Азербайджане.

Показатель окончательного безбрачия из таблиц брачности характеризует не величину безбрачия конкретного поколения, а кумулятивную характеристику брачности данного календарного периода. По таблицам брачности женщин Европейской России за 1897 г. уровень безбрачия был невысоким — 4,9 % (табл. 4); он хорошо сопоставим с уровнем безбрачия женщин реального поколения 1837—1846 гг. рождения (4,8 %), представительницы которого в 1897 г. были в возрасте от 50 до 59 лет. Сопоставление величины женского безбрачия в 1897 г. с аналогичными показателями поколения 1920—1924 и 1930—1934 гг. рождения в РСФСР, Белоруссии и Украине показывает, что социальные катаклизмы конца 20-х—начала 30-х годов не привели к стойкому повышению окончательного безбрачия, к распространению «европейского» типа брачности в нашей стране, а повышенные показатели женского безбрачия в некоторых поколениях связаны с влиянием временной диспропорции численности полов.

Практически все таблицы показывают умеренный уровень безбрачия. Из общего ряда выделяются очень низкая величина безбрачия мужчин на Украине в 1926—1927 гг. (0,4 %) и высокая — для женщин СССР в целом и 1-й группы территорий (Украина, Латвия, Эстония) за период 1949—1959 гг. (соответственно 8,0 и 9,1 %). И если феномен столь всеобщей брачности мужчин на Украине в 20-е годы требует специального исследования, то во втором случае налицо явное влияние послевоенной диспропорции численности полов на женскую брачность. Постепенная нормали-

Таблица 4. Динамика безбрачия в СССР

Территория	Период	Доля (‰) лиц, не вступивших в первый брак до 50 лет по таблицам брачности		Автор
		женщины	мужчины	
СССР	1949—1959	80	—	Дарский Л. Е. ¹
	1975—1978	32	—	Расчет авторов
	1980—1984	32	21	То же
Европейская Россия	1897	49	—	Тольц М. С. ²
РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР	1965—1968	22	—	Расчет авторов
	1975—1978	26	—	То же
	1980—1984	31	—	То же
Украинская ССР	1925—1928	26	—	Корчак-Чепурковский Ю. А. ³
	1926—1927	—	4	Тольц М. С. ⁴
	1975—1978	23	—	Расчет авторов
	1978—1979	10	6	Чуйко Л. В. ⁵
	1980—1984	29	22	Расчет авторов
1 группа территорий	1949—1959	91	—	Дарский Л. Е. ¹

¹ Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972.

² Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.

³ Корчак-Чепурковский Ю. А. Таблица брачности // Избранные демографические исследования. М., 1970.

⁴ Тольц М. С. Методика построения таблиц брачности холостяков // Демографическая ситуация в СССР. М., 1976.

⁵ Демографическое развитие Украинской ССР в 1970—1979 гг. Киев, 1987. Гл. 4.

зация половозрастной структуры населения привела к снижению уровня женского безбрачия, и сейчас он достаточно низок на фоне той длительной исторической ретроспективы, которой мы располагаем. Это также подтверждают показатели безбрачия реальных поколений, не пострадавших от войны. Например, в поколении 1935—1939 гг. рождения, представлениям которого на момент обследования 1985 г. было от 45 до 49 лет, доля никогда не состоявших в браке среди мужчин этого возраста составляла 2,6 %, а среди женщин — 3,5 %.

III

Сверхранние браки мало распространены в СССР. По таблицам брачности 1980—1984 гг. вступает в брак до 18 лет 4,35 % женщин и 0,55 — мужчин. Таким образом, лишь небольшая часть мужчин и женщин пользуется существующей возможностью заключить брак до 18 лет, получив специальные разрешения «в порядке исключения». Зато после 18 вероятность вступления в брак резко возрастает и уже в 22 года достигает максимума: из 1000 не состоявших в браке женщин, достигших 22 лет, вступают в брак в течение года 233. После 22 лет вероятность вступить в брак

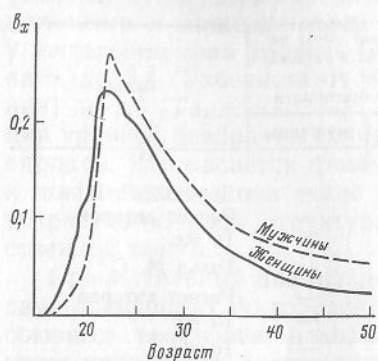

Рис. 1. Возрастные вероятности вступления в первый брак мужчин и женщин. СССР. 1980—1984 гг.

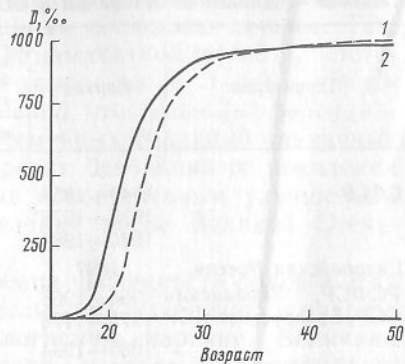

Рис. 2. Доля (в %) мужчин и женщин, вступивших в первый брак к данному возрасту, по таблицам брачности. СССР. 1980—1984 гг.

1 — мужчины; 2 — женщины

медленно снижается, достигая уровня меньше чем 0,1 в возрасте 31 года, где она равна вероятности восемнадцатилетних¹². Брачность женщин 1980—1984 гг. можно считать достаточно ранней. К возрасту 20 лет уже вступают в брак 27,4 % женщин, но только 5 % мужчин.

На рис. 1 показано, что кривая вероятностей вступления в брак 1980—1984 гг. как у мужчин, так и у женщин достаточно плавная, хотя она почти не изменилась при выравнивании, что также свидетельствует о нормализации брачности, если сравнить ее с кривыми более ранних таблиц. У мужчин и у женщин некоторая неплавность кривых наблюдается в возрастах от 19 до 24 лет, что, по-видимому, связано с призывом мужчин на срочную службу в армию и откладыванием браков на этот период. Мы не считали это искажением брачности в данных возрастах и поэтому кривую не выравнивали. До 22 лет вероятность вступления в брак у женщин выше, чем у мужчин, а начиная с 23 лет она выше у мужчин. Но к 23 годам остается лишь 34,1 % женщин, еще не вступавших в брак, а среди мужчин таких 59,2 %. Из этого не следует, что у последних процесс вступления в брак более растянут: скорость его у мужчин и женщин почти одинакова. Интервал между третьим и первым квартилем равен у мужчин $Q_3 - Q_1 = 4,0$ года; у женщин — 4,1. Однако у мужчин возраст вступления в брак сдвинут на 2,5—3 года. Разница между модалными возрастными вступления в брак мужчин и женщин составляет 2 года, медианными — 2,5, средними 3,1 года (табл. 4в). Таким образом, все же формы кривых брачности мужчин и женщин различаются.

Доля мужчин, состоявших в браке в молодых возрастах,

Таблица 4а. Некоторые показатели специальных таблиц брачности для гипотетических поколений мужчин и женщин, не состоявших в браке

Территория и период	Доля (в ‰) не вступивших в первый брак к возрасту				
	20 лет S_{20}	25 лет S_{25}	30 лет S_{30}	35 лет S_{35}	50 лет S_{50}
<i>Женщины</i>					
СССР					
1949—1959	679	274	129	96	80
1975—1978	659	187	84	53	32
1980—1984	726	212	93	58	32
Европейская Россия					
1897	673	185	73	53	49
РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР					
1965—1968	679	169	60	34	22
1975—1978	647	171	72	45	26
1980—1984	724	209	91	57	31
Украинская ССР					
1925—1928	664	176	63	39	26
1975—1978	633	153	64	37	23
1978—1979	586	123	48	25	10
1980—1984	686	186	82	50	29
1 группа территорий					
1949—1959	746	322	145	107	91
<i>Мужчины</i>					
СССР					
1980—1984	950	344	122	62	21
Украинская ССР					
1926—1927	842	267	58	18	4
1978—1979	927	221	64	30	6
1980—1984	951	325	114	59	22

меньше, чем женщин, хотя разница с возрастом систематически уменьшается. К возрасту 20 лет мужчин вступает в брак на 22,5 % меньше; к 25 годам разница уменьшается до 13 %, к 30 — она составляет всего 3 % и к возрасту 37 лет исчезает совсем. Затем появляется разница в пользу мужчин, которая постоянно возрастает. К 50 годам доля мужчин, вступивших в брак, на 1 % превосходит этот показатель для женщин (табл. 4а и рис. 2).

Сравнение таблиц 1980—1984 гг. с предыдущими показывает, что в среднем по стране кривая брачности женщин мало отличается от полученной по таблицам 1975—1978 гг., хотя и заметен некоторый сдвиг за эти годы брачности к старшим возрастам (см. рис. 3). При том же модалном возрасте вступления в брак средний и медианный возраста выросли на 0,5 года при том же межквартильном расстоянии (см. табл. 4в). При этом выросли

Таблица 4б. Некоторые характеристики вероятностей вступления в брак

Территория и период	Возраст максимальной брачности	Максимальная вероятность вступления в брак	Вероятность вступить в брак до 50 лет для не вступивших к возрасту		Возраст, в котором вероятность вступить в брак равна 0,5
			30 лет	35 лет	
			Q_{30}	Q_{35}	
<i>Женщины</i>					
СССР					
1949—1959	23	0,1764	0,3812	0,1715	28,1
1975—1978	22	0,2362	0,6139	0,3926	32,5
1980—1984	22	0,2330	0,6577	0,4489	33,7
Европейская Россия 1897	23	0,2378	0,3205	0,0732	27,9
РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР					
1965—1968	23	0,2553	0,6317	0,3557	32,0
1975—1978	21	0,2507	0,6352	0,4169	33,0
1980—1984	22	0,2356	0,6542	0,4443	33,6
Украинская ССР					
1925—1928	22	0,2430	0,5866	0,3350	31,5
1975—1978	21	0,2716	0,6399	0,3777	32,8
1978—1979	21	0,2994	0,7874	0,5894	37,2
1980—1984	22	0,2487	0,6491	0,4260	33,3
I группа территорий 1949—1959	25	0,1750	0,3679	0,1450	28,1
<i>Мужчины</i>					
СССР					
1980—1984	23	0,2403	0,8280	0,6635	39,2
Украинская ССР					
1926—1927	25	0,2736	0,9376	0,7943	41,0
1978—1979	22	0,3018	0,9956	0,9906	—
1980—1984	23	0,2522	0,8104	0,6358	38,3

вероятности вступления в брак в возрастах старше 27 лет. Если по таблицам 1975—1978 гг. у женщин в возрасте 30 лет вероятность вступления в брак на протяжении оставшихся 20 лет условного бракоспособного возраста составляла 0,61, то к 1980—1984 гг. она выросла до 0,66; на 1,2 года увеличился критический возраст, когда шансы на вступление в брак равны 0,5. При этом уровень окончательного безбрачия не изменился. По-видимому, за средними по стране сдвигами стоят разные ситуации в разных районах. Например, сопоставление таблиц за те же годы на Украине показывает более серьезные изменения (рис. 4). Сдвинулся с 21 года к 22 возраст максимальной брачности, а максимальная вероятность упала с 0,27 до 0,25. Уменьшение вероятностей вступления в брак наблюдается в возрастах с 22 лет до

Таблица 4в. Характеристики табличного распределения вступивших в брак по возрасту

Территория и период	Характеристики табличного распределения вступивших в брак по возрасту				
	1-й квартиль Q_1	медиана Me	3-й квартиль Q_3	σ	мода Mo
<i>Женщины</i>					
СССР					
1949—1959	19,2	21,4	24,4	22,3	19
1975—1978	19,3	21,0	23,4	22,1	20
1980—1984	19,8	21,5	23,9	22,6	20
Европейская Россия 1897	19,3	21,1	23,4	21,7	20
РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР					
1965—1968	19,4	21,1	23,4	21,9	20
1975—1978	19,2	20,9	23,2	21,9	20
1980—1984	19,8	21,4	23,9	22,5	20
Украинская ССР					
1925—1928	19,4	21,1	23,5	21,9	19
1975—1978	19,2	20,8	22,9	21,7	20
1978—1979	19,1	20,5	22,5	21,4	19
1980—1984	19,5	21,1	23,4	22,2	20
I группа территорий 1949—1959	19,7	22,1	25,1	22,9	19
<i>Мужчины</i>					
СССР					
1980—1984	22,0	23,6	26,0	24,8	22
Украинская ССР					
1926—1927	20,7	22,7	25,2	23,4	20
1978—1979	21,4	22,6	24,6	23,6	21
1980—1984	21,9	23,4	25,8	24,6	22

40 лет; оно более существенно, чем в целом в СССР. Возможно, что столь значительные сдвиги связаны с локальными особенностями изменения ситуации на брачном рынке для женщин. В частности, в таблицах 1975—1978 гг. сказывалась повышенная брачность женщин военных лет рождения, а в таблицах 1980—1984 гг. в большей степени отражалась пониженная брачность женщин, родившихся в послевоенные годы. Все это могло усугубляться несбалансированной по полу миграцией, повышавшей или понижавшей шансы на вступление в брак у женщин; но при этом все же нельзя отрицать общего сдвига их брачности к старшим возрастам из-за изменения брачного поведения. Более детально эти изменения можно исследовать только путем углубленного анализа динамики брачности в реальных поколениях.

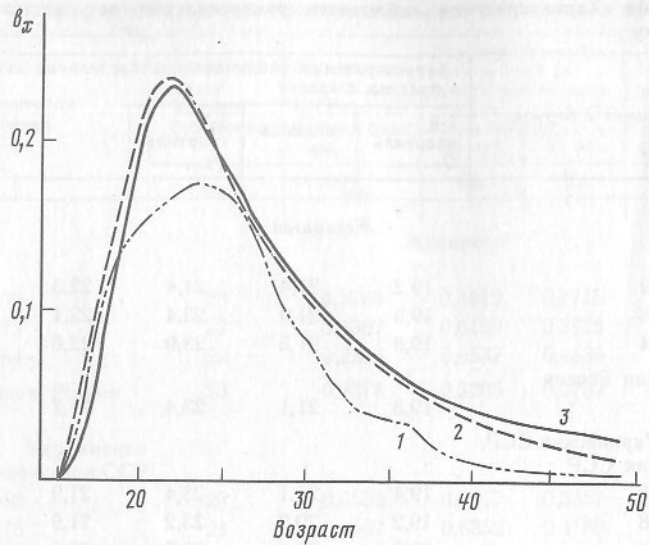

Рис. 3. Возрастные вероятности вступления в первый брак женщин. СССР
1 — 1949—1959 гг.; 2 — 1975—1978 гг.; 3 — 1980—1984 гг.

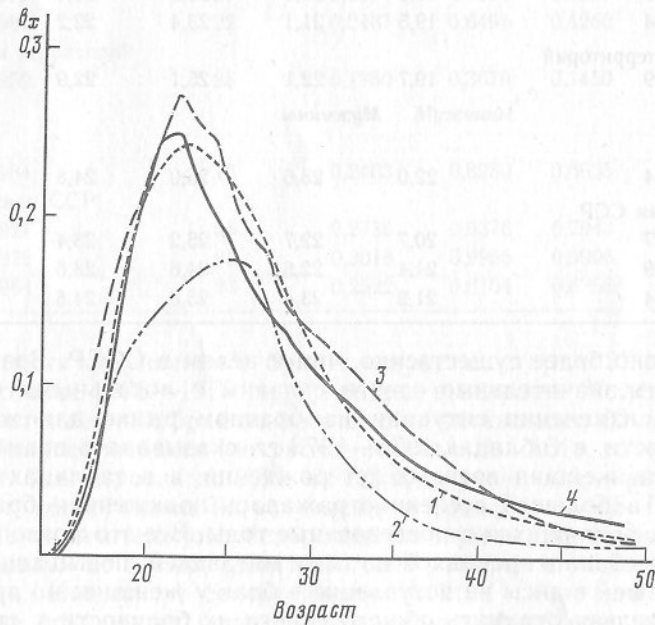

Рис. 4. Возрастные вероятности вступления в первый брак женщин. Украинская ССР
1 — 1925—1928 гг.; 2 — 1949—1959 гг.; 3 — 1975—1978 гг.; 4 — 1980—1984 гг.

Таблица 5. Чистая специальная таблица брачности мужчин, не состоявших в браке. СССР, 1980—1984 гг. (по данным обследования 1985 г.)

Возраст x	Число не вступивших в брак к возрасту x лет S_x	Число вступивших в брак		Вероятность вступить в брак		Средний возраст вступления в брак для вступивших		
		в возрасте x лет B_x	к возрасту x лет $\sum_{15}^x B_x$	в возрасте x лет и старше $\sum_x^{\infty} B_x$	в возрасте x лет b_x	в возрасте x лет и старше Q_x	до возраста x лет X_{-x}	в возрасте x лет и старше X_{+x}
15	10000	3	3	9790	0,00032	0,9790	15,50	24,77
16	9997	9	12	9787	0,00088	0,97899	16,25	24,77
17	9988	43	55	9778	0,00427	0,97897	17,23	24,81
18	9945	177	232	9735	0,01777	0,97888	18,20	24,92
19	9768	266	498	9558	0,02725	0,97850	18,89	25,08
20	9502	550	1048	9292	0,05789	0,97790	19,74	25,37
21	8952	1339	2387	8742	0,14953	0,97654	20,73	26,07
22	7613	1692	4079	7403	0,22231	0,97242	21,46	27,12
23	5921	1423	5502	5711	0,24030	0,96453	21,99	28,33
24	4498	1063	6565	4288	0,23643	0,95331	22,40	29,59
25	3435	754	7319	3225	0,21951	0,93886	22,72	30,83
26	2681	539	7858	2471	0,20094	0,92167	22,97	32,04
27	2142	394	8252	1932	0,18399	0,90196	23,19	33,21
28	1748	302	8554	1538	0,17274	0,87986	23,38	34,36
29	1446	225	8779	1236	0,15539	0,85477	23,54	35,44
30	1221	180	8959	1011	0,14741	0,82801	23,68	36,50
31	1041	140	9099	831	0,13467	0,79827	23,80	37,52
32	901	91	9210	691	0,12271	0,76693	23,90	38,48
33	790	63	9301	580	0,11456	0,73418	23,99	39,41
34	699	52	9376	489	0,10710	0,69957	24,08	40,29
35	624	561	9439	414	0,10026	0,66346	24,15	41,16
36	561	444	9491	351	0,09299	0,62567	24,22	41,96
37	509	38	9573	299	0,08713	0,58743	24,28	42,74
38	465	33	9573	255	0,08225	0,54839	24,34	43,48
39	427	29	9606	217	0,07786	0,50820	24,39	44,19
40	394	26	9635	184	0,07467	0,46701	24,44	44,88
41	365			155	0,07008	0,42466		

Возраст x	Число не вступивших в брак к воз- расту x лет S_x	Число вступивших в брак		Вероятность вступить в брак		Средний возраст вступления в брак для вступивших		
		в возрасте x лет B_x	к возрасту x лет \sum_{15}^B	в возрасте x лет и старше \sum_x^B	в возрасте x лет b_x	в возрасте x лет и старше Q_x	до возраста x лет \bar{X}_{-x}	в возрасте x лет и старше \bar{X}_{x+}
42	339	22	9661	129	0,06473	0,38054	24,49	45,56
43	317	19	9683	107	0,06150	0,33754	24,53	46,19
44	298	18	9702	88	0,05991	0,29530	24,56	46,77
45	280	16	9720	70	0,05772	0,25000	24,60	47,36
46	264	15	9736	54	0,05533	0,20455	24,64	47,91
47	249	14	9751	39	0,05438	0,15663	24,67	48,45
48	235	13	9765	25	0,05431	0,10638	24,70	48,98
49	222	12	9778	12	0,05336	0,05405	24,73	49,50
50	210		9790				24,76	

Таблица 6. Чистая специальная таблица брачности женщин, не состоявших в браке, СССР, 1980—1984 гг. (по данным обследования 1985 г.)

Возраст x	Число не вступивших в брак к воз- расту x лет S_x	Число вступивших в брак		Вероятность вступить в брак		Средний возраст вступления в брак для вступивших		
		в возрасте x лет B_x	к возрасту x лет \sum_{15}^B	в возрасте x лет и старше \sum_x^B	в возрасте x лет b_x	в возрасте x лет и старше Q_x	до возраста x лет \bar{X}_{-x}	в возрасте x лет и старше \bar{X}_{x+}
15	17							
16	983	85	17	9665	0,00847	0,9682	—	22,57
17	9898	333	102	9580	0,03369	0,96787	15,50	22,58
18	9565	944	435	9247	0,09872	0,96675	16,33	22,64
19	8621	1362	1379	8303	0,15801	0,96311	17,23	22,82
20	7259	1490	2741	6941	0,20532	0,95619	18,10	23,31
21	5769	1323	4231	5451	0,22926	0,94488	19,40	25,04
22	4446	1036	5554	4128	0,23304	0,92848	19,90	26,17
23	3410	749	6590	3092	0,21952	0,90674	20,31	27,40
24	2661	546	7339	2343	0,20506	0,88050	20,63	28,64
25	2115	391	7885	1797	0,18498	0,84965	20,90	29,90
26	1724	287	8276	1406	0,16669	0,81555	21,12	31,13
27	1437	213	8563	1119	0,14813	0,77871	21,30	32,32
28	1224	166	8776	906	0,13590	0,74020	21,45	33,45
29	1058	129	8942	740	0,12207	0,69943	21,58	34,56
30	929	105	9071	611	0,11332	0,65770	21,69	35,62
31	824	81	9176	506	0,09840	0,61408	21,79	36,69
32	743	67	9257	425	0,09044	0,57201	21,88	37,68
33	676	55	9324	358	0,08140	0,52959	21,95	38,65
34	621	44	9379	303	0,07129	0,48792	22,02	39,58
35	577	37	9423	259	0,06385	0,44887	22,08	40,44
36	540	31	9460	222	0,05676	0,41111	22,13	41,27
37	509	26	9491	191	0,05087	0,37525	22,18	42,04
38	483	23	9517	165	0,04829	0,34161	22,22	42,75
39	460	21	9540	142	0,04635	0,30870	22,26	43,44
40	439	19	9561	121	0,04309	0,27563	22,30	44,13
41	420	17	9580	102	0,03951	0,24286	22,33	44,80
42	403	15	9597	85	0,03601	0,21092	22,37	45,46
43	388	13	9612	70	0,03304	0,18041	22,40	46,10
44	375	12	9625	57	0,03141	0,15200	22,43	46,69
45	363	11	9637	45	0,02994	0,12397	22,46	47,28
46	352	10	9648	34	0,02861	0,09659	22,48	47,85
47	342	9	9658	24	0,02696	0,07018	22,51	48,42
48	333	8	9667	15	0,02454	0,04505	22,53	48,97
49	325	7	9675	7	0,02212	0,02154	22,55	49,50
50	318		9682				22,57	

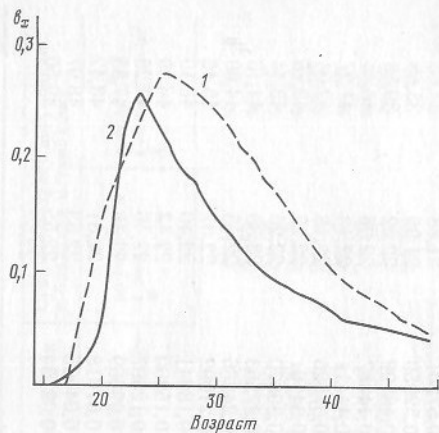

Рис. 5. Возрастные вероятности вступления в первый брак мужчин. Украинская ССР

1 — 1926—1927 гг.; 2 — 1980—1984 гг.

Во всяком случае, описанные сдвиги не идут ни в какое сравнение с теми, которые видны при сравнении показателей 1980—1984 гг. с таблицами 1949—1959 гг., когда еще сказывались последствия Великой Отечественной войны. По сравнению с этими изменениями современная ситуация с брачностью женщин

представляется возвращением к той, которая была характерна для середины 20-х годов и отражена в таблице Ю. А. Корчака-Чепурковского.

Что касается мужчин, то единственное динамическое сравнение, которое нам доступно, — это сопоставить брачность мужчин УССР 1980—1984 гг. с таблицами М. С. Тольца для 1926—1927 гг.¹³ (рис. 5). Вероятность вступления в брак за 1980—1984 гг. существенно ниже, чем в 1926—1927 гг., во всех возрастах, за исключением узкого интервала от 21 до 24 лет, где они чуть больше.

По-видимому, в 20-е годы наблюдалась сверхбрачность мужчин: об этом говорит чрезмерно низкое безбрачие, очень высокие вероятности вступления в брак в старших возрастах и поздний критический возраст (вероятность вступить в брак (0,5) достигается лишь в возрасте 41 год). При этом брачность мужчин была более растянутой во времени, чем в настоящее время. Межквартильное расстояние составляло в 1926—1927 гг. 4,5 года против 3,9 в 1980—1984 гг. Произошел неравномерный сдвиг брачности к старшим возрастам. Модальный возраст вступления в брак повысился на 2 года, средний — на 1,2, медианный — на 0,7 года. В то же время возраст максимальной брачности снизился с 25 до 23 лет.

Таким образом, анализ таблиц брачности 1980—1984 гг. показал, что после значительных изменений брачного поведения из-за нарушения половозрастных структур бракоспособных континентов населения произошел возврат к ситуации, характерной для периода до этих нарушений. Все основные показатели таблиц брачности в настоящее время очень сходны с теми, которые наблюдались ранее.

Из таблицы видно, что брак остается почти универсальным социальным институтом. В него хотя бы единожды вступают почти все мужчины и женщины в каждом поколении. Интенсив-

ное вступление в брак начинается вскоре после минимального брачного возраста и сконцентрировано на небольшом возрастном интервале. Таблицы не дают никаких оснований предполагать, что в СССР имеет место статистически значимая тенденция к отказу от брака и предпочтению ему одиночества или каких-либо иных альтернативных форм половых союзов, как это имеет место в некоторых странах Запада. Некоторое повышение доли не состоявших в браке мужчин в молодых возрастах — не признак отказа от вступления в брак, а лишь следствие нормализации брачности и исчезновения так называемой сверхбрачности мужчин, характерной для ситуации острого дефицита мужчин на брачном рынке. Наши таблицы, полученные по материалам обследования 1985 г., не могут показать, произошли ли какие-нибудь сдвиги границы между зарегистрированными и незарегистрированными браками. Для этого необходимо получить таблицу брачности для зарегистрированных браков, но это возможно только в том случае, если в переписи наряду с брачным состоянием по самоопределению фиксируется юридическое брачное состояние.

Приведенные таблицы относятся к населению СССР в целом, которое в демографическом отношении весьма неоднородно. Территориальная и этническая дифференциация брачности, исследованная методом реальных поколений, весьма значительна. Для дальнейшей анализа этой дифференциации мы предполагаем построить серию таблиц брачности мужчин и женщин в отдельных группах населения для гипотетического поколения 1980/84 гг. по данным того же обследования.

¹ См.: Белова В. А. Анализ влияния на брачность семейного и возрастно-полового состава населения // Вопросы демографии. М., 1970. С. 176—187; Корчак-Чепурковский Ю. А., Чуйко Л. В. Об измерении понижающего влияния несоответствия между численностями мужчин и женщин в бракоспособном возрасте на уровень брачности // Вопросы демографии. Киев. 1968. С. 73—77.

² Бондарская Г. А., Ильина И. П. Этническая дифференциация брачности женщин в СССР. Демографический аспект // Демографическое развитие семьи. М., 1979; Ильина И. П. Изучение брачности поколений женщин из семей рабочих и служащих в СССР // Рождаемость: (Проблемы изучения). М., 1976; Ильина И. П. Дифференциация брачности в нескольких поколениях женщин в СССР // Демографическая ситуация в СССР. М., 1976; Ильина И. П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977; Ильина И. П. Тенденции брачности женщин в СССР // Наши женщины. М., 1984.

³ Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 115—128.

⁴ Демографическое развитие Украинской ССР в 1970—1979 гг. Киев, 1987. Гл. 4.

⁵ В предыдущих работах мы успешно использовали материалы выборочных ретроспективных обследований рождаемости 1967, 1978, 1981 и 1985 гг. для изучения брачности и рождаемости реальных поколений.

⁶ Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972.

⁷ Корчак-Чепурковский Ю. А. Таблица брачности // Избранные демографические исследования. М., 1970.

⁸ Тольц М. С. Методика построения таблиц брачности холостяков // Демографическая ситуация в СССР. М., 1976.

⁹ Хоменко А. П. Семья в процессе перестройки // Семья и воспроизводство населения. М., 1980.

¹⁰ Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX—начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.

¹¹ В предыдущих работах мы подробно рассматривали проблему влияния войн на женскую брачность: См.: *Ильина И. П.* Влияние войн на брачность советских женщин // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР.*

¹² В возрасте 33,7 года не вступившие в брак женщины еще имеют шанс вступить в первый брак, равный 1/2. Половина из тех, кто не вступил в брак к 33 годам, уже не вступят в первый брак. У мужчин этот возраст равен 39,2 года (см. табл. 46). Если не вступивших в брак женщин к этому критическому возрасту остается примерно 6,5 %, то мужчин — только 4,1 %.

¹³ При сопоставлении надо помнить об изменении границ УССР в сентябре 1939 г. и различия в методике.

БРАЧНОЕ СОСТОЯНИЕ ЖЕНЩИН И РОЖДАЕМОСТЬ

Г. А. Бондарская, Л. Е. Дарский

1. Внебрачные рождения как категория учета

При описании демографической ситуации обычно ограничиваются показателями рождаемости у всех женщин независимо от их брачного состояния. Все попытки углубленного изучения рождаемости в СССР и ее факторов ограничиваются, как правило, изучением ее у женщин, состоящих в браке. Внебрачная рождаемость — важный компонент общей рождаемости, который в нашей стране исследован еще недостаточно. Перечень опубликованных известных нам статистико-демографических работ, посвященных изучению внебрачной рождаемости в СССР, очень короток, и все эти работы — локальны. Влияние этого компонента на уровень рождаемости в среднем по стране, конечно, невелико и не может идти в сравнение с влиянием брачной рождаемости, поскольку в СССР подавляющая часть рождений происходит все же у замужних женщин, и в основном состоящих в юридическом браке, т. е. зарегистрированном в ЗАГСе.

Внебрачные рождения имеют свою специфику, они порождают проблемы, связанные с положением одинокой матери и ее ребенка в обществе, дифференциацию детской смертности и т. д. Исследования смертности детей в зависимости от брачного состояния матери как за рубежом, так и у нас в стране показали, что среди родившихся у матерей, не состоящих в браке, младенческая смертность значительно выше. Имеются также данные, свидетельствующие о более высоком уровне мертворождаемости у женщин, не состоящих в браке. Внебрачная рождаемость также тесно связана с проблемой добрачных зачатий и «стимулированных» браков, с распространенностью аборт, с вопросами социальной помощи семье со стороны общества и государства, поскольку неполная семья, возникающая в результате внебрачного рождения, есть самостоятельный своеобразный объект социальной и демографической политики. При этом неверно полагать, что все внебрачные рождения являются нежеланными и представляют собой непреднамеренный результат случайных связей. Внебрачная рождае-

мость у большей части населения страны уже давно перестала быть социальной патологией, рождение ребенка вне брака превратилось в один из нормальных актов демографического и социального поведения, в альтернативный путь формирования семьи.

Однако социальные и демографические факторы выбора, который стоит перед женщиной при формировании семьи, практически не исследованы. Намеренное формирование неполной семьи — это явление, распространившееся недавно как одно из следствий социальной и экономической независимости современной женщины, которая предъявляет высокие требования к возможному супругу, обеспечивает нормальное воспитание ребенка и принимает такое решение сознательно, для того чтобы избежать одиночества в зрелом возрасте и в старости.

Внебрачная рождаемость — это демографическая и социальная реальность, которая оказывает влияние на разные стороны жизни многих людей и всего общества, а следовательно, нуждается в изучении.

Понятие внебрачной рождаемости и источники данных, так же как вся существующая система информации о движении населения, эволюционировала постепенно, своими корнями она уходит в XIX в. Оттуда же заимствованы и наши статистико-демографические понятия, связанные с брачным состоянием и рождением детей, которые не всегда адекватно могут отражать сложившееся сегодня положение вещей: в частности, традиционное деление всех рождений на брачные и внебрачные недостаточно для анализа современной ситуации.

В советской демографической литературе под внебрачными обычно подразумеваются рождения у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке на момент рождения ребенка. В международной практике существуют термины «незаконное рождение», «незаконнорожденный». К таковым относятся обычно дети, рожденные вне юридического брака, что определяется законами каждой страны. Таким образом, незаконными считаются все рождения у лиц, состоящих в консенсуальных браках (устойчивых союзах, не оформленных в соответствии с законом), у лиц, брак которых был оформлен только церковной церемонией, но без предписываемой законом гражданской регистрации, и вообще рождения во всех брачных союзах, заключенных иначе, чем предписано законом. В нашей литературе термин «незаконнорожденный» по отношению к СССР не употребляют, так как предполагается, что он несет на себе отпечаток неравноправия детей, рожденных вне брака, но термин «брачное рождение» остается практически синонимом законного рождения. По сути, термины «внебрачное» и «незаконное рождение» должны различаться, так как к незаконным, кроме внебрачных, относятся также все рождения у женщин, состоящих в браке, оформленном не в соответствии с законом. Однако эти категории рождений, как правило, в мировой практике государственной статистикой не выделяются.

Сопоставление данных статистики внебрачных (незаконных) рождений по странам мира весьма затруднено из-за национальных различий в юридических основах незаконнорожденности, различий в брачно-семейных традициях, из-за особенностей отношения государства и общества как к женщинам, родившим внебрачного ребенка, так и к рожденным ими детям, а также из-за различий в правилах и порядке регистрации рождений. Затрудняют сопоставимость данных статистики незаконнорожденности (внебрачной рождаемости) и различия в отношении к этому явлению в отдельных странах: в одних случаях одинокие матери пытаются любым способом скрыть факт незаконнорожденности, в других — напротив, отношение в обществе к незаконнорожденности и политика государства в отношении одиноких матерей таковы, что появляются даже определенные стимулы к тому, чтобы зарегистрировать ребенка как рожденного вне брака. Некоторые из этих моментов следует иметь в виду при сравнительном анализе соответствующих показателей не только по странам мира, но и по отдельным группам населения внутри одной страны, особенно с таким социально-культурным разнообразием, как СССР.

Основной источник статистической информации о внебрачных рождениях в нашей стране — текущий учет рождений. Попытки исследовать этот демографический феномен с помощью выборочных обследований, при которых, как и при переписи населения, брачное состояние фиксировалось по самоопределению опрашиваемых, не дали удовлетворительного результата — доля внебрачных рождений оказалась неправдоподобно низкой. Причина этого, по-видимому, в том, что большинство женщин, родивших ребенка не будучи замужем, называют себя состоявшими в браке. Поэтому пока основным источником сведений о внебрачной рождаемости в СССР, ее уровне, динамике и дифференциации остается текущий учет рождений.

До октября 1968 г. статистические формы отчетности предусматривали получение сведений о двух категориях родившихся в зависимости от брачного состояния матери при рождении, а именно о рождениях у женщин, состоявших и не состоявших на момент рождения ребенка в зарегистрированном браке. В последнем случае рождения регистрировались в органах ЗАГС по заявлению матери, а вместо сведений об отце ставился прочерк. В октябре 1968 г. в действие были введены новые Основы брачно-семейного законодательства, на основе которых были разработаны республиканские Кодексы о браке и семье. С 1969 г. в СССР дети, родившиеся вне зарегистрированного брака, могут быть зарегистрированы либо по совместному заявлению родителей (или отцовство может быть установлено в судебном порядке), и в этих случаях права и обязанности отца и ребенка ничем не отличаются от ситуации зарегистрированного брака родителей; либо регистрация производится только по заявлению матери, и ребенок получает ее фамилию, а сведения об отце вносятся с ее

слов, но последний никакими правами и обязанностями с ребенком не связан. Таким образом, текущая статистика с 1969 г. представляла для исследования рождаемости три совокупности родившихся: 1) родившиеся у женщин, состоящих в зарегистрированном браке; 2) родившиеся, зарегистрированные только по заявлению матери, и 3) родившиеся, зарегистрированные по совместному заявлению родителей (и те, в отношении которых отцовство было установлено в судебном порядке).

Можно предположить, что значительная доля детей, зарегистрированных по совместному заявлению родителей (число рождений с установлением отцовства в судебном порядке невелико¹⁾), рождается в существующем, но по каким-либо причинам к моменту рождения ребенка незарегистрированном браке. Точно определить это весьма трудно из-за отсутствия какой бы то ни было информации. Поэтому при решении некоторых задач детей, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, целесообразно объединять в единую категорию с рождениями в зарегистрированном браке, условно считая эту суммарную категорию брачными рождениями.

Что касается совокупности внебрачных рождений, зарегистрированных только по заявлению матери, то большую их часть можно, по-видимому, считать истинно внебрачными. Но при разработке данных текущей статистики эта категория выделялась в отдельную группу только в период с 1969 по 1980 г. В последующем эта разработка прекратилась, несмотря на то что раздельное изучение категорий внебрачных рождений представляет самостоятельный интерес, и возобновилась только с 1988 г.

Доля рождений, зарегистрированных только по заявлению матери, и вне зарегистрированного брака с добровольно признанным или установленным в судебном порядке отцовством, в общем числе рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, за период с 1970 по 1988 г. представлена в табл. 1.

Более половины всех внебрачных рождений приходится на зарегистрированных только по заявлению матери. Резко уменьшившись в начале 70-х годов, доля этой категории внебрачных рождений в течение нескольких лет оставалась стабильной, но с конца 70-х годов вновь начала расти. Соответственно сначала выросла, а затем после периода стабильности снова снизилась доля рождений, зарегистрированных по совместному заявлению родителей.

Имелись различия в структуре внебрачных рождений по рассматриваемым категориям между городским и сельским населением: городское имело более высокую долю рождений, зарегистрированных по заявлению матери, чем сельское.

Соотношение этих двух категорий внебрачных рождений различалось в зависимости от возраста матери. Наибольшая доля зарегистрированных по заявлению матери — в молодых возрастах (до 25 лет): в 1988 г. они составляли около 68 % всех внебрачных рождений в городском населении и 56 % — в сельском. В самой

Таблица 1. Структура внебрачных рождений в СССР по категориям регистрации, %*

Годы	Родившиеся					Доля зарегистрированных по совместному заявлению родителей в общем числе внебрачных рождений, %
	у всех женщин	у женщин, состоявших в зарегистрированном браке	у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке			
			Всего	из них зарегистрированы	по совместному заявлению родителей	
<i>Все население</i>						
1970—1974	100	91,6	8,4	3,6	4,8	42,3
1975—1979	100	91,6	8,4	3,7	4,7	43,7
1988	100	89,8	10,2	4,4	5,8	43,1
<i>Городское население</i>						
1970—1974	100	91,6	8,4	3,4	5,0	40,5
1975—1979	100	91,7	8,3	3,3	5,0	39,6
1988	100	89,1	10,9	4,1	6,8	37,6
<i>Сельское население</i>						
1970—1974	100	91,6	8,4	3,7	4,7	44,5
1975—1979	100	91,4	8,6	4,2	4,4	49,1
1988	100	90,7	9,3	4,9	4,4	52,7

* Данные во всех таблицах приведены на основе разработки текущей статистики рождений.

молодой возрастной группе (до 20 лет) как в городе, так и в селе наиболее часто внебрачные рождения регистрировались по заявлению матери в возрастах 18 и 19 лет. Случаи рождения детей у самых юных матерей (15—17 лет) чаще сопровождаются признанием или установлением отцовства; определенную роль в этом случае, по-видимому, играет уголовная ответственность за сожительство с несовершеннолетней.

2. Доля внебрачных рождений в отдельных группах населения

Динамика чисел родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, за весь послевоенный период четко делится на два этапа (см. рис. 1). До 1969 г. число таких рождений быстро снижалось, причем в 50-е годы такая динамика сохранялась на фоне роста числа рождений в зарегистрированном браке. С 1969 г. число рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, стало постепенно расти более быстрыми темпами, чем число брачных. За период с 1969 по 1988 г. годовое число рождений в стране выросло на 31,7 %, при этом у женщины, состоявших в зарегистрированном браке, оно выросло на 29,0 %, а у не состоявших — на 60,0 %. Опережающий рост числа внебрачных рождений в большей мере наблюдался в городском населении,

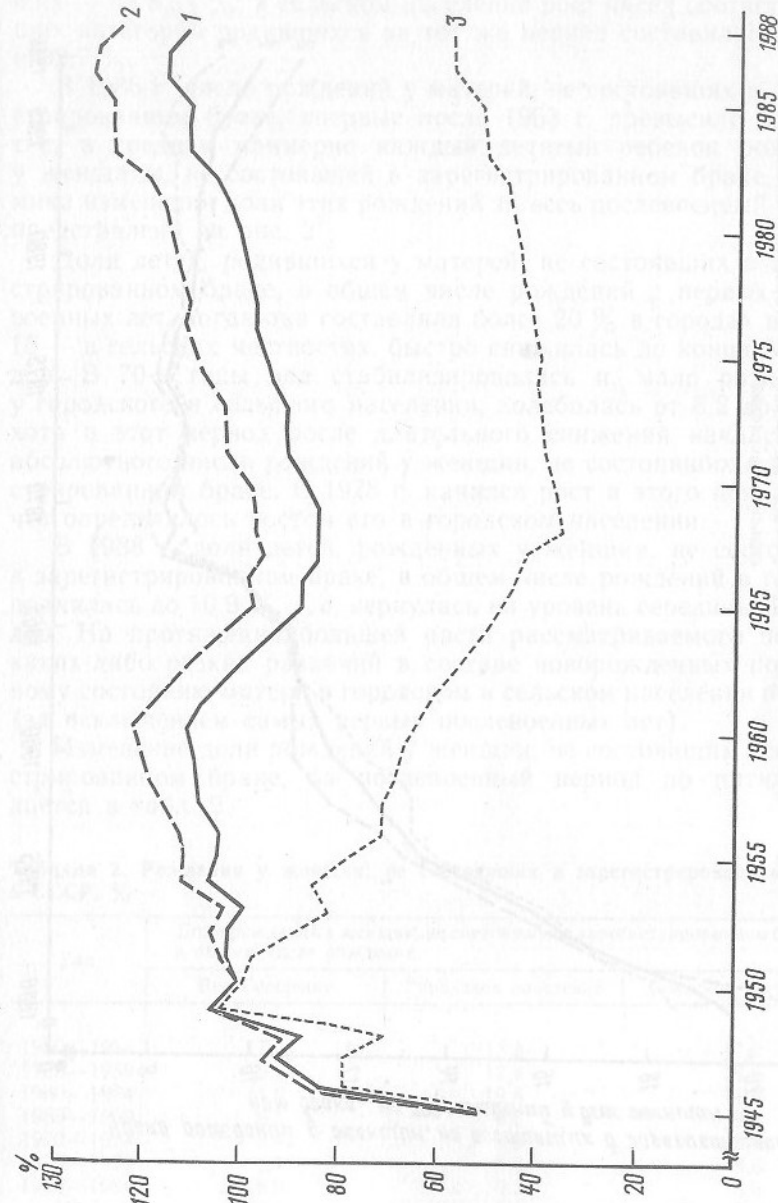
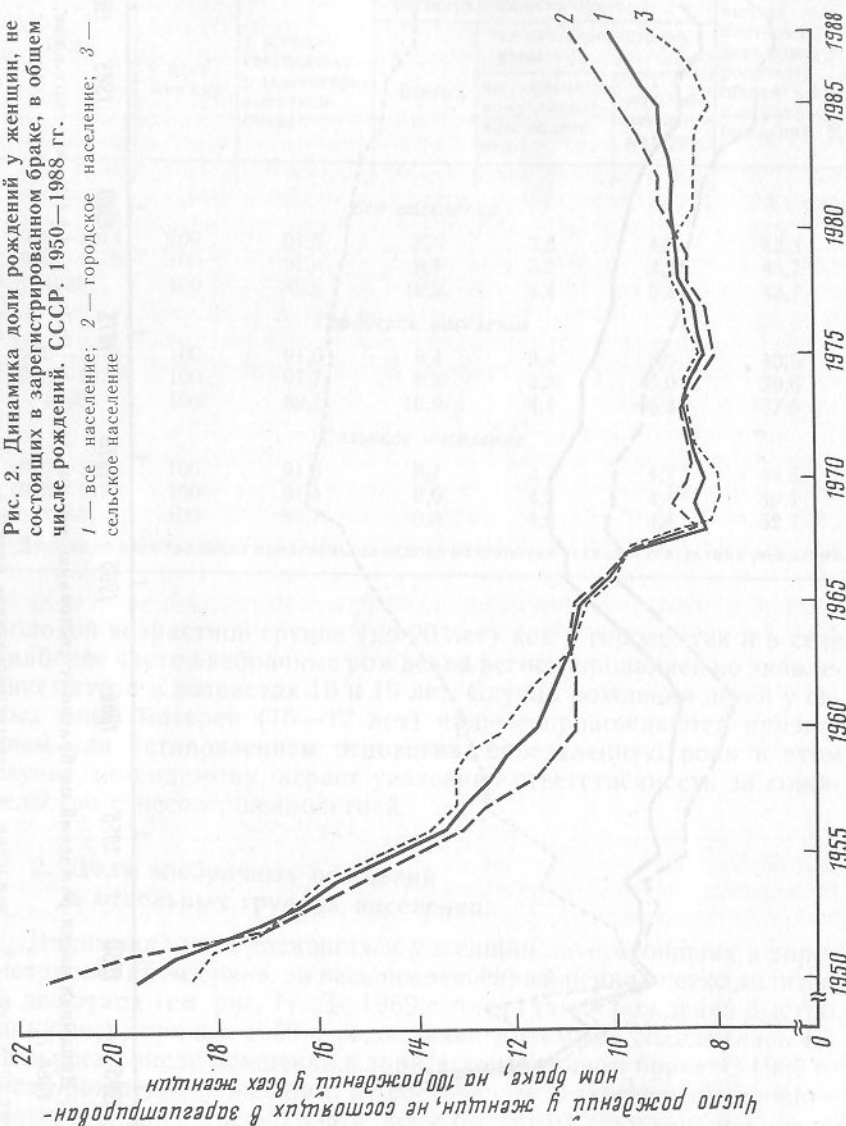

Рис. 1. Динамика чисел рождений по брачному состоянию матери (в % к 1950 г.). СССР, все население, 1945—1988 гг.

1 — все рождения; 2 — рождения в зарегистрированном браке; 3 — внебрачные рождения

Рис. 2. Динамика доли рождений у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, в общем числе рождений. СССР. 1950—1988 гг.

1 — все население; 2 — городское население; 3 — сельское население

чем в сельском. Так, в городе при росте общего числа рождений с 1969 по 1988 г. на 48,3 % число рождений у женщин, состоявших в зарегистрированном браке, выросло на 45,0 %, а у не состоявших — на 82,4 %; в сельском населении рост чисел соответствующих категорий родившихся за тот же период составил 13,4, 11,7 и 32,7 %.

В 1986 г. число рождений у матерей, не состоявших в зарегистрированном браке, впервые после 1963 г. превысило 0,5 млн, т. е. в среднем примерно каждый десятый ребенок рождался у женщины, не состоявшей в зарегистрированном браке. Динамика изменения доли этих рождений за весь послевоенный период представлена на рис. 2.

Доля детей, родившихся у матерей, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе рождений с первых послевоенных лет, когда она составляла более 20 % в городах и около 15 — в сельских местностях, быстро снижалась до конца 60-х годов. В 70-е годы она стабилизировалась и, мало различаясь у городского и сельского населения, колебалась от 8,2 до 8,6 %, хотя в этот период после длительного снижения начался рост абсолютного числа рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке. С 1978 г. начался рост и этого показателя, что определялось ростом его в городском населении.

В 1988 г. доля детей, рожденных у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе рождений в городах поднялась до 10,9 %, т. е. вернулась на уровень середины 60-х годов. На протяжении большей части рассматриваемого периода каких-либо резких различий в составе новорожденных по брачному состоянию матери в городском и сельском населении не было (за исключением самых первых послевоенных лет).

Изменение доли рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, за послевоенный период по пятилетиям дается в табл. 2.

Таблица 2. Рождения у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в СССР, %

Год	Доля рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе рождений		
	Все население	Городское население	Сельское население
1950—1954	17,5	18,8	17,2
1955—1959	13,1	12,4	13,6
1960—1964	11,2	10,8	11,5
1965—1969	9,5	9,6	9,4
1970—1974	8,4	8,5	8,4
1975—1979	8,4	8,3	8,6
1980—1984	8,9	9,2	8,5
1985	9,1	9,9	8,1
1986	9,5	10,3	8,3
1987	9,8	10,6	8,6
1988	10,2	10,9	9,3

Таблица 3. Динамика внебрачной рождаемости по союзным республикам

	Доля родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе рождений, %								
	1960—1964 гг.	1965—1969 гг.	1970—1974 гг.	1975—1979 гг.	1980—1984 гг.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.
СССР	11,2	9,5	8,4	8,4	8,7	9,1	9,5	9,8	10,2
РСФСР	13,0	11,7	11,0	10,8	11,1	12,0	12,4	12,7	13,0
Украинская ССР	11,7	10,0	9,1	8,7	8,8	8,3	8,9	9,3	10,4
Белорусская ССР	7,1	6,3	7,5	7,0	6,6	7,1	6,6	7,5	7,9
Узбекская ССР	5,6	3,2	0,9	1,8	3,3	3,3	3,3	3,5	3,8
Казахская ССР	9,9	8,9	8,3	9,4	10,0	10,1	10,6	11,1	11,3
Грузинская ССР	5,8	6,4	—*	—*	8,6	10,5	11,2	11,9	16,5
Азербайджанская ССР	6,6	7,9	5,3	4,6	2,2	2,6	2,5	2,9	2,8
Литовская ССР	7,8	6,5	5,3	6,7	7,0	7,0	7,0	7,1	6,5
Молдавская ССР	7,9	6,6	7,6	8,1	7,6	8,8	9,4	10,1	10,3
Латвийская ССР	12,3	11,6	11,5	12,1	13,3	14,4	15,0	15,5	15,5
Киргизская ССР	6,6	7,4	10,0	10,2	9,1	9,9	10,0	10,4	11,6
Таджикская ССР	6,0	6,2	4,1	6,1	7,7	4,8	4,5	5,2	6,4
Армянская ССР	4,3	3,6	3,3	5,3	6,3	6,5	7,3	5,9	7,5
Туркменская ССР	5,1	4,2	3,6	2,8	3,5	3,8	3,9	4,4	3,0
Эстонская ССР	14,2	14,6	14,8	16,4	19,2	20,7	22,0	22,1	23,1

* Данные недостоверны.

До 1967 г. больше половины внебрачных детей рождались в сельских местностях. Нарастающий в дальнейшем перевес городского населения в стране изменил это соотношение в пользу горожан, и в 1988 г. около двух третей всех внебрачных рождений уже приходилось на городских жителей.

В 1988 г. в СССР 3/4 всех новорожденных у матерей, не состоявших в зарегистрированном браке, родилось в республиках с низким уровнем рождаемости (РСФСР, Украина, Белоруссия, Молдавия и республики Прибалтики). На их долю в общем числе рождений в зарегистрированном браке в СССР приходилось только около двух третей.

Доля внебрачных рождений в СССР по сравнению с зарубежными странами невысока. По последним данным, лидерство в этом отношении принадлежит северным и скандинавским странам (Швеция, Дания, Гренландия, Исландия и др.), где доля внебрачных («незаконных») рождений превышает часто 30%. В таких крупных развитых странах, как США, Франция, Англия и Уэльс, Австрия и другие, доля внебрачных рождений превышает 10%. Из социалистических стран высокой долей внебрачных рождений отличается ГДР. В большинстве развитых стран мира доля внебрачных рождений в последнее десятилетие быстро росла. Таким образом, на фоне развитых стран современный уровень внебрачной рождаемости в СССР является средним. Однако на

фоне среднего по стране уровня на отдельных территориях он может быть оценен как очень низкий (Азербайджанская ССР) и как очень высокий (Эстонская ССР) (см. табл. 3).

На протяжении последних 25 лет различия между максимальными и минимальными значениями доли рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, увеличивались главным образом в результате роста доли внебрачных рождений в Эстонской ССР — республике с максимальным уровнем этого показателя, и некоторого снижения ее в республиках с самым низким уровнем. В 1988 г. эти различия достигали более чем восьмикратного размера (Эстония — 23,1, Азербайджан — 2,8%). Высокую долю внебрачных рождений имели также Латвийская ССР и РСФСР, а наиболее низкий уровень этого показателя отмечался также в Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Территориальные различия в долях рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в сельском населении значительно больше, чем в городском: на селе в 1988 г. максимальный ее уровень отличался от минимального в 18 раз, а в городском — только в 5.

Наиболее полно размах вариации отражают показатели по более мелким территориальным единицам. Если городское и сельское население всех областей, краев, АССР и союзных республик без областного деления распределить по доле рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, то получается картина, представленная в табл. 4.

Среди городских поселений резко выделяется группа административно-территориальных единиц, где доля рождений у женщин, не состоявших в браке, равна 5—9%. В сельских поселениях столь же явной моды в распределении нет: в нем довольно значительно число территорий как с самой низкой, так и с самой высокой долей внебрачных рождений. Значительная дифференциация по территориям наблюдалась и внутри отдельных республик.

Таблица 4. Группировка городского и сельского населения областей, краев, автономных и союзных республик без областного деления по доле рождений у матерей, не состоявших в зарегистрированном браке, в 1979 г.*

Доля рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, %	Число единиц, входящих в данные группы			Число единиц, входящих в данные группы, % к общему их числу		
	Всего	Городские	Сельские	Всего	Городские	Сельские
до 5	59	26	33	18,3	15,8	20,9
5—9	126	90	36	39,1	54,9	22,8
10—14	88	36	52	27,9	22,0	32,8
15—19	31	11	20	9,7	6,7	12,7
20—24	15	1	14	4,7	0,6	8,9
25 и более	3	—	3	0,9	—	1,9
Итого	322	164	158	100,0	100,0	100,0

* Авторы не располагают более поздними данными.

В РСФСР в 1979 г. в городских поселениях минимальный (Липецкая область) и максимальный (Тувинская АССР) уровни показателя различались в 5,6 раза; в сельской местности аналогичные различия достигали 5 раз (минимум — в Дагестанской АССР, максимум — в Амурской области). Как в городских поселениях, так и в сельской местности доля рождений у матерей, не состоявших в зарегистрированном браке, была выше средней по республике в целом преимущественно в областях, краях и АССР Сибири и Дальнего Востока.

В Украинской ССР в городе и в селе вариация этих показателей значительно меньше: минимальные уровни отмечались в западных областях республики (Волинская, Тернопольская, Ровенская, Львовская), максимальные — в южных (Николаевская, Херсонская, Одесская, Крымская).

В Белорусской ССР вариация показателей доли внебрачных рождений по областям была еще меньше: разница между минимальным и максимальным уровнем была менее чем в 2 раза.

Большим разнообразием в степени распространенности внебрачных рождений отличалась Казахская ССР, где размах вариации доли рождений вне зарегистрированного брака составлял 16,7 % в городском населении (минимум — в Джамбульской области, максимум — в Тургайской) и 14,1 % — в сельском населении (минимум — в Мангышлакской, максимум — в Кустанайской областях). Самые низкие доли рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, отмечались в южных и западных областях Казахстана, а самые высокие — в северных и восточных. Уровень показателей здесь тесно связан с национальным составом населения каждой области.

Также разнородно по рассматриваемому показателю городское и сельское население Узбекской и Таджикской ССР, хотя и при более низком, чем в Казахской ССР, среднем уровне. В Туркменской ССР значительные межобластные различия в доле внебрачных рождений отмечались только в городском населении; в сельских местностях уровень этого показателя очень низок. Межобластные различия в доле внебрачных рождений в Киргизской ССР невелики, но уровень ее как в городской, так и в сельской местности выше, чем в других среднеазиатских республиках, и приближается к уровню, характерному для областей Казахской ССР с преобладанием коренного населения.

Объяснения столь больших различий в доле внебрачных рождений между отдельными территориями страны связаны, по-видимому, как с факторами демографического, так и социокультурного характера. К первым относятся различия в брачной и возрастно-половой структуре населения, ко вторым — этнический состав населения территории, особенности семейно-брачных традиций, обычаев, норм в тех или иных группах населения. Кроме того, следует помнить, что в данных показателях отражается отношение местного населения к формально-юридической процедуре регистрации брака и рождения. Степень важности, которую люди

придают этим процедурам, ответственность, с которой они подходят к сообщению тех или иных сведений, существенно различаются и составляют часть культурного фона, на котором происходят демографические процессы, и соответственно отражаются в демографической статистике. Например, некоторые коренные народы Средней Азии не придают процедуре регистрации, самому факту регистрации и вообще документам существенного значения. До недавнего времени, когда была слабо развита система выплат в связи с рождением ребенка, приходилось принимать специальные административные меры, побуждающие регистрировать рождения, привлекая к этому медиков. При этом родители проявляли полное безразличие к тому, как будет зарегистрирован ребенок — как рожденный в зарегистрированном браке, по заявлению матери или обоих родителей. Регистрации брака в ЗАГСе также порой не придавалось значения, считалось достаточным его заключение по законам шариата. Нельзя исключить и случаев фактического многоженства, не вписывающегося в существующую правовую и статистическую систему.²

Среди коренных национальностей республик Средней Азии при переписях населения фиксировалась крайне низкая доля женщин, не состоявших в браке. В то же время истинно внебрачных рождений среди этих народов, по-видимому, очень мало, против них стойко сохраняется предубеждение; женщины, допустившие внебрачное рождение, да и сами дети ощущают свою ущербность в обществе, чего уже давно нет в большинстве других групп населения. Поэтому показатели внебрачной рождаемости в Средней Азии отражают в значительной мере не сам феномен, а несоответствие учетно-статистической системы социокультурным традициям.

На противоположном полюсе находятся прибалтийские республики — Эстония и Латвия, с весьма широкой распространенностью внебрачных рождений, которая напоминает об их культурной близости к скандинавским соседям. Здесь вряд ли нужно искать влияние особенностей системы регистрации, статистика, по-видимому, отражает реальное положение вещей: как широкую распространенность истинно внебрачных рождений, так и большое число незарегистрированных по разным причинам браков. Здесь наблюдается сочетание нарушенной возрастно-половой структуры, создающее трудности для формирования семьи (особенно в сельской местности), с традиционно либеральным отношением к внебрачным рождениям (либеральность протестантизма в отличие от католицизма, распространенного в Литве). Распространение внебрачных рождений связано как с добрачным сожительством, так и с длительно существующими браками, не зарегистрированными по тем или иным причинам (сами супруги и общественное мнение не придают особого значения факту регистрации или какому-либо иному оформлению союза). К этому следует добавить высокую степень социальной и психологической независимости женщин, которые в определенных ситуациях предпочи-

тают сформировать неполную семью и остерегаются связывать себя юридическими обязательствами с мужем (имеют значение льготы одиноким матерям, отношения собственности, права на жилплощадь и др.).

Остальные территории, промежуточные по уровню внебрачной рождаемости, сочетают в себе влияние тех и других факторов.

Определенной закономерности в соотношении показателей доли рождений у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, в городском и сельском населении не обнаружено. В республиках Средней Азии, Закавказья, в Казахстане и Молдавии доля внебрачных рождений в 1988 г. была выше среди городского населения, в остальных республиках она была выше в сельском. В республиках европейской части СССР сказываются, по-видимому, большие нарушения возрастно-половой структуры сельского населения, чем городского, в результате несбалансированной по полу миграции, большая узость брачного рынка в сельской местности, а также относительно более низкая культура регулирования рождаемости, невозможность искусственного прерывания беременности без огласки в сочетании с почти не отличающимся от городского либеральным отношением к внебрачным рождением со стороны семьи и общества. В то же время в азиатских республиках решающее значение имеют различия в национальном составе населения в сочетании с более строгим, более традиционным отношением к внебрачным связям в сельской местности среди коренных народов.

Состав внебрачных, как и брачных рождений по возрасту матери и его изменения во времени зависят от возрастной структуры рождающего контингента и ее динамики. В СССР доля родившихся у самых молодых матерей (15—19 лет), не состоящих в зарегистрированном браке, увеличившись сначала с 15,3 в 1970 г. до 18,7 % в 1980 г., затем к 1988 г. вновь снизилась до 15,9 %. Доля родившихся у незамужних женщин в возрасте 30 лет и старше постепенно снижается, что связано с общим омоложением рождаемости; это наблюдается также среди родившихся в зарегистрированном браке (табл. 5).

Таблица 5. Распределение брачных и внебрачных рождений в СССР по возрасту матери, %

Возраст матери (лет)	Доля родившихся у женщин данного возраста в общем числе рождений			
	в зарегистрированном браке		у не состоящих в зарегистрированном браке	
	1970 г.	1988 г.	1970 г.	1988 г.
До 20	7,5	8,2	15,3	15,9
20—29	56,2	69,7	46,6	52,5
30 и старше	36,3	22,1	38,1	31,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 6. Внебрачные рождения у женщин разного возраста. СССР

Год	Доля (%) родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, в общем числе рождений в возрасте, лет						
	Во всех возрастах	15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44
<i>Все население</i>							
1970	8,2	15,5	6,8	7,1	7,8	9,7	10,5
1980	8,8	16,6	6,9	7,9	10,1	13,6	12,9
1988	10,2	18,1	7,8	8,0	12,0	17,6	21,6
<i>Городское население</i>							
1970	8,4	15,9	6,6	7,4	8,5	12,2	15,0
1980	8,8	15,5	6,7	7,5	10,8	17,5	19,4
1988	10,9	17,0	8,1	8,6	13,4	20,2	28,1
<i>Сельское население</i>							
1970	7,9	16,1	7,1	6,9	7,2	8,2	8,8
1980	8,7	18,3	7,0	8,6	9,1	9,4	9,8
1988	9,3	19,8	7,4	7,1	10,0	14,0	15,5

Однако на основании приведенных в таблице соотношений еще нельзя делать вывод о распространенности внебрачной рождаемости в разных возрастах. Динамика доли рождений у женщин разного возраста, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе рождений у женщин данного возраста представлена в табл. 6. Как видно из таблицы, за 15 лет никаких существенных сдвигов в доле внебрачных рождений не произошло: у самых молодых женщин (до 20 лет) она была постоянно выше, чем у женщин более старших возрастов. В 1988 г. почти каждый пятый ребенок, родившийся у матери этого возраста, был внебрачным, а у женщин, родивших в возрасте до 17 лет, таких было свыше половины. Доля внебрачных рождений у женщин в традиционной для демографии возрастной группе 15—19 лет сильно зависит от внутренней возрастной структуры этой группы. Поэтому изменения показателя во времени и различия между отдельными группами населения необходимо анализировать методом стандартизации.

Минимальная доля внебрачных рождений приходится на женщин в возрасте 20—30 лет. После 30 лет она снова увеличивается, и в возрасте от 35 до 45 лет становится достаточно высокой.

Внебрачная рождаемость в молодых возрастах — это в большей мере результат непреднамеренных зачатий из-за низкой культуры контрацепции, которые потом не привели к «стимулированному» юридическому браку. Значительная часть из них, по-видимому, — нежеланные беременности, не закончившиеся абортom по разным причинам (из-за страха, позднего срока, стеснительности, распространенного убеждения о вреде первого аборта и др.). Большое влияние здесь часто оказывает мнение родителей и их отношение к внебрачной беременности. Именно эти беременности и роды лежат в основе всего клубка социальных и психо-

логических противоречий, возникающих в результате либерализации сексуального поведения молодежи на фоне неразвитой культуры сексуального поведения. По-видимому, именно эта группа в значительной мере «поставляет» стабильное число «подкидышей» в стране.

В старших возрастах рождение ребенка вне юридически оформленного брака редко бывает результатом нежеланной беременности, это чаще или рождение в незарегистрированном браке, или намеренное рождение внебрачного ребенка и создание неполной семьи.

Эти два качественно разных с социальной и психологической точек зрения типов внебрачных рождений различаются не только психологическим климатом в семье, но и разным уровнем младенческой смертности. Традиционно известно, что более высокой младенческой смертностью характеризуются внебрачные рождения. Эти различия более ярко выражены у молодых матерей, чем у старших. Связаны они не с возрастом матери самим по себе, а с тем, является ли ребенок желанным или нет. Особенно ярко это проявляется при сравнении уровня младенческой смертности среди родившихся в браке и вне брака в Литовской и Эстонской ССР по данным специального обследования 1979 г. В Литве, где намеренные внебрачные рождения редки, младенческая смертность среди внебрачных детей была в 2 раза выше, чем среди брачных, как в молодых, так и в старших возрастах. В то же время в Эстонии в молодых возрастах превышение младенческой смертности внебрачных детей над смертностью брачных составляло 1,8 раза, что, по-видимому, является следствием значительной доли нежеланных среди внебрачных рождений. В старших же возрастах это превышение составляло лишь 10 %, что подтверждает наши предположения о высокой доле намеренных внебрачных рождений.

Особенностью внебрачной рождаемости является то, что большую часть детей, рождающихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, составляют первенцы: в 1988 г. они составляли 55,9 % против 37,8 % среди родившихся в зарегистрированном браке. И хотя с возрастом доля первенцев среди внебрачных рождений уменьшается и увеличивается доля последующих очередностей, во всех возрастах она остается выше, чем у состоящих в зарегистрированном браке. Это характерно как для городского, так и для сельского населения.

Повышение рождаемости во второй половине 80-х годов привело к снижению доли первенцев среди родившихся. Это сказалось как на брачных, так и на внебрачных рождениях, причем изменения в составе внебрачных рождений по очередности рождения оказались значительно меньше и объясняются в основном структурными факторами.

Среди первых детей, родившихся вне брака, есть как дети нежеланные, unplanned, рожденные в основном молодыми женщинами, так и поздние первенцы, родившиеся в основном

намеренно, а также родившиеся у женщин разных возрастов, состоящих в незарегистрированном браке. Дети других очередностей принадлежат в основном последней категории. Поэтому доля детей высоких очередностей среди внебрачных рождений велика там, где среди внебрачных рождений преобладают дети, рожденные в незарегистрированных браках. В сельском населении республик Средней Азии структура внебрачных рождений по очередности мало отличается от структуры рожденных в зарегистрированном браке.

3. Уровень внебрачной рождаемости в СССР

С точки зрения анализа наиболее информативными являются интенсивные показатели, в которых число рождений соотносится с численностью соответствующих категорий женщин. Исходя из этой логики, необходимо число родившихся в зарегистрированном браке сопоставлять с числом женщин, состоящих в зарегистрированном браке. Однако ни в одной из переписей в СССР или в крупном обследовании эта категория женщин не выделялась, учитывались все состоявшие в браке по самоопределению, независимо от факта его регистрации. Вопрос о разделении этих категорий не раз возникал при обсуждении программ переписей и обследований, но лишь единожды это было апробировано в трех районах (Зиминский район в РСФСР, Ясиноватский в Украинской ССР, Макинский в Казахской ССР) при пробной переписи населения (1967 г.). По этим данным, от 10 до 15 % женщин детородного возраста состояли в незарегистрированном браке. С тех пор прошло более 20 лет, и кроме этих отрывочных сведений статистика не располагает никакой информацией. Однако более быстрый рост доли новорожденных, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, по сравнению с другими категориями новорожденных говорит о том, что незарегистрированные союзы получили в последнее время еще большее распространение.

Таким образом, в нашей статистике не представляется возможным получение интенсивных показателей на базе сопоставления строго идентичных категорий из переписей населения и текущего учета. Поэтому исчисляемые на базе такого сопоставления коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости соотносятся не вполне строго. Если иметь в виду специальный коэффициент «законной» рождаемости (интенсивность рождений в зарегистрированном браке), то он несколько занижен в связи с тем, что в знаменатель, взятый из переписи населения, входят не только состоящие в зарегистрированном браке, но и все женщины, определившие себя как состоявшие в браке. В то же время специальный коэффициент внебрачной рождаемости несколько завышен, поскольку в числителе учитываются не только родившиеся вне брака (зарегистрированные по заявлению матери), но и зарегистрированные по совместному заявлению родителей, из которых большая часть, по-видимому, рождена в существующих незаре-

гистрированных браках. За период с 1969 по 1980 г. (т. е. практически за годы, примыкающие только к переписям населения 1969 и 1979 гг.) можно исчислить коэффициенты внебрачной рождаемости с учетом родившихся, зарегистрированных по заявлению матери. Только углубленное обследование, в котором одновременно выясняется фактическая и юридическая история браков, может оценить степень допускаемых при исчислении этих показателей ошибок. К сожалению, до сих пор в Советском Союзе не проведено ни одного представительного специального обследования³. Данные текущей статистики о рождениях у женщин, состоящих или нет в зарегистрированном браке, и данные трех переписей населения (1959, 1970 и 1979 гг.) и выборочного социально-демографического обследования населения 1985 г. о распределении женщин по возрасту и брачному состоянию позволяют вычислить показатели интенсивности брачной и внебрачной рождаемости за годы примыкающие к переписям населения за четыре периода. Показатели за 1988—1989 г. будут получены позже.

Специальные коэффициенты внебрачной рождаемости, полученные как отношение числа рождений у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, к числу женщин, не состоявших в браке по переписи или обследованию, зависят от возрастной и брачной структуры женщин. Поэтому корректные динамические и территориальные сопоставления возможны только с использованием либо возрастных коэффициентов, либо показателей, стандартизованных по возрасту, либо суммарных коэффициентов внебрачной рождаемости⁴, которые можно считать также равнозначными стандартизованных коэффициентов (табл. 7).

Если рассматривать нестандартизованные специальные коэффициенты внебрачной рождаемости женщин 15—49 лет в динамике, то из четырех периодов уровень внебрачной рождаемости был минимальным в 1970 г. По сравнению с 1959 г. он снизился более чем вдвое, а затем как в городском, так и в сельском населении началось его повышение. При этом динамика пятилетних коэффициентов в отдельных возрастных группах не была однозначной: в городском населении в молодых возрастах (до 25 лет) небольшой подъем начался после 1970 г., а в старших возрастах снижение продолжалось до 1979 г.; в сельском населении после 1970 г. коэффициенты внебрачной рождаемости стали расти во всех возрастных группах.

При стандартизации же специальных коэффициентов внебрачной рождаемости женщин 15—49 лет по возрасту выявляется, что изменения показателей внебрачной рождаемости за весь рассматриваемый период были более значительными, что снижение внебрачной рождаемости продолжалось до 1979 г. в городском населении и до 1970 г. — в сельском⁵. Особенно значительно снижение специального коэффициента внебрачной рождаемости в городском населении, в сельском же уровень показателей в основном оставался стабильным (кроме некоторого снижения его в 1970 г.).

Таблица 7. Возрастные коэффициенты внебрачной рождаемости в СССР

Годы	Число рождений на 1000 женщин, не состоявших в браке, в возрасте, лет								Суммарный коэффициент (на 1 женщину)	
	15—19	20—21	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	15—49		
								нестандартизованные		стандартизованные
<i>Все население</i>										
1958—1959	6,1	34,8	75,0	65,6	36,9	9,8	1,4	23,0	33,0	1,15
1969—1970	5,3	26,2	52,4	46,5	28,5	7,8	0,7	9,9	24,1	0,85
1978—1979	7,3	29,9	47,7	41,8	22,2	7,3	0,6	17,2	22,6	0,78
1984—1985	8,6	32,2	48,6	43,0	22,3	4,5	0,3	20,2	23,0	0,80
<i>Городское население</i>										
1958—1959	4,5	24,2	57,9	51,5	27,5	6,1	0,6	19,7	24,8	0,86
1969—1970	4,8	20,6	41,2	37,5	22,1	5,3	0,5	8,3	19,0	0,67
1978—1979	6,1	22,3	36,1	32,1	15,7	4,7	0,3	13,9	16,9	0,59
1984—1985	7,9	25,2	38,1	35,5	18,0	3,2	0,2	17,5	18,4	0,64
<i>Сельское население</i>										
1958—1959	7,8	49,9	92,9	80,5	45,8	13,1	2,0	32,8	42,0	1,46
1969—1970	6,3	44,1	78,5	65,4	38,1	11,2	1,2	13,2	35,2	1,22
1978—1979	9,6	55,3	92,3	82,6	37,4	14,1	1,0	25,1	42,0	1,46
1984—1985	9,8	57,4	88,0	76,8	43,7	8,6	0,7	27,6	41,0	1,46

Стандартизация так сильно меняет соотношение показателей по периодам потому, что в эти годы шло значительное омоложение контингента женщин, не состоящих в браке. Улучшение брачной структуры происходило в основном за счет увеличения доли состоящих в браке в старших возрастах. На поколениях женщин, родившихся до 1930 г., еще сказывались последствия Великой Отечественной войны: пропорция полов по отношению к мужчине более старшего возраста, которые участвовали непосредственно в войне, была нарушена, и до конца 70-х годов, т. е. до тех пор, пока женщины этих поколений не вышли за пределы детородного возраста, шло непрерывное улучшение брачной структуры женщин в старших возрастах.

Сравнение стандартизованных коэффициентов, в которых влияние этих процессов элиминировано, показало, что повышение уровня внебрачной рождаемости в СССР началось не после 1970, а после 1979 г., и определяющим в этой динамике были изменения в уровне внебрачной рождаемости городского населения страны. Эта тенденция подтверждается и динамикой суммарных коэффициентов внебрачной рождаемости (табл. 7).

Динамика брачной рождаемости⁶ (табл. 8) в принципе носила подобный характер: с 1959 по 1979 г. шло снижение уровня брачной рождаемости, о чем свидетельствуют как суммарные коэффициенты брачной рождаемости, так и возрастные коэффициенты (исключение составляет лишь самая молодая группа — 15—

Таблица 8. Возрастные коэффициенты брачной рождаемости в СССР

Годы	Число рождений на 1000 женщин, состоявших в браке, в возрасте, лет								15—49		Суммарный коэффициент брачной рождаемости (на 1 женщину)
	15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	нестандартизованные	стандартизованные		
<i>Все население</i>											
1958—1959	235,9	288,0	192,6	122,4	77,4	32,6	7,9	133,4	137,9	4,79	
1969—1970	309,2	272,5	144,6	95,4	52,3	17,3	3,8	92,5	129,1	4,48	
1978—1979	354,8	268,7	144,1	78,2	34,1	12,6	1,9	98,8	129,1	4,47	
1984—1985	387,4	293,9	162,3	80,7	30,3	7,7	1,0	107,0	139,0	4,83	
<i>Городское население</i>											
1958—1959	228,7	274,9	159,8	92,1	49,7	15,7	2,6	108,1	118,8	4,41	
1969—1970	334,9	258,7	124,8	74,5	31,1	7,8	1,3	80,1	120,3	4,17	
1978—1979	364,0	248,2	124,8	62,9	20,8	5,8	0,5	87,2	119,4	4,14	
1984—1985	436,1	256,5	137,4	67,3	24,8	3,9	0,3	91,0	134,1	4,33	
<i>Сельское население</i>											
1958—1959	240,3	301,1	228,2	158,4	109,5	52,6	13,6	161,1	158,9	5,53	
1969—1970	278,1	298,2	177,0	130,5	82,4	31,3	7,3	111,7	144,8	5,04	
1978—1979	341,6	307,5	189,4	116,8	59,4	25,0	4,0	121,5	150,5	5,22	
1984—1985	333,3	370,0	221,7	114,8	56,6	15,3	2,3	142,5	160,8	5,57	

19 лет). И, как в случае с внебрачной, динамику показателей брачной рождаемости определяли ее изменения в городском населении страны. В сельском населении в возрастах моложе 30 лет повышение возрастных коэффициентов брачной рождаемости началось после 1970 г. и продолжалось до последнего из рассматриваемых периодов (кроме группы 15—19 лет, где после 1979 г. коэффициенты вновь несколько снизились), а в возрастах старше 30 лет с 1959 г. наблюдалась однозначная тенденция снижения брачной рождаемости.

Стандартизация меняет соотношение уровней брачной и внебрачной рождаемости как между собой, так и различия в брачной и внебрачной рождаемости по территориям. Сопоставление нестандартизованных специальных коэффициентов брачной рождаемости женщин 15—49 лет за 1984—1985 гг. в сельском населении показывает, что максимальное его значение (в Туркменской ССР) превосходило его минимальный уровень (Эстонская ССР) в 3,7 раза. После стандартизации это превышение составило 2,3 раза, т. е. более трети вариации уровня брачной рождаемости определялось различиями в возрастной структуре замужних женщин детородного возраста.

Различия в уровнях внебрачной рождаемости, наоборот, увели-

чиваются после стандартизации показателей, которая показывает, что на самом деле различия больше. При этом в городском населении стандартизация немного снижает, а в сельском — несколько увеличивает степень территориальной дифференциации внебрачной рождаемости.

Как и всегда, за среднесоюзными показателями стоит значительное территориальное разнообразие, которое отражает прежде всего этническую дифференциацию демографических процессов⁷. Это проявляется не только в уровнях, но и в соотношениях брачной и внебрачной рождаемости. На фоне среднесоюзных показателей эти соотношения по республикам наблюдаются самые разнообразные. Чтобы иметь возможность это представить, мы выбрали четыре типичных случая. При низком уровне общей рождаемости можно выделить два типа соотношений: низкая брачная рождаемость — низкая внебрачная рождаемость; низкая брачная рождаемость — высокая внебрачная рождаемость (см. табл. 9, 10). Типичным для первого соотношения является городское население Литовской ССР. Уровень брачной рождаемости здесь имеет свои особенности — относительно низкий коэффициент в возрастной группе 15—19 лет. Если в сельском населении Эстонии при столь же низкой брачной рождаемости (суммарный коэффициент брачной рождаемости 3,9) коэффициент в возрасте 15—19 лет превосходит в 1,7 раза коэффициент в возрастной группе 20—24, то в городском населении Литвы эта разница составляет всего 5%. Относительно низкий уровень брачной рождаемости в этой группе связан, по-видимому, с относительно более низкой частотой внебрачных зачатий, которые стимулируют заключение ранних браков. Возможно, значительную роль (как уже отмечалось) здесь играют строгие традиции католицизма.

Это же предопределяет и весьма низкий уровень внебрачной рождаемости (суммарный коэффициент внебрачной рождаемости 0,39), который во всех возрастах в несколько раз ниже соответствующих коэффициентов в сельском населении Эстонии, которое при низком уровне брачной рождаемости отличается высоким уровнем внебрачной во всех возрастах (табл. 9, 10 и рис. 3). На рисунке видно, что в возрасте 25 лет и старше коэффициенты внебрачной рождаемости значительно выше, чем коэффициенты брачной. Как уже отмечалось, это связано главным образом с широкой распространенностью незарегистрированных браков.

При высоком уровне рождаемости также можно выделить два разных соотношения: высокая брачная рождаемость — низкая внебрачная рождаемость; высокая брачная рождаемость — высокая внебрачная рождаемость.

Первый случай типичный для территорий с высоким уровнем рождаемости — сельское население Узбекской ССР, где при суммарном коэффициенте брачной рождаемости 7,99 тот же коэффициент внебрачной рождаемости составлял 1,05, и во всех возрастах коэффициенты внебрачной рождаемости многократно ниже брачной (табл. 9, 10 и рис. 3). При этом коэффициенты брачной

Таблица 9. Возрастные коэффициенты внебрачной рождаемости на территориях с разным уровнем брачной рождаемости в 1984—1985 гг.

Уровень рождаемости	Территория	Число рождений на 1000 женщин, не состоявших в браке, в возрасте, лет					Суммарный коэффициент внебрачной рождаемости (на 1 женщину)		
		внебрачной							
		15—19	20—24	25—29	30—34	35—39		40—44	45—49
Высокий*	Таджикская ССР, сельское население	6,8	135,4	272,4	276,3	184,8	44,6	7,7	4,65
	Узбекская ССР, сельское население	1,5	22,6	66,2	65,8	43,3	10,0	1,3	1,05
Низкий**	Эстонская ССР, сельское население	30,8	125,3	164,1	114,2	61,2	11,9	0,2	2,54
	Литовская ССР, городское население	3,4	15,8	21,5	20,5	12,4	14,7	0,3	0,39

* Суммарные коэффициенты выше 8 детей на 1 женщину, состоящую в браке.

** Суммарные коэффициенты ниже 4 детей на 1 женщину, состоящую в браке.

рождаемости в возрастной группе 15—19 лет значительно ниже, чем в группе 20—24, что говорит о крайне незначительном распространении добрых зачатий. Соответственно вклад внебрачных рождений в общий суммарный коэффициент рождаемости (5,96) очень невелик — менее 2 %, и только в самых младших возрастах — около 4. Эта ситуация достаточно типична для народов с традиционно высокой рождаемостью в начальных фазах демографического перехода.

Несколько иную картину при высоком уровне рождаемости представляет сельское население Таджикской ССР. Здесь при высоком уровне брачной рождаемости оказывается очень высоким и уровень внебрачной, а в возрастах старше 30 лет эти коэффициенты мало различаются. Тот факт, что коэффициенты брачной рождаемости 15—19 лет значительно ниже, чем в возрасте 20—24 лет, подтверждает наши предположения о том, что добрых зачатий в этом населении очень мало. О том же говорит и более низкий уровень внебрачной рождаемости в молодых возрастах. Высокого уровня коэффициенты внебрачной рождаемости достигают лишь в возрасте 25 лет и старше, когда доля женщин, не состояв-

ших в браке в соответствии с самоопределением, становится очень небольшой (около 5 %), а число рождений при высоком уровне рождаемости достаточно велико. Вряд ли можно предполагать, что эти рождения — истинно внебрачные. Скорее всего это несоответствие существующей системы информации реальному положению вещей: несмотря на очень высокий уровень коэффициентов внебрачной рождаемости, вклад ее в общий суммарный коэффициент очень невелик (табл. 11, 12).

Приведенные четыре примера являют собой крайние варианты соотношений брачной и внебрачной рождаемости.

Вообще стандартизованные коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости различаются сильно, но все же меньше чем нестандартизованные.

Минимальным уровнем брачной рождаемости отличается сельское население Эстонии, максимальным — сельское население Туркмении, и различия эти составляли 2,3 раза. Различия в городском населении несколько меньше: от минимума в Литве до максимума в Казахстане — 2,2 раза. Значительно больше наблюдается вариация стандартизованных коэффициентов внебрачной рождаемости.

Таблица 10. Возрастные коэффициенты брачной рождаемости на территориях с разным уровнем внебрачной рождаемости в СССР в 1984—1985 гг.

Уровень рождаемости	Территория	Число рождений на 1000 женщин, состоявших в браке, в возрасте, лет					Суммарный коэффициент брачной рождаемости (на 1 женщину)		
		брачной							
		15—19	20—24	25—29	30—34	35—39		40—44	45—49
Высокий*	Таджикская ССР, сельское население	240,2	386,7	357,0	286,7	212,6	96,2	21,8	8,03
	Эстонская ССР, сельское население	354,2	214,3	118,7	57,1	27,0	5,2	0,3	3,88
Низкий**	Узбекская ССР, сельское население	278,5	457,6	379,2	247,7	165,1	58,1	12,6	7,99
	Литовская ССР, городское население	265,9	252,7	155,5	73,0	29,4	6,9	0,4	3,92

* Суммарные коэффициенты выше 2,5 детей на 1 женщину, не состоящую в браке.

** Суммарные коэффициенты менее 1 ребенка на 1 женщину, не состоящую в браке.

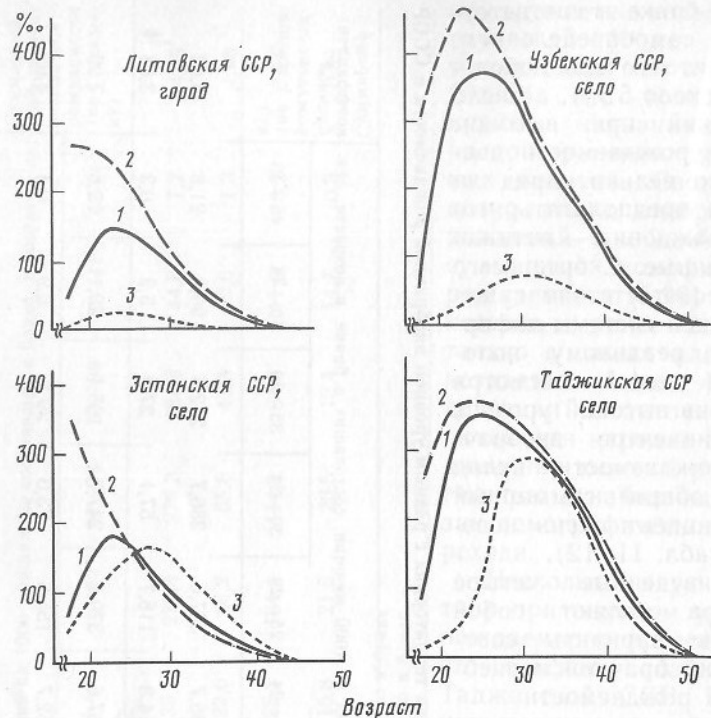

Рис. 3. Возрастные коэффициенты общей, брачной и внебрачной рождаемости женщин на некоторых территориях СССР

1 — общие коэффициенты рождаемости; 2 — коэффициенты брачной рождаемости; 3 — коэффициенты внебрачной рождаемости

Территориальные различия суммарных коэффициентов брачной рождаемости (табл. 11) значительно меньше тех же общей рождаемости, что естественно, так как на вариации коэффициентов брачной рождаемости не сказывается дифференциация брачной структуры женского населения⁸. Но наиболее высока вариация суммарных коэффициентов внебрачной рождаемости. Она аккумулирует влияние всех факторов, которые определяют ее уровень. Если не считать несколько своеобразные суммарные коэффициенты внебрачной рождаемости в Грузии и Азербайджане, которые, по-видимому, находятся под сильным влиянием практики учета, то минимальный уровень данных суммарных коэффициентов был в городском населении Литвы, затем Белоруссии, Армении, Украины, РСФСР, в городском и сельском населении Армянской ССР. Максимальный уровень — в сельском населении Таджикистана, Киргизии, Эстонии, Латвии. Из этого перечня видно, что и в группе с минимальным, и в группе с максимальным уровнями внебрачной рождаемости присутствуют населения как с высоким, так и с низким уровнями рождаемости.

Таблица 11. Уровень брачной и внебрачной рождаемости в СССР и союзных республиках

	Суммарный коэффициент брачной рождаемости				Суммарный коэффициент внебрачной рождаемости			
	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	1984—1985 гг.	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	1984—1985 гг.
<i>Все население</i>								
СССР	4,79	4,48	4,47	4,83	1,16	0,84	0,78	0,80
РСФСР		4,06	3,98	4,41		0,85	0,79	0,82
Украинская ССР		4,18	4,15	4,47		0,76	0,71	0,66
Белорусская ССР		4,75	4,59	4,82		0,50	0,61	0,62
Узбекская ССР		7,70	7,47	6,94		0,71	0,81	0,83
Казахская ССР		5,29	5,28	5,69		1,73	1,29	1,07
Грузинская ССР		5,04	5,11	4,20		0,02	0,05	0,84
Азербайджанская ССР		7,04	6,37	6,12		1,29	0,65	0,34
Литовская ССР		5,46	5,10	4,32		0,35	0,53	0,52
Молдавская ССР		4,67	4,46	5,05		0,51	0,75	0,93
Латвийская ССР		4,44	4,31	5,20		0,60	0,70	0,92
Киргизская ССР		6,46	6,47	6,33		2,56	2,42	1,72
Таджикская ССР		7,72	7,66	7,29		1,73	2,65	2,35
Армянская ССР		5,44	4,86	4,79		0,37	0,46	0,58
Туркменская ССР		—*	7,55	8,03		—*	0,88	0,92
Эстонская ССР		4,91	4,35	4,53		0,94	1,08	1,34
<i>Городское население</i>								
СССР	4,41	4,17	4,14	4,33	0,87	0,66	0,59	0,64
РСФСР		3,94	3,89	4,38		0,66	0,58	0,65
Украинская ССР		4,06	4,04	4,63		0,65	0,52	0,54
Белорусская ССР		4,50	4,41	4,95		0,53	0,43	0,46
Узбекская ССР		6,42	5,67	5,74		0,73	0,75	0,76
Казахская ССР		4,21	4,60	5,10		1,44	1,00	0,88
Грузинская ССР		5,02	5,13	3,92		0,02	0,06	1,38
Азербайджанская ССР		5,96	5,64	5,80		0,77	0,43	0,35
Литовская ССР		5,03	4,71	3,92		0,25	0,36	0,39
Молдавская ССР		4,19	4,08	5,76		0,47	0,56	0,68
Латвийская ССР		4,27	4,12	5,38		0,38	0,46	0,70
Киргизская ССР		4,83	4,96	4,98		2,15	1,58	1,31
Таджикская ССР		5,47	5,86	6,42		1,13	1,48	1,39
Армянская ССР		4,96	4,63	4,28		0,31	0,43	0,56
Туркменская ССР		—*	6,19	7,00		—*	0,98	0,95
Эстонская ССР		4,76	4,38	4,85		0,62	0,74	1,01
<i>Сельское население</i>								
СССР	5,53	5,04	5,22	5,57	1,47	1,22	1,46	1,46
РСФСР		4,36	4,25	4,76		1,44	1,73	1,75
Украинская ССР		4,37	4,38	4,43		1,00	1,30	1,18

Таблица 11 (окончание)

	Суммарный коэффициент брачной рождаемости				Суммарный коэффициент внебрачной рождаемости			
	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	1984—1985 гг.	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	1984—1985 гг.
Белорусская ССР		5,01	4,96	4,87	0,63	1,19	1,25	
Узбекская ССР		8,83	8,99	7,99	0,68	1,01	1,05	
Казахская ССР		6,09	6,28	6,85	2,28	1,99	1,65	
Грузинская ССР		5,13	5,14	4,82	0,11	0,05	0,63	
Азербайджанская ССР		8,38	7,48	6,73	2,34	1,11	0,35	
Литовская ССР		6,27	5,89	5,27	0,53	1,11	1,03	
Молдавская ССР		5,04	4,78	5,32	0,52	0,96	1,54	
Латвийская ССР		4,84	4,77	4,96	1,17	1,61	1,84	
Киргизская ССР		7,74	7,69	7,53	3,44	3,95	2,30	
Таджикская ССР		8,64	8,95	8,03	2,98	5,42	4,65	
Армянская ССР		6,43	5,48	5,79	0,51	0,62	0,68	
Туркменская ССР		—*	9,08	9,05	—*	0,79	0,99	
Эстонская ССР		5,30	4,29	3,88	1,88	2,37	2,54	

* Данные不可靠.

Таблица 12. Внебрачный компонент суммарного коэффициента рождаемости в СССР и союзных республиках, %

	Все население				Городское население				Сельское население			
	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	1984—1985 гг.	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	1984—1985 гг.	1958—1959 гг.	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	1984—1985 гг.
СССР	12,5	7,9	4,0	9,2	10,6	8,2	8,6	10,1	13,2	7,5	8,9	8,3
РСФСР		10,1	11,6	12,1		9,2	9,9	11,5		11,8	14,4	13,6
Украинская ССР		8,8	8,7	8,3		8,1	7,3	8,5		9,8	10,9	9,8
Белорусская ССР		5,2	5,9	7,3		5,4	5,9	6,9		5,2	8,7	8,6
Узбекская ССР		1,8	2,7	3,0		3,9	5,7	5,6		0,8	1,7	1,7
Казахская ССР		9,3	9,6	9,9		12,5	11,6	11,9		7,0	7,9	8,1
Грузинская ССР		1,5	0,4	10,7		2,6	1,0	13,2		0,7	0,4	8,1
Азербайджанская ССР		8,3	4,0	2,7		5,0	4,7	3,9		5,8	3,4	2,0
Литовская ССР		4,7	7,3	7,6		4,0	6,5	6,7		5,2	9,4	8,9
Молдавская ССР		4,7	7,6	8,6		6,0	8,1	10,8		4,2	7,3	7,9
Латвийская ССР		9,4	13,3	14,5		7,4	9,6	12,9		14,4	18,0	19,2
Киргизская ССР		9,2	8,8	9,2		15,6	11,2	13,3		6,4	9,0	7,6
Таджикская ССР		3,6	6,4	6,5		5,7	9,1	9,3		2,9	5,6	5,5
Армянская ССР		2,5	5,3	7,2		3,0	6,1	8,7		1,8	4,0	5,2
Туркменская ССР		—*	2,5	3,6		—*	5,9	6,9		—*	0,8	1,4
Эстонская ССР		18,1	16,9	20,8		10,2	13,4	16,8		21,8	27,1	31,1

* Данные不可靠.

4. Вклад внебрачной рождаемости в общую рождаемость

Различия в соотношениях уровней брачной и внебрачной рождаемости приводят к разному вкладу внебрачной рождаемости в общую. Если в городском населении Литвы вклад внебрачных рождений в суммарный коэффициент рождаемости составляет лишь около 7 %, то в сельском населении Эстонии — свыше 30 %. Поэтому сам по себе уровень внебрачной рождаемости еще не дает оснований для заключения о ее значимости в данной группе населения и вкладе незамужних женщин в общий уровень рождаемости. Для этих целей необходим совместный анализ показателей брачной и внебрачной рождаемости. Он может проводиться, например, с помощью индексов рождаемости или суммарных коэффициентов брачной и внебрачной рождаемости⁹.

В качестве примера приведена табл. 13, в которой показано разложение суммарного коэффициента общей рождаемости для всего населения СССР на два компонента. Первый показывает вклад замужних женщин в общий уровень суммарного коэффициента рождаемости (F) и представляет собой произведение индекса брачной структуры (I_m) и суммарного коэффициента брачной рождаемости (F^m). Второй из этих компонентов, показывающий вклад незамужних женщин в общий уровень суммарного коэффициента рождаемости, представляет собой произведение дополнения до 1 индекса брачной структуры ($1-I_m$) и суммарного коэффициента внебрачной рождаемости (F^m).

Роль внебрачного компонента в общем уровне рождаемости зависит от динамики соотношения брачной и внебрачной рождаемости. Следует обратить внимание также на систематическое снижение индекса брачной структуры, что говорит о ее улучшении и снижении ее ограничивающего влияния на уровень рождаемости.

Однако такой анализ иногда приводит к парадоксальным выводам в условиях неполной сопоставимости категорий в числителе и знаменателе коэффициентов, о чем уже говорилось. Так, например, в 1984—1985 гг. в сельском населении Эстонской ССР в некоторых возрастных группах коэффициенты внебрачной рождаемости

Таблица 13. Разложение суммарного коэффициента общей рождаемости на брачный и внебрачный компоненты. Все население СССР

Годы	Суммарный коэффициент рождаемости			Индекс брачной структуры * I_m	Брачный компонент $I_m F^m$	Внебрачный компонент $(1-I_m) F^m$
	общей F	брачной F^m	внебрачной F^m			
1958—1959	2,81	4,79	1,16	0,454	2,18	0,63
1969—1970	2,39	4,48	0,84	0,426	1,91	0,48
1978—1979	2,27	4,47	0,78	0,406	1,81	0,46
1984—1985	2,41	4,83	0,80	0,400	1,93	0,48

* Индекс брачной структуры рассчитан по формуле $I_m = (F - F^m) : (F^m - F^m)$

мости получились значительно более высокими, чем коэффициенты брачной рождаемости (см. табл. 9, 10), а суммарные коэффициенты внебрачной рождаемости (см. табл. 12) оказываются выше суммарных коэффициентов общей рождаемости, если в числителе учитывать всех родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке. В этом случае индекс влияния брачной структуры оказывается отрицательным. И хотя соотношения арифметически сохраняются, ясно, что отрицательная величина брачного компонента рождаемости, которая как бы говорит о том, что состоящие в браке понижающе влияют на рождаемость, есть результат неадекватности системы информации.

Аналогичный вывод следует из анализа индексов Э. Коула. Минимальный индекс внебрачной рождаемости — также в городском населении Литвы, максимальный — в сельском населении Эстонии. Индексы внебрачной рождаемости Коула для 1979 г. можно вычислить для разных категорий внебрачных рождений: для всех родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, и для внебрачных рождений, зарегистрированных по заявлению матери, при этом рожденья, зарегистрированные по совместному заявлению родителей, включаются в брачные. Максимальный индекс внебрачной рождаемости и в том и в другом случае оказывается в сельском населении Эстонской, а минимальный — в Туркменской ССР. Перенос рождений, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, в число брачных уменьшает вклад внебрачной рождаемости в общую в сельском населении Туркмении лишь на 0,1 % (с 1,0 до 0,9 %), а в сельском населении Эстонии уменьшает оценку вклада внебрачной рождаемости почти в 2,5 раза (с 26,5 % до 10,9 %).

Существует упрощенный способ оценки вклада внебрачной рождаемости в общий уровень рождаемости путем разложения каждого возрастного коэффициента на брачный и внебрачный компоненты. Это делается делением числа брачных рождений в каждой возрастной группе на общее число женщин этой же возрастной группы, и числа внебрачных рождений в каждой возрастной группе — также на общее число женщин в этой возрастной группе. В сумме эти два коэффициента равны обычному возрастному коэффициенту общей рождаемости. Суммируя отдельно эти возрастные коэффициенты, можно получить два слагаемых суммарного коэффициента общей рождаемости: одно из них будет характеризовать вклад брачных рождений в этот коэффициент, второе — внебрачных. Соотношение этих частей будет зависеть от способа учета категорий родившихся.

Этот способ учета оценки влияния брачных и внебрачных рождений позволяет соизмерять влияние этих компонентов с уровнем воспроизводства населения. Если принять, как мы это делали ранее¹⁰, за границу простого воспроизводства уровень суммарного коэффициента рождаемости, равный 2,17, на одну женщину, то структура суммарного коэффициента рождаемости в 1978—1979 гг. в СССР представляется следующим образом (табл. 14).

Таблица 14. Разложение суммарного коэффициента общей рождаемости в СССР за 1978—1979 гг. по категориям родившихся

№	Категория новорожденных	Суммарный коэффициент рождаемости на 1 женщину		
		Все население	Городское население	Сельское население
1.	Все родившиеся	2,273	1,853	3,266
2.	из них: у матерей, состоявших в зарегистрированном браке	2,073	1,689	2,982
3.	у матерей, не состоявших в зарегистрированном браке	0,200	0,164	0,284
4.	в том числе: зарегистрированные по заявлению матери	0,114	0,100	0,145
5.	зарегистрированные по совместному заявлению родителей	0,086	0,064	0,139
6.	Родившиеся у матерей, состоявших в зарегистрированном браке, и родившиеся, зарегистрированные по совместному заявлению родителей (строка 2+строка 5)	2,159	1,753	3,121

Из таблицы видно, что родившиеся у матерей, состоявших в зарегистрированном браке, не обеспечивали в стране простого воспроизводства. Оно не могло быть обеспечено брачными рожденьями и в случае включения в их число родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, но зарегистрированных по совместному заявлению родителей. Только истинно внебрачные рожденья, зарегистрированные по заявлению матери, позволяли удерживать уровень воспроизводства в стране над гранью простого. Но на селе расширенное воспроизводство населения достигалось и без учета внебрачных рождений, а в городском — уровень рождаемости с учетом всех категорий рождений был ниже необходимого для простого воспроизводства.

Из 30 выделяемых нами групп населения (городское и сельское население союзных республик) в 1978—1979 гг. 8 имели уровень рождаемости ниже необходимого для простого воспроизводства, 16 имели уровень рождаемости, при котором для простого воспроизводства было достаточно только брачных рождений, и в 6 группах уровень простого воспроизводства не мог быть обеспечен только родившимися в зарегистрированном браке. При этом в сельском населении РСФСР, Украинской, Латвийской и Эстонской ССР простое воспроизводство могло быть обеспечено брачными рожденьями, если в их число включать родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, но признанных отцом (т. е. зарегистрированных по совместному заявлению родителей), а в городском населении Армении и Казахстана уровень

простого воспроизводства достигался только с учетом рождений, зарегистрированных по заявлению матери.

За более поздние годы столь подробных данных уже не было, но в 1984—1985 гг. в 4 группах населения простое воспроизводство обеспечивалось только с учетом внебрачных рождений: в городском населении Армении и Казахстана и сельском населении Эстонии и Латвии. В 18 группах родившиеся в зарегистрированном браке обеспечивали простое воспроизводство, а в 8 оно не было обеспечено даже с учетом внебрачных рождений.

* * *

Проведенный анализ имеющейся информации о брачной и внебрачной рождаемости показал, что если уровень показателей внебрачной рождаемости для страны в целом не очень высок, хотя и имеет решающее значение для обеспечения простого воспроизводства, а после подъема рождаемости их влияние на общий уровень рождаемости снижается и не оказывает решающего влияния на характер воспроизводства населения, то для отдельных территорий значение этого фактора очень велико. Поэтому анализ брачной и внебрачной рождаемости оказывается необходимым не только для выявления демографических факторов динамики и дифференциации процесса, но и для оценки эффекта мер демографической политики, а также для выработки специальных мер, которые при всей важности проблемы повышения рождаемости на той или иной территории не должны вызывать повышения внебрачной рождаемости. Рождаемость у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, имеет не только демографическое, но и социальное значение и требует специального изучения и с этой точки зрения. Развивая и совершенствуя далее меры демографической политики, вряд ли стоит специально стимулировать рождения у женщин вне юридического брака, но эти семьи должны в первую очередь находиться под опекой государства. Как показали данные специального выборочного обследования рождаемости 1978 г., социально-экономические условия жизни детей в неполных семьях и в семьях женщин, состоявших в браке, существенно различаются, особенно в городах: в неполных семьях ниже душевой доход на члена семьи, меньшая доля проживающих в отдельных квартирах, жилье менее благоустроено, существенно ниже обеспеченность семьи предметами быта. И с этой позиции внебрачная рождаемость должна быть объектом внимания и всестороннего исследования. Нуждается в совершенствовании методика ее изучения, система информации как в текущем учете, так и в переписях и обследованиях. В частности, в этом нуждается система информации о рождаемости в части учета брачного состояния матери: при регистрации рождений для демографических целей необходимо учитывать не характер документа, предъявляемого при регистрации, а непосредственно брачное состояние матери (состоит в зарегистрированном браке с документальным

подтверждением; состоит в незарегистрированном браке по самоопределению, не состоит в браке). В соответствии с этим должна строиться информация и в переписях населения, где состоящие в браке должны делиться на две категории — состоящих в зарегистрированном браке и состоящих в незарегистрированном браке. Это позволит получить показатели брачной и внебрачной рождаемости, более адекватно отражающие ситуацию, чем мы имеем в настоящее время. Аналогичные категории необходимо выделять и в обследованиях.

¹ Яковлева Г. В. К вопросу о положении ребенка одинокой матери // Производственная деятельность женщин и семья. Минск, 1972. С. 208.

² Вагабов М. В. Ислам и семья. М., 1980.

³ В некоторых работах предпринималась попытка оценить уровень брачной рождаемости в предположении, что большая часть детей рождена в устойчивых союзах, а женщины, родившие ребенка даже в краткосрочном неустойчивом союзе, объявляют себя при переписи состоявшими в браке. Впервые это попытался сделать Б. Ц. Урланис (Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963), затем подобные попытки были у других авторов. Такой подход можно признать допустимым лишь при анализе уровня брачной рождаемости, который мало изменяется в среднем по стране от прибавления к родившимся в браке тех рождений, которые были зарегистрированы по заявлению матери. Но подобный метод непригоден для анализа внебрачной рождаемости.

⁴ Суммарные коэффициенты внебрачной рождаемости — упятеренные суммы возрастных коэффициентов для пятилетних возрастных групп, показывающие среднее число рождений на одну женщину, не вступавшую в брак, в гипотетическом поколении, в котором внебрачная рождаемость в каждом возрасте равна рождаемости в данном периоде.

⁵ При исчислении стандартизованных показателей было бы естественно принять за стандарт возрастную структуру населения всей страны в 1985 г. Однако ее особенности, образовавшиеся в результате перепадов рождаемости в 60-е годы, искажающе действовали на стандартизованные показатели, что создавало дополнительные трудности при анализе. Поэтому мы сочли более целесообразным принять в качестве стандарта возрастную структуру стационарного населения по таблицам смертности для населения СССР за 1985—1986 гг. См.: Таблицы смертности и ожидаемой продолжительности жизни населения. М., 1989. С. 127—128.

⁶ Специальные коэффициенты брачной рождаемости, аналогичные коэффициентам внебрачной рождаемости, исчислялись как отношение числа рождений у женщин, состоявших в зарегистрированном браке, полученного по данным текущего учета, к числу женщин, состоящих в браке, — по данным переписей и обследований. Суммарный коэффициент брачной рождаемости получается как упятеренная сумма возрастных коэффициентов для пятилетних возрастных групп и показывает среднее число рождений на одну женщину за весь плодотворный период жизни в гипотетическом поколении, в котором возрастные коэффициенты брачной рождаемости равны фактическим данным, а все женщины состоят в браке весь плодотворный период жизни.

⁷ Как уже было сказано, текущая статистика до 1988 г. не давала возможности получить коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости в этническом разрезе.

⁸ См.: Население СССР, 1987. М., 1988. С. 209—212.

⁹ См.: Дарский Л. Е., Ильина И. П. Влияние брачной структуры на уровень рождаемости // Методология демографического прогноза. М., 1988. С. 17—30.

¹⁰ См.: Белова В. А., Бондарская Г. А., Дарский Л. Е. Современные проблемы и перспективы рождаемости // Методология демографического прогноза. С. 62.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИИ И БРАЧНОСТИ

Л. Р. Кузнецов

В настоящее время в СССР миграция представляет собой один из самых массовых социальных процессов. По результатам Всесоюзной переписи населения 1979 г. 47,1 % всего населения страны были мигрантами, т. е. по крайней мере один раз в жизни изменили место постоянного жительства¹.

Масштабы современной миграции в СССР обусловлены целым рядом параллельно действующих факторов. Во-первых, продолжаются урбанизационные процессы, вызывающие перемещение населения из менее крупных населенных пунктов в более крупные. Во-вторых, продолжается активное хозяйственное освоение новых территорий. В-третьих, сам ритм современной жизни предполагает высокую мобильность, в том числе и территориальную, широких слоев населения. В-четвертых, неэффективность управления миграционными процессами со стороны государства, проявляющаяся, с одной стороны, в часто нерациональной направленности потоков мигрантов (например, из трудонедостаточных районов в трудоизбыточные), а с другой — в относительно низкой приживаемости мигрантов в новых местах жительства.

Характеризуя особенности современной миграции в СССР, отметим, что подвижность населения разных территорий имеет существенные различия. Так, по материалам выборочного социально-демографического обследования 1985 г., в городском населении РСФСР из родившихся в 1932—1956 гг. местные уроженцы составляют немногим больше трети общего числа жителей. Для тех же когорт родившихся в городском населении республик Средней Азии среди лиц коренных национальностей доля местных уроженцев более 3/4, а для населения, проживающего в районах Крайнего Севера, — только около 20 %. Аналогичные различия наблюдаются на селе.

В общем числе ежегодных переездов доля мужчин заметно выше, чем женщин. Между тем по переписи среди женской части населения большинства территорий доля мигрантов выше, чем среди мужской, что объясняется, по-видимому, большим распространением среди мужчин случаев повторной миграции².

Основной поток мигрантов направляется сегодня в город, причем если раньше большая часть переселенцев прибывала в город из села, то в последнее время — из других городов (в подавляющем большинстве случаев — из малых городов и поселков городского типа в более крупные).

Своеобразна структура потоков мигрантов в республиках Средней Азии. Если среди лиц некоренных национальностей свыше 3/4 переселенцев направляются в город (как и на большинстве территорий страны), то среди лиц коренных национальностей у мужчин — немногим больше 40 %, а у женщин — только 1/3.

© Л. Р. Кузнецов

Основной же поток переселенцев коренных национальностей направляется из села в село: среди прибывших в город они составляют всего лишь чуть больше 30 %, в то время как среди переехавших в село — почти 4/5 всех мигрантов.

Данные о миграции указывают на существенную зависимость миграционной активности от возраста. Как среди мужчин, так и среди женщин основной контингент мигрантов — лица младшего трудоспособного возраста: свыше 2/3 годового числа случаев переезда из одного населенного пункта в другой в связи со сменой места постоянного жительства приходится на 16—29-летних переселенцев. Миграционная подвижность увеличивается в 8—10 раз у 16—24-летних по сравнению с лицами моложе трудоспособного возраста и значительно снижается у тех, кому за 30³.

Лицам младшего трудоспособного возраста в принципе свойственна наивысшая социальная активность во всех ее проявлениях, в том числе и в форме высокой миграционной подвижности. В этом возрасте молодой человек принимает решения, во многом определяющие его дальнейшую судьбу, такие, как выбор специальности, места и характера приложения своего труда, места проживания. В этом же возрасте происходит и наиболее активное формирование семьи: так, по материалам социально-демографического обследования 1985 г., более 80 % первых браков заключаются в возрасте не старше 30 лет.

Уже сам факт близости возраста наивысшей миграционной и матримониальной активности свидетельствует о возможности существенных взаимосвязей между названными сторонами человеческой деятельности (причем на уровне как индивидуального поведения, так и процессов миграции и брачности в целом). Насколько существенны эти взаимосвязи, каковы демографические последствия миграции, как часто в качестве причины переселения выступают демографические события, правомерно ли говорить о демографических факторах миграции и каковы их особенности, насколько миграционное поведение определяется этапами жизненного цикла семьи? Вот ряд проблем, встающих перед исследователем, изучающим взаимосвязи миграции с формированием семьи.

Ответ на эти вопросы, с одной стороны, существенно расширил бы наши представления о факторах миграции, а с другой — позволил бы предвидеть и ее последствия, создавая тем самым предпосылки для более целенаправленного воздействия на территориальные перемещения, чтобы сделать их более рациональными.

В социолого-демографической литературе накоплен определенный опыт изучения данного круга проблем. Так, в работах Е. Н. Гладышевой, Л. Л. Рыбаковского, В. И. Переведенцева, А. У. Хомры и ряда других специалистов исследовались наиболее общие взаимосвязи миграции с воспроизводством населения⁴.

В системе взаимосвязей миграции с формированием семьи, пожалуй, наименее исследованной остается проблема соотношения миграционного и матримониального поведения. По материалам конкретных обследований миграции в ряде работ дается анализ

возрастной и брачно-семейной структуры мигрантов, причин и мотивов их переездов⁵. Вместе с тем возможности рассмотреть во взаимосвязи миграционное и матримониальное поведение переселенцев материалы этих обследований не дают, так как их программы этого не предусматривали. Выяснению такой взаимосвязи препятствует и неразработанность методологии исследования, что выражается в отсутствии соответствующей объяснительной концепции.

Миграционные процессы в СССР имеют сложный и многообразный характер: мигранты различаются по направлениям переезда, по числу случаев смены места жительства (очередность переезда), по возрасту, в котором они переезжают, и целому ряду социально-демографических характеристик. Каждой из этих групп свойственны свои особенности в миграционном поведении, в структуре причин переезда. Можно предположить и существенные различия отдельных групп мигрантов по характеру и тесноте взаимосвязи их миграционного поведения с матримониальным. Так, например, сложившаяся система административных ограничений на прописку в крупнейших городах при наличии там определенных преимуществ проживания способствует более высокой матримониальной активности вновь прибывших сюда мигрантов по сравнению не только с немигрантами, но и с переезжающими в село (где такая проблема, как трудность прописки, не возникает). Таким образом, разработка методологии исследования предполагает необходимость изучения специфики рассматриваемого взаимодействия у разных групп мигрантов.

Слабая изученность взаимосвязей миграции и брачности, миграционного и матримониального поведения во многом обусловлена отсутствием адекватных статистических данных. Итоги переписей и текущего учета населения в этом аспекте у нас в стране не разрабатывались, а специальные обследования для изучения этой проблемы не проводились. Те же скудные данные, которые можно почерпнуть из материалов социолого-демографических обследований миграции, не представительны и чаще всего методически несопоставимы.

Некоторое исключение в этом отношении составляет выборочное социально-демографическое обследование 1985 г., охватившее население всей территории страны и позволившее сопоставить некоторые аспекты миграционного и матримониального поведения переселенцев. Но, несмотря на это, целый ряд важных моментов остался нераскрытым, что не дает возможности глубже проникнуть в закономерности изучаемой системы взаимосвязей.

Уже отмечалось, что в кругу рассматриваемых проблем представляется актуальной оценка демографических последствий миграции. В их числе можно выделить демографические последствия миграции, носящие *структурный характер* и *поведенческий характер*.

Важность исследования первого типа демографических последствий миграции обусловлена различной ее интенсивностью в раз-

ных возрастно-половых и социально-демографических группах населения. Специфический возрастно-половой и брачный состав переселенцев в случаях интенсивной миграции существенным образом сказывается на структуре населения и демографических процессах на территориях как с миграционным оттоком, так и с миграционным притоком.

В условиях несбалансированности по полу миграции из села в город в младшем трудоспособном возрасте, по-прежнему характерной для многих сельских районов страны, необходима оценка ее влияния на интенсивность брачности в местах активного выезда и прибытия мигрантов⁶.

Значительно более высокий по сравнению с мужчинами отток женщин из села в город, приходящийся на самые активные в отношении матримониального поведения возрастные группы, ведет к появлению «дефицита невест» на брачном рынке села. Такая ситуация на селе способствует, во-первых, более ранней и высокой брачности женщин и, во-вторых, низкой и поздней брачности мужчин. Кроме того, часть сельских мужчин, по-видимому, вынуждены искать себе невест в городах, что часто имеет следствием переезд мужчин из села в город.

В свою очередь, интенсивный приток молодых женщин ухудшает брачную конъюнктуру для потенциальных невест в городах, порождая для них те же проблемы, что и для мужчин на селе.

Проиллюстрируем сказанное на материалах Всесоюзной переписи населения 1979 г. В табл. 1 представлены соотношения численностей полов и доли никогда не состоявших в браке в некоторых возрастах для населения Белорусской ССР. Хорошо видно, что в возрастах наивысшей матримониальной активности в сельской местности наблюдаются серьезные диспропорции численностей полов: среди 20—24-летних на каждые 1000 женщин приходится 1348 мужчин, а среди 25—29-летних — более 1200. Таким образом, для многих потенциальных женихов на сельском брачном рынке просто не хватает невест. Такая ситуация сложилась в результате значительно более интенсивного оттока из села женщин по

Таблица 1. Соотношение численностей полов и доли никогда не состоявших в браке в некоторых возрастах в населении Белорусской ССР. 1979 г.

Возраст, лет	Городское население			Сельское население		
	Число мужчин, приходящихся на 1000 женщин данного возраста	Доля (%) никогда не состоявших в браке в данном возрасте		Число мужчин, приходящихся на 1000 женщин данного возраста	Доля (%) никогда не состоявших в браке в данном возрасте	
		мужчин	женщин		мужчин	женщин
15—19	946	98,5	93,6	1376	99,2	92,8
20—24	902	60,9	43,7	1348	70,0	28,8
25—29	933	15,9	13,4	1206	25,3	8,5
30—34	970	6,1	6,4	1053	13,5	5,1
35—39	964	3,2	3,9	914	7,4	4,7

Источники: Население СССР, 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 58—59, 177.

сравнению с мужчинами, что обусловлено, во-первых, ограниченностью сферы приложения женского труда на селе и его непривлекательностью, и во-вторых, существованием всеобщей воинской обязанности, фактически отодвигающей на более поздний срок вступление многих мужчин в период высокой миграционной подвижности.

Противоположная ситуация наблюдается на брачном рынке в городах БССР. Во многом вследствие высокой женской миграции из села в город для мужчин здесь сложилась более благоприятная конъюнктура.

Различия в численностях полов в младшем трудоспособном возрасте, по всей видимости, сказываются и на интенсивности брачности. Так, доля никогда не состоявших в браке мужчин в городах ниже, чем в сельской местности, среди 20—24-летних на 15 %, среди 25—29-летних — на 60 %, а среди 30—34-летних — на 121 %. У женщин, наоборот, доля никогда не состоявших в браке в городах выше, чем на селе: среди 20—24-летних — на 52 %, среди 25—29-летних — на 58 %.

Разумеется, более ранние браки сельских женщин по сравнению с городскими и городских мужчин по сравнению с сельскими нельзя объяснить только диспропорцией полов на брачном рынке, вызванной более интенсивным выбытием представителей одного пола вследствие миграции. Здесь играют роль и особенности брачности городского и сельского населения. Однако приведенный пример достаточно хорошо показывает, что одними лишь этими особенностями отмеченные значительные различия объяснить нельзя.

Демографическими последствиями миграции, носящими *поведенческий характер*, мы называем особенности демографического поведения мигрантов в сравнении с соответствующим поведением как населения их прежних мест жительства, так и немигрантов в местах их нового проживания. Специфика матримониального поведения мигрантов определяется целым рядом факторов, иногда противоречивых. Во-первых, мигрант подвержен определенным традициям матримониального поведения, характерным для населения тех мест, откуда он выбыл. Во-вторых, на новом месте мигрант часто сталкивается с иными ценностными ориентациями, в том числе и в матримониальной сфере. В-третьих, после переезда он неизбежно испытывает трудности адаптации на новом месте (такие, как, например, трудности с жильем, иное материальное положение, новое окружение, возможно, трудности общения). В-четвертых, для определенной части недавно переехавших (например, для так называемых лимитчиков) в качестве своего рода способа форсирования адаптации к новым условиям может быть характерна повышенная матримониальная активность по сравнению с местными уроженцами и с уже адаптировавшимися на новом месте мигрантами.

К особенностям новой среды переселенец приспосабливается не сразу, а по прошествии некоторого времени. Некоторые виды

адаптации (например, медико-биологическая) происходят быстрее, другие (изменение ценностных ориентаций) — медленнее. Представляется, что нормы демографического поведения также подвержены достаточно большой инерции. В то же время по мере изменения условий существования поведение мигрантов, в том числе и в демографической сфере, меняется, и достаточно существенно⁷. Таким образом, нельзя рассматривать мигрантов в качестве однородной совокупности, необходимо учитывать продолжительность их проживания на новом месте.

Вопрос об особенностях матримониального поведения мигрантов совершенно не исследован в работах советских ученых. Определенную информацию по данной проблеме даст обработка материалов обследования 1985 г., позволившего выяснить, как меняется матримониальное поведение мигрантов в зависимости от продолжительности проживания на новом месте.

Большой интерес представляет характеристика масштаба и особенностей брачной миграции в СССР. Под *брачной миграцией* мы понимаем случаи переезда на новое место, обусловленные вступлением мигранта в брак с лицом, постоянно там проживающим. Некоторые авторы трактуют выражение «брачная миграция» несколько иначе. Так, В. И. Мукомель, говоря о ней, подразумевает и тех мигрантов, причиной переселения которых явилось желание «устроить личную жизнь»⁸. Однако в этом случае в одну группу объединяются и те мигранты, у которых вступление в брак явилось непосредственной причиной переезда, и те, у кого в качестве таковой выступало только желание вступить в брак. Такой подход представляется методически неверным, так как речь идет об объединении совершенно разных категорий — тех, кто уже вступил или вступает в конкретный брак, и тех, кто лишь ссылается на желание вступить в брак как на мотив перемены места жительства. В дальнейшем мы будем придерживаться первого, более узкого и, с нашей точки зрения, более точного определения брачной миграции.

По сути, брачная миграция представляет собой съезд вступивших в брак супругов к месту проживания одного из них при условии, что переезд совершается за пределы города или района (для мигрантов из села), в котором проживал переезжающий супруг до вступления в брак⁹.

Поскольку специальные обследования брачной миграции не проводились, судить о ее масштабах и особенностях мы можем только приблизительно¹⁰. По-видимому, обычно большинство браков заключается между лицами, проживающими в одном городе, а для сельской местности — в одном селе или соседних селах. Вместе с тем можно предположить, что в условиях высокой мобильности, свойственной сегодня значительной части населения страны, достаточно распространены случаи, когда будущие супруги проживают до брака в разных населенных пунктах.

Впервые у нас в стране возможность получить общее представление о брачной миграции дает специальная разработка мате-

риалов социально-демографического обследования 1985 г., в котором учитывался год последнего переезда и годы вступления в первый и повторный брак. Были также получены сведения о характере проживания (мигрант, немигрант) и продолжительности непрерывного проживания на момент обследования, о направлении последнего переезда (город-город, город-село, село-село и село-город). Кроме того, разработка позволила выделить в составе большинства семей супружеские пары и, следовательно, сопоставить аналогичные сведения о каждом из супругов. Вместе с тем при обследовании мотивы переезда не выяснялись и, таким образом, оценить масштабы и особенности брачной миграции можно по этим данным лишь косвенно.

Сопоставление года вступления в брак и года последнего переезда позволило распределить всех вступивших в брак мигрантов относительно даты последнего переезда: вступившие в первый брак за год и ранее до переезда; в том же году, в каком переехали; год и более спустя после переезда. Мы предположили, что среди мигрантов, у которых год наступления обоих событий совпадает, большую часть составляют те, для кого сам переезд был вызван вступлением в брак, и, следовательно, доля вступивших в первый брак в год переезда может служить показателем брачной миграции.

Следует оговориться, что брачная миграция далеко не исчерпывает всех случаев совпадения дат рассматриваемых нами событий. В эту группу попадают лица, сначала сменившие место жительства и только после этого вступившие в брак, т. е. те, у кого последнее событие не было непосредственно причиной переезда. Как показывает опыт социологических обследований, год — более чем достаточный срок для того, чтобы успеть познакомиться с будущим супругом и вступить с ним в брак¹¹, тем более что речь идет не о юридических, а о фактических брачных отношениях. Однако трудности адаптации, с которыми переселенец сталкивается на новом месте, могут сказываться на его матримониальном поведении, приводя, в том числе, и к откладыванию времени вступления в брак на более поздний срок. Следовательно, можно полагать, что доля случаев, когда мигрант переехал без конкретных матримониальных намерений и в том же году успел вступить в брак, сравнительно невелика.

При совпадении года переезда и года вступления в брак возможны, кроме того, ситуации, когда, во-первых, брак распадается на первом же году супружеской жизни и бывший супруг уезжает в другой населенный пункт; во-вторых, когда оба супруга после заключения брака уезжают (например, по распределению после окончания учебного заведения) в другой населенный пункт. Однако число таких случаев вряд ли может быть значительным. Так, по данным текущего учета, в течение первого года супружеской жизни распадается лишь немногим более 1% заключенных браков¹², и, следовательно, еще реже встречаются ситуации, когда бывший супруг уезжает в другой населенный пункт.

Таблица 2. Распределение мигрантов по времени вступления в первый брак в зависимости от их пола и направления переезда

Территория	Время вступления в первый брак	Доля вступивших в первый брак среди переехавших					
		в город из другого города		в город из села		в село	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
РСФСР	до переезда	46,9	47,9	27,7	28,9	59,0	55,6
	в год переезда	12,7	15,7	14,0	15,0	13,4	20,7
Республики Средней Азии (суммарно)*	до переезда	40,4	36,4	58,3	56,1	27,6	23,7
	в год переезда	56,8	44,2	48,5	39,3	52,3 (43,2)	32,3** (26,3)
	после переезда	10,4	40,2	12,0	40,3	14,9 (9,5)	55,0 (56,2)
		32,8	15,6	39,5	20,4	32,8 (47,3)	12,7 (17,5)

* Коренные национальности: узбеки, киргизы, таджики, туркмены.

** Без скобок — значение для прибывших в село из города; в скобках — значение для прибывших в село из другого села.

Учитывая сказанное, можно полагать, что доля брачной миграции в общем числе случаев совпадения дат рассматриваемых событий достаточно высока, чтобы использовать показатель частоты совпадений года переезда и года вступления мигрантов в брак в качестве меры интенсивности брачной миграции.

В табл. 2 и 3 приведено распределение состоящих или состоявших в браке мигрантов 1947—1956 гг. рождения по времени вступления в первый брак и по направлению переезда. Выбор данной совокупности обусловлен, во-первых, необходимостью обеспечить достаточную представительность данных (взяты родившиеся за 10 лет); во-вторых, тем, что на момент обследования родившиеся в эти годы уже прошли возраст наивысшей миграционной и матримониальной активности; в-третьих, тем, что у выбранной совокупности мигрантов случаи переезда (как известно, регистрировался год только последнего переезда) приходились, по-видимому, на наиболее активный матримониальный период.

Выделены территории, население которых значительно различается по своей миграционной активности: РСФСР, население которой в подавляющем большинстве обладает высокой миграционной подвижностью, и республики Средней Азии, коренное население которых относительно малоподвижно.

Прежде всего обращает на себя внимание большая разница в частоте совпадения года вступления в первый брак и года переселения между мигрантками в составе населения РСФСР и среди коренного населения республик Средней Азии: в зависимости от направления переезда доля таких случаев в населении второй группы территорий в 2—3 раза больше. В сельской местности

Таблица 3. Доля мигрантов коренных национальностей республик Средней Азии, у которых совпали год переезда и год вступления в первый брак, в зависимости от возраста, %

Территория	Возраст переезда мигрантов, лет	Прибыли в город		Прибыли в село	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины
Республики	18	2,6	73,1	7,5	81,5
Средней Азии (суммарно) *	20	10,7	67,5	16,5	78,2
	22	28,0	53,7	32,6	59,3
	24	26,4	32,8	23,0	40,8
	26	12,2	19,5	12,5	26,9

* Коренные национальности: узбеки, таджики, киргизы, туркмены.

среднеазиатских республик год переезда совпадает с годом вступления в первый брак у каждой второй прибывшей жительницы коренной национальности. Еще выше частота совпадения дат рассматриваемых событий среди тех из них, кто прибыл в возрасте наивысшей миграционной подвижности (18—20 лет): доля таких случаев в общем числе вступивших в первый брак мигрантов превышает 3/4.

Приведенные в табл. 2 данные, по нашему мнению, определенно свидетельствуют о том, что в среднеазиатских республиках брачная миграция женщин коренных национальностей широко распространена. Подавляющее большинство случаев переезда женщин на новое место постоянного проживания, особенно в возрасте 18—20 лет (см. табл. 3), по-видимому, вызвано здесь их замужеством и переездом к мужу. Такая структура причин миграции указывает на пока еще невысокое распространение среди жительниц Средней Азии коренных национальностей иных причин миграции, таких, например, как желание продолжить образование, найти более интересную работу, т. е. тех, которые собственно и определяют высокую миграционную подвижность женщин в других регионах страны. Как и предполагалось, в целом у женщин-мигрантов чаще, чем у мужчин, совпадают даты переезда и вступления в первый брак, причем особенность эта прослеживается и для отличающегося высокой миграционной подвижностью населения РСФСР.

По приведенным в табл. 2 данным видно, что для населения РСФСР частота совпадения дат рассматриваемых событий у мигранток, прибывших в село, гораздо больше, чем у переехавших в город. По нашему мнению, это объясняется существенным «дефицитом невест» на сельском брачном рынке, что вынуждает сельских мужчин существенно расширять географию поиска спутниц жизни.

Что касается мужчин, то, как видно из табл. 2, значения частоты случаев совпадения дат рассматриваемых событий по обеим территориям различаются слабо, что говорит о невысокой распространенности брачной миграции мужчин как в РСФСР, так и среди коренных национальностей республик Средней Азии.

Различия в масштабах рассматриваемого явления на выделенных территориях обусловлены, как можно полагать, различиями в мотивационно-причинной структуре переездов. Опыт специальных обследований причин и мотивов миграции, проведенных в стране, позволяет говорить о том, что высокая миграционная подвижность определяется широким распространением мотивов переезда, носящих социально-экономический и культурно-психологический характер и связанных с неудовлетворенностью условиями и характером труда, желанием продолжить учебу, отсутствием возможности для более интересного проведения досуга, неудовлетворенностью жилищными и бытовыми условиями и рядом других¹³.

Такая структура мотиваций характерна сегодня и для населения большей части территории РСФСР. В то же время можно предположить, что именно недостаточная распространенность названных мотивов миграции обуславливает низкую миграционную подвижность у коренных национальностей республик Средней Азии, и, следовательно, доля переездов, вызванных причинами иного характера (в том числе и брачной миграцией) в общей их структуре, здесь значительно выше. Приведенные в табл. 2 данные, по нашему мнению, подтверждают это предположение.

Показатель частоты брачной миграции — напомним, что под ним в этой работе подразумевается доля вступивших в первый брак в год переезда — может служить своего рода обобщающей характеристикой миграционной подвижности населения конкретной территории. Естественно, что речь здесь идет только о лицах, находящихся в возрастах, которым свойственна высокая миграционная и матримониальная активность, так как случаи брачной миграции в старших возрастах относительно немногочисленны, и структура мотиваций иная.

О частоте брачной миграции в разных потоках мигрантов позволяют судить распределения вступивших в первый брак переселенцев по возрасту переезда. На рис. 1 и 2 представлены их графические изображения для ряда возрастов вступления в брак мигрантов 1947—1956 гг. рождения в населении РСФСР, переехавших из города в город. Отчетливо видно, что по всем когортам и у мужчин, и у женщин наивысшая частота переездов приходится именно на возраст, в котором был заключен брак, причем у женщин эта особенность выражена более ярко, чем у мужчин.

Еще более наглядно тесная связь возраста переезда мигранта и возраста вступления его в брак выступает на рис. 3 и 4, на которых изображены распределения по возрасту вступления в первый брак тех же когорт прибывших. Вместе с тем частота совпадения дат прибытия и вступления в первый брак как показатель миграции обладает и существенным недостатком: она зависит от различий в возрастной структуре мигрантов на момент переезда, с одной стороны, и в календаре брачности разных групп мигрантов — с другой. По расчетам, выполненным на материалах социально-демографического обследования 1985 г., женщины в

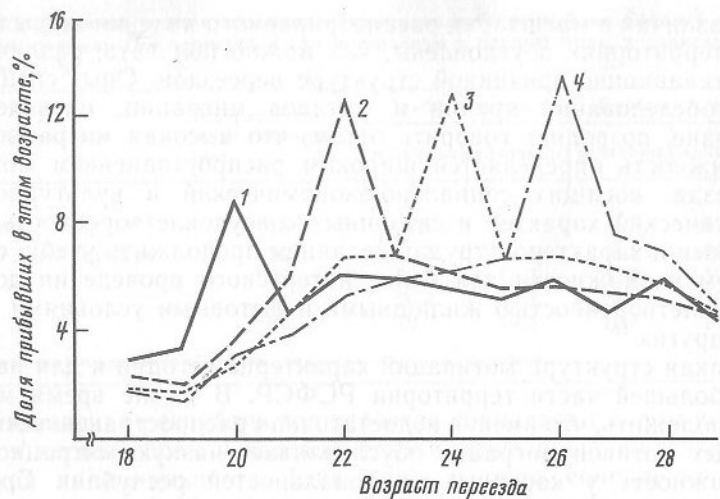

Рис. 1. Распределение мигрантов в составе городского населения РСФСР, прибывших из другого города и вступивших в первый брак, по возрасту переезда. Мужчины 1947—1956 гг. рождения

1 — вступили в брак в возрасте 20 лет; 2 — 22 года; 3 — 24 года; 4 — 26 лет

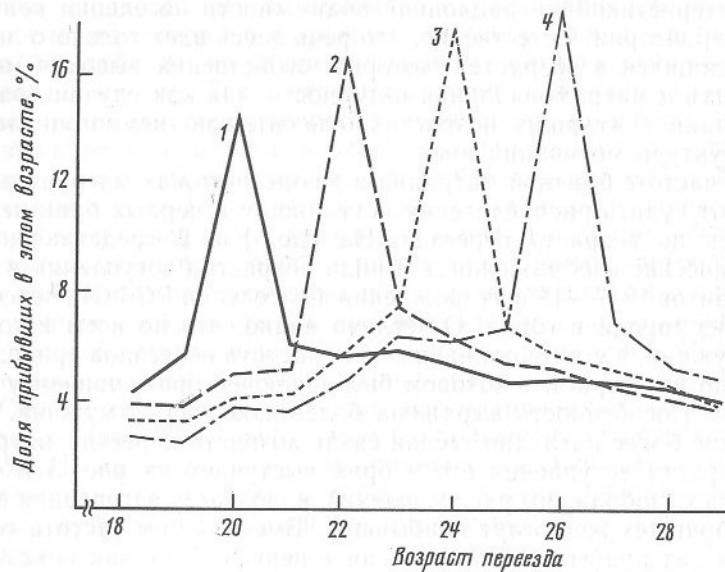

Рис. 2. Распределение мигрантов в составе городского населения РСФСР, прибывших из другого города и вступивших в первый брак, по возрасту переезда. Женщины 1947—1956 гг. рождения

1 — вступили в брак в возрасте 20 лет; 2 — 22 года; 3 — 24 года; 4 — 26 лет

РСФСР переезжали из села в город в среднем на 4,5 года раньше чем прибывшие в село. Следовательно, при прочих равных условиях среди мигранток, прибывших в село, доля вступивших в брак до переезда будет существенно выше, чем у переселившихся из села в город.

Влияние возрастной структуры на частоту совпадения года прибытия и года вступления мигранта в первый брак можно устранить методом стандартизации по возрасту переезда, с одной стороны, и по возрасту вступления в брак — с другой. Приняв за стандарт распределение по возрасту переезда всех мигрантов независимо от направления переезда, мы выполнили соответствующие расчеты для переехавших по каждому направлению в составе населения РСФСР (табл. 4).

После стандартизации распределение мигрантов по времени вступления в брак значительно изменилось: увеличилась доля вступивших в брак до переезда, что особенно заметно среди переехавших в город из села. У переехавших в село эта доля снизилась. По всем потокам миграции увеличилась и доля вступивших в брак в год переезда. Доля вступивших в брак после переезда, напротив, уменьшилась, особенно среди мигрантов из села в город, и осталась практически неизменной у прибывших в село лиц обоих полов.

Различия в распределении по времени переезда между мужчинами и женщинами после стандартизации практически не изменились, что свидетельствует, на наш взгляд, о слабом влиянии особенностей возраста переезда в разных потоках. Единственное исключение составляет доля вступивших в брак после переезда среди переселившихся из города в город: она существенно уменьшилась у мужчин и немного сократилась у женщин, вследствие чего различия по полу почти исчезли.

По стандартизованным показателям, гораздо больше стала доля женщин, прибывших в село, у которых год вступления в первый брак совпал с годом переезда. В результате, как видно из

Таблица 4. Распределение мигрантов по времени вступления в первый брак в зависимости от пола и направления их переезда. РСФСР, когорты 1947—1956 гг. рождения *

Время вступления в первый брак	Доля (%) вступивших в первый брак среди переехавших					
	в город из другого города		в город из села		в село	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Вступили в первый брак всего	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
до переезда	50,6	48,3	47,0	48,4	54,9	51,7
в год переезда	15,1	18,3	17,1	18,2	17,1	24,6
после переезда	34,3	33,4	35,9	33,4	28,0	23,7

* За стандарт принято распределение всех мигрантов по возрасту переезда.

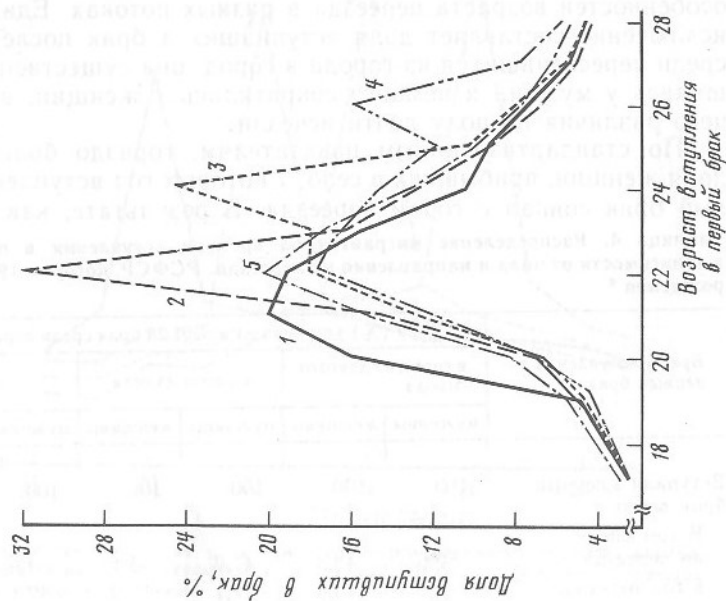
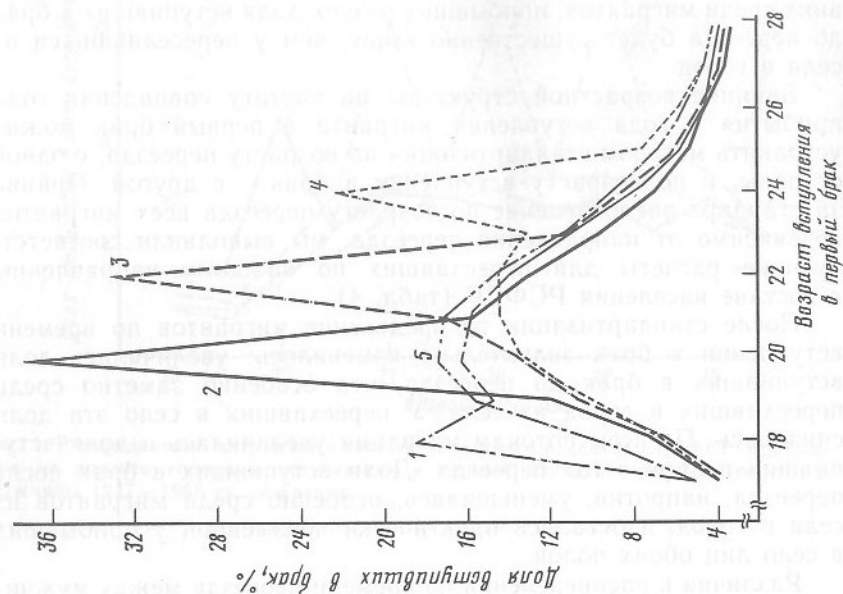

табл. 4, разница в величине этого показателя между мигрантками, прибывшими в город и прибывшими в село, увеличилась. Степень распространенности женской брачной миграции в село, таким образом, значительно выше, нежели в других потоках, что, как уже отмечалось, может быть связано с большим дефицитом потенциальных невест на брачном рынке села, характерным сегодня для большинства сельских районов страны.

Итак, приведенные факты свидетельствуют о явно неслучайном совпадении времени переезда и вступления в брак у значительной части мигрантов, причем в большей или меньшей степени отмеченная особенность свойственна как всем направлениям миграции, так и обоим полам. Если соответствует действительности наше предположение о том, что большая часть подобных случаев образована мигрантами, вступившими в брак с лицами, проживающими в другом городе (районе) и в связи с этим переезжающими к месту жительства другого супруга, то применительно к возрастным группам населения, отличающимся высокой матримониальной активностью, приведенный показатель может служить характеристикой распространенности брачной миграции в общем потоке переселений. Более того, он может свидетельствовать и о миграционной подвижности населения территории в целом (по степени распространенности брачной миграции в общей структуре причин переезда).

Анализ данных обследования 1985 г. позволил выявить интересные особенности в брачности немигрантов и мигрантов, а среди последних — и в зависимости от направления переезда.

Взаимосвязь миграционного и матримониального поведения носит не однонаправленный, а сложный характер. С одной стороны, трудности адаптации на новом месте и к новым условиям, окружению, ритму жизни, отрыв от прежних корней, с чем сталкивается переселенец в первое время после переезда, неизбежно отражаются на его поведении, в том числе и в отношении формирования семьи (они проявляются, например, в откладывании времени вступления в брак). Вместе с тем определенной части прибывших, как уже отмечалось, может быть свойственна повышенная матримониальная активность — как способ адаптации, дающий возможность закрепиться на новом месте.

Кроме того, можно говорить о своего рода избирательности

Рис. 3. Распределение мигрантов в составе городского населения РСФСР, прибывших из другого города, по возрасту вступления в первый брак. Мужчины 1947—1956 гг. рождения

1 — прибыли в возрасте 20 лет; 2 — 22 года; 3 — 24 года; 4 — 26 лет; 5 — все городское население

Рис. 4. Распределение мигрантов в составе городского населения РСФСР, прибывших из другого города, по возрасту вступления в первый брак. Женщины 1947—1956 гг. рождения

1 — прибыли в возрасте 18 лет; 2 — 20 лет; 3 — 22 года; 4 — 24 года; 5 — все городское население

миграции по состоянию в браке. Как известно по материалам ряда обследований, более высокой миграционной подвижностью обладают не состоящие в браке, и, наоборот, менее подвижны те, кто уже вступил в брак¹⁴. Таким образом, вступившие рано в брак реже мигрируют, и, наоборот, из числа не вступивших в молодом возрасте в брак мигрантов гораздо больше.

Перечисленные обстоятельства влияют на показатели брачности мигрантов противоречиво. Однако все же данные обследования 1985 г. позволяют выявить ряд особенностей брачности в зависимости от характера проживания (мигрант или немигрант) и направления переезда (для мигрантов).

Обратившись к изображенным на рис. 5 и 6 распределениям вступивших в первый брак по возрасту заключения этого брака, мы видим, что для мужчин кривые практически совпадают, различаясь только уровнями в точках перегиба. Средняя разность между максимальным и минимальным значениями доли вступивших в первый брак по отдельным возрастам составляет 16,5%¹⁵. Кривые распределения для женщин, изображенные на рис. 6, различаются более существенно. Четко прослеживаются более ранние браки мигранток, прибывших в село, что, как уже отмечалось выше, во многом вызвано очень благоприятной для женщин конъюнктурой на сельском брачном рынке. Так же отчетливо видны и более поздние браки женщин, прибывших из одного города в другой. Средняя разность между максимальным и минимальным значениями доли вступивших в первый брак по отдельным возрастам составляет 35,3%, т. е. более чем в 2 раза выше, чем у мужчин.

При рассмотрении кумулятивных показателей брачности для тех же когорт родившихся заметно отсутствие до возраста 23 года сколько-нибудь значительных различий в возрастной интенсивности вступления мужчин в первый брак, вне зависимости от характера проживания и от направления переезда. В старших возрастах траектории кумулят расходятся.

Напротив, возрастная интенсивность вступления в первый брак женщин различается уже в младших возрастах. Наиболее высокие показатели брачности — у мигранток, прибывших в село, а наиболее низкие — у жительниц города. Как в отношении мужчин старше 23 лет, так и в отношении женщин, но уже начиная с самых младших возрастов, различия, по-видимому, определяются колебаниями брачной конъюнктуры и достаточно интенсивной брачной миграцией для некоторых потоков переселенцев, и в частности для женщин, переезжающих в село.

Табл. 5, в которой приведены значения медианного возраста вступления в первый брак у разных категорий мигрантов РСФСР 1947—1956 гг. рождения, дает обобщенное выражение этих зависимостей. Прежде всего следует отметить, что если у мужчин разница между крайними значениями показателя составляет всего 0,3 года, то у женщин — 1,2, т. е. в 4 раза больше.

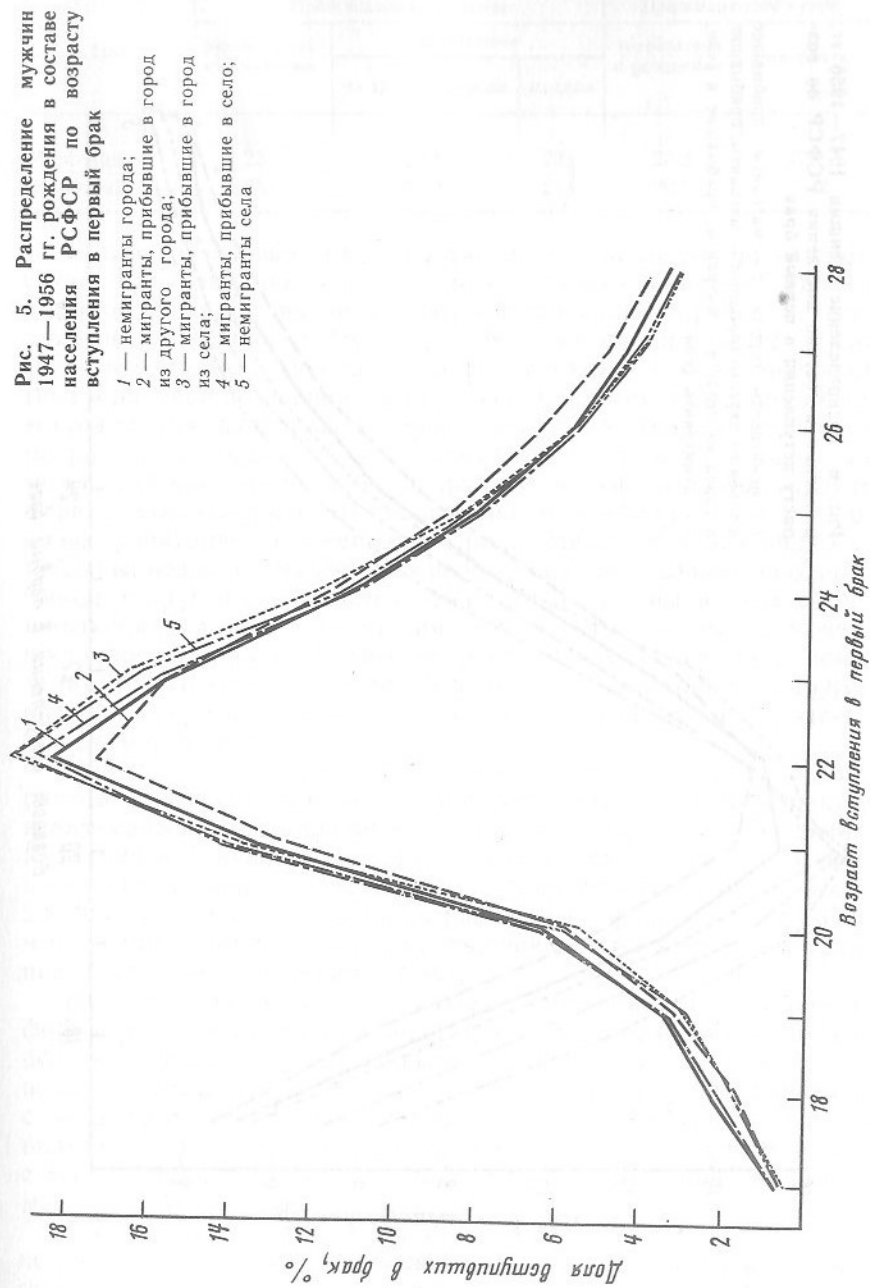

Рис. 6. Распределение женщин 1947—1956 гг. рождения в составе населения РСФСР по возрасту вступления в первый брак

1 — немигранты города; 2 — мигранты, прибывшие в город из другого города; 3 — мигранты, прибывшие в город из села; 4 — мигранты, прибывшие в село; 5 — немигранты села

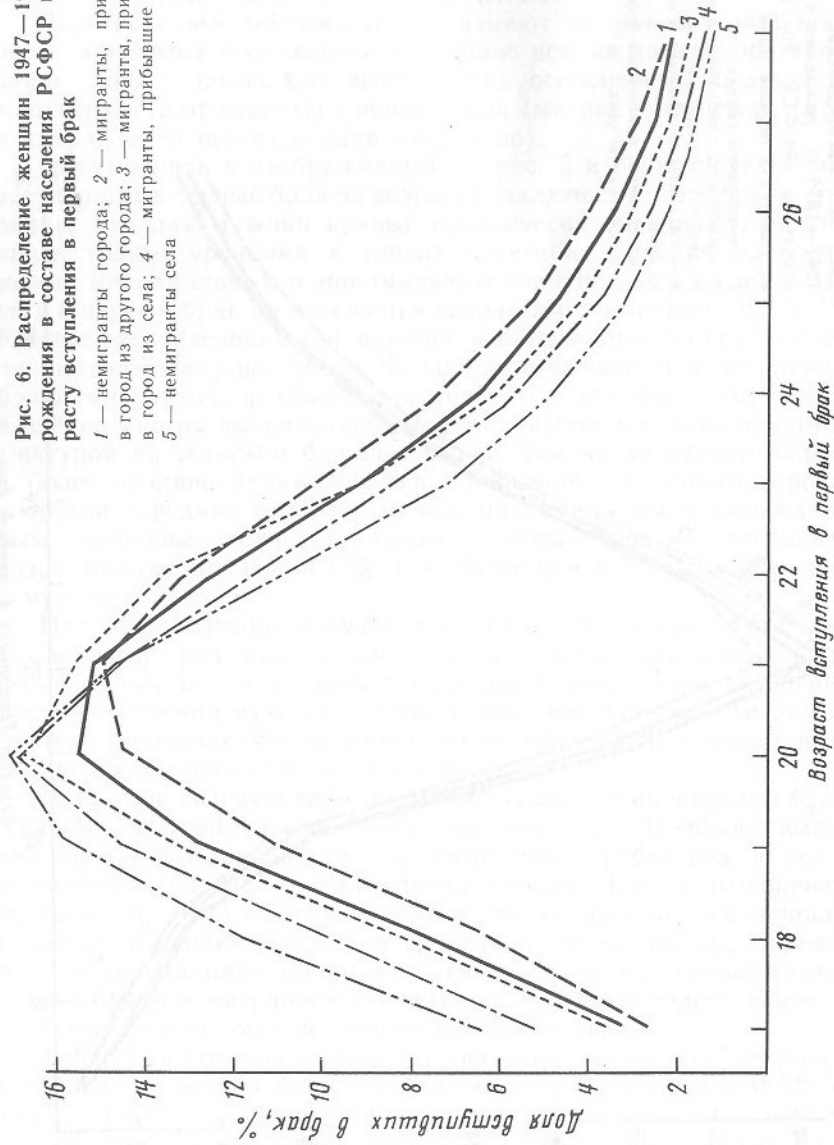

Таблица 5. Медианный возраст вступления в первый брак в зависимости от направления миграции. РСФСР, когорты 1947—1956 гг., лет

Пол	Проживающие в городе			Проживающие в селе	
	непрерывно с рождения	прибывшие		непрерывно с рождения	мигранты
		из другого города	из села		
Мужчины	23,4	23,6	23,6	23,3	23,3
Женщины	21,7	22,1	21,6	20,9	21,2

В табл. 5 освещается еще один аспект исследуемой взаимосвязи. Как известно, в составе мигрирующих из одного города в другой большинство составляют жители малых городов, переселяющиеся в средние и большие¹⁶. В то же время известен и тот факт, что показатели брачности различаются в зависимости от типа и размера поселения: чем крупнее город, тем в среднем позже вступают там женщины в первый брак¹⁷. Учитывая, что среди мигранток из города в город преобладают переселяющиеся из менее крупных городов в более крупные, можно было бы ожидать в среднем большей частоты ранних браков прибывших в этом потоке по сравнению с уроженками города. Между тем, как видно из таблицы, возраст вступления в первый брак прибывших из одного города в другой оказывается даже на 0,4 года выше, чем у проживающих в городе с рождения. Аналогичные расчеты для женщин коренных национальностей республик Средней Азии показали, что и в этом случае прибывшие из одного города в другой выходят впервые замуж более чем на полгода позже городских жительниц-немигранток.

Обобщая результаты сравнения особенностей брачности мигрантов и немигрантов, необходимо отметить сложный характер взаимосвязей миграционного и matrimonialного поведения. Различия в брачности мужчин по рассматриваемым категориям населения незначительны и начинают проявляться только после 23-летнего возраста. У женщин различия в брачности по отдельным категориям населения велики и проявляются уже с самых ранних возрастов вступления в брак.

Несмотря на то что matrimonialное поведение мигрантов формируется под влиянием целого ряда часто разнонаправленных факторов, в целом среди женщин наблюдается в среднем более позднее вступление в первый брак у мигрантов по сравнению с немигрантами. Данное обстоятельство обусловлено, по всей видимости, избирательностью миграции по состоянию в браке, с одной стороны, и трудностями периода адаптации на новом месте — с другой.

Таким образом, результаты исследования подтверждают предположение о наличии взаимосвязей между миграцией и брачностью в СССР. Несмотря на то, что, по данным обследования 1985 г., выделить собственно брачную миграцию в общем числе

переездов оказалось невозможно, косвенная оценка на основании частоты случаев совпадения дат переезда и вступления в первый брак указывает на то, что доля ее высока и составляет у женщин от 15—20 % общего числа случаев миграции, а в республиках Средней Азии среди женщин коренных национальностей — до 40—55 %.

Более глубокое изучение проблемы требует специального обследования, которое дало бы возможность выяснить детали отменного взаимодействия.

Здесь и далее подразумевается миграция в строгом смысле слова, т. е. случаи переселения на новое место постоянного жительства за пределы территории, в которой человек родился или постоянно проживал ранее (в городских поселениях — за пределы города, в сельских — административного района).

Моисеенко В. М. Территориальное движение населения: Характеристика и проблемы управления. М., 1985.

См.: Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М., 1978. С. 130.

См., например: Рыбаковский Л. Е. Миграция населения: Прогнозы, факторы, политика. М., 1987; Рыбаковский Л. Л., Тарасова Н. В. Оценка влияния миграции на воспроизводство населения // Вестн. статистики. 1982. № 1. С. 23—28.

См., например: Корель Л. В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. М., 1982; Моисеенко В. М. Указ. соч.; Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М., 1975; Онищенко В. В., Поповкин В. А. Комплексное исследование миграционных процессов. М., 1973. В самых младших трудоспособных возрастах интенсивность выбытия сельских женщин в города значительно выше, чем мужчин.

Что касается репродуктивного поведения, то расчеты Л. М. Давтяна свидетельствуют о том, что переход «от одного режима плодovitости к другому» у женщин, прибывших из села в город, требует приблизительно 8—10 лет после переезда. См.: Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М., 1970. С. 99. Ближкие результаты получены и в исследованиях А. А. Петракова. См.: Петраков А. А. Социологическое исследование воздействия миграции на рождаемость // Проблемы формирования и развития населения Урала. Свердловск, 1977. С. 124—131.

Мукомель В. И. Миграция и семья: Этапы жизненного цикла // Городская и сельская семья. М., 1987. С. 218.

Частным случаем брачной миграции может быть ситуация, когда после вступления в брак оба супруга меняют место своего прежнего жительства (до вступления в брак), переезжая, например, вместе в другой город.

На основании результатов ряда социолого-демографических обследований миграции В. И. Мукомель оценивает размеры брачной миграции в широком толковании этого выражения в 15 % от общего числа ежегодных переездов. См.: Мукомель В. И. Указ. соч. С. 218.

Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978. С. 74.

Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 139.

См., например: Онищенко В. В., Поповкин В. А. Комплексное исследование миграционных процессов. М., 1973. С. 100; Оруджиева А. Г. Мотивация территориальной подвижности городского населения // Особенности демографического поведения городского населения Урала. Свердловск, 1980. С. 91; Корель Л. В. Урбанизация и миграция сельского населения Западной Сибири // Региональные проблемы современного демографического развития СССР и Финляндии. М., 1987. Ч. 2. С. 186.

См., например: Корель Л. В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. М., 1982. С. 90—98.

Показатель средней разности рассчитан по формуле $\bar{D} = [\sum (\text{MAX}_i - \text{MIN}_i)]^{1/2}$, где MAX_i и MIN_i — наибольшее и наименьшее значения доли вступивших в первый брак в возрасте i лет.

¹⁶ Корель Л. В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. С. 46.

¹⁷ Дарский Л. Е., Ильина И. П. Влияние брачной структуры на уровень рождаемости // Методология демографического прогноза. М., 1988. С. 23.

О ВЛИЯНИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЕМЬИ НА УРОВЕНЬ ЕЕ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

И. А. Герасимова

Углубленное изучение экономического положения отдельных групп и слоев населения и их дифференциации обусловило развитие посемейного подхода к исследованию проблем благосостояния.

В статье делается попытка системного анализа денежного дохода семьи, характера родства ее членов, их занятости в общественном производстве и возраста самой семьи. Это предопределяется тем, что поведение членов семьи в сферах труда и потребления, их репродуктивные установки и социальная мобильность взаимосвязаны и взаимообусловлены. Кроме того, семья — это постоянно развивающийся организм, изменение структуры которого происходит согласно присущей ему внутренней логике. Можно с полным основанием сказать, что семья — один из наиболее сложных видов систем, к которым относятся «...самоорганизующиеся системы, способные в процессе функционирования видоизменять свою структуру»¹.

Анализ проводится на материалах второго комплексного социально-экономического обследования семей г. Таганрога (в дальнейшем — «Таганрог-2»), включавшего наряду с другими подпроекты «Уровень жизни и социально-экономические проблемы благосостояния» (сокращенно: «Уровень жизни») и «Структура и развитие семьи» (сокращенно «Семья») ². Опрос семей с помощью анкет-интервью был осуществлен в 1978 и 1980 гг., им было охвачено соответственно 3000 и 700 семей и одиноких. Результаты анализа имеют преимущественно методологический, а не прогностический характер, хотя некоторые соотношения, по-видимому, устойчивы.

Под *денежным доходом* семьи понимается сумма денежных средств, получаемых всеми членами семьи в виде заработной платы, пенсий, стипендий, алиментов и других поступлений, без денежных поступлений от личного подсобного хозяйства. Напомним, что речь идет о городском населении ³.

В отличие от распространенного в советской экономической литературе подхода в настоящей работе рассматривается не душевой, а *суммарный денежный доход семьи* (СДД). Именно он, а не расчетный показатель дохода, приходящегося в среднем

на одного человека, определяет реальный уровень и структуру потребления семьи, что является одним из важнейших индикаторов ее благосостояния. Не имея возможности останавливаться на деталях, отметим лишь, что вторичный анализ данных, содержащихся в статье С. К. Карапетяна и Р. Л. Овсепяна «Демографические факторы и дифференциация уровня жизни»⁴, показывает, что при уменьшении суммарного денежного дохода семьи наблюдается регулярное, практически монотонное увеличение доли расходов семьи на питание и соответственно — уменьшение доли расходов на промышленные товары и услуги. При оперировании показателем «душевой доход» эти зависимости резко нарушаются. Это означает, что при группировке семей по душевому доходу, например, при построении дифференцированного баланса доходов и потребления, в одну группу могут попасть семьи, значительно различающиеся структурой потребления.

Семья — первичная социально-экономическая ячейка общества, члены которой связаны родством (свойством), общностью проживания и быта, единством бюджета. От других малых социальных групп, в той или иной мере объединенных частичной интеграцией индивидуальных денежных средств, совместным проживанием и организацией быта (коммун, землячеств и т. д.), созданных, как правило, на паритетных началах, семью отличает не только интеграция всех доходов, поступающих в семью, но и их последующее перераспределение для удовлетворения нужд как семьи в целом, так и отдельных ее членов. При этом потребности других членов семьи непосредственные получатели дохода часто воспринимают как более настоятельные, чем свои личные потребности. Это характерно для взаимоотношений родителей и детей, особенно младшего возраста, работающих членов семьи и иждивенцев. Внутрисемейное перераспределение благ и услуг — в обычаях и традициях народов. Это приготовление приданого, различные виды помощи молодой семье, попечение престарелых, помощь стариков в воспитании детей, обучение молодежи, достигшей рабочего возраста и находящейся на полном или частичном иждивении семьи и т. д. О характере приоритетов семьи свидетельствует страхование детей, к которому часто прибегают родители, особенно молодые, как к наиболее доступной для них форме накопления сбережений к моменту достижения детьми совершеннолетия или вступления в брак.

Суммарный денежный доход семьи не только характеризует благосостояние семьи, но и отражает ее место в системе общественного разделения труда. На достигнутый и достижимый в будущем суммарный доход ориентируется семья в своем реальном трудовом и потребительском поведении. Перспектива изменения этого общего дохода семьи влияет на ее решение о характере (интенсивности) занятости членов семьи в общественном производстве, о продолжении обучения, повышении квалификации, изменении места работы, места жительства и т. д. Протяженность этих процессов во времени предопределяет необходимость динамиче-

ского подхода к исследованию уровня и структуры денежных доходов семьи в зависимости от периода ее жизни.

Настоящая работа состоит из двух тесно взаимосвязанных частей. Первая включает преимущественно статический аспект и базируется на данных подпроекта «Уровень жизни» проекта «Таганрог-2». Во второй учитывается возраст семьи и его влияние на материальное благополучие семьи. Информационной базой послужили данные подпроекта «Семья» того же проекта.

I

При разработке материалов подпроектов «Уровень жизни» и «Семья» применялась демографическая типология семей, основанная на характере родства членов семьи. Учитывалось наличие в семье супружеской пары или вдового, разведенного супруга, их детей, родителей, других членов семьи, связанных родством по боковой линии или свойством. Это позволило выделить три группы семей, отличающихся присутствием в них полного или неполного «семейного ядра», наличием детей. В каждой из групп выделялись простые и сложные семьи, с родством по прямой и боковой линиям. Предложенная типология включает 15 типов семей и допускает сопоставление с демографическими типологиями, применявшимися при разработке материалов Всесоюзных переписей населения 1970, 1979 и 1989 гг. Ее критический анализ, как и других представленных в советской литературе типологий, содержится в монографии А. Г. Волкова⁵. Номера демографических типов семьи расшифрованы в примечании к табл. 1.

По величине суммарного денежного дохода (СДД) семьи

Таблица 1. Распределение семей по группам суммарного денежного дохода «Таганрог-2», подпроект «Уровень жизни»

Демографический тип семьи*	Доля (%) семей в группе СДД (руб.)				Доля (%) семей данного типа в выборке**
	менее 180	180—399	400—549	550 и более	
08 и 09	—	18,3	21,7	60,0	—
03	—	18,1	30,7	51,2	2,6
07	—	20,7	30,9	48,4	9,6
06	1,7	35,6	34,2	28,5	44,6
02	29,8	40,7	19,9	9,6	17,2
10	29,9	54,4	9,1	6,6	6,7
11	11,7	54,4	29,5	4,4	2,3
Одинокие	67,6	31,2	1,2	—	11,0

* 08 и 09 — супружеские пары с детьми, родителями и прочими родственниками; 03 — супружеская пара без детей с родителями; 07 — супружеская пара с детьми и родителями; 06 — супружеская пара с детьми; 02 — супружеская пара без детей; 10 — мать (отец) с детьми; 11 — мать (отец) с детьми и родителями.

Типы семьи расположены в порядке убывания доли семей в четвертой группе по совокупному доходу.

** Таблица включает 96 % семей, опрошенных по подпроекту «Уровень жизни».

объединены в четыре группы: первая — СДД не превышает 180 р.; вторая — 180—399 р.; третья — 400—549 р., и в четвертую группу вошли наиболее обеспеченные семьи, суммарный денежный доход которых — 550 р. и более. Границы интервалов группировки выбраны таким образом, чтобы они были кратными средней заработной плате в народном хозяйстве в конце 70-х—начале 80-х годов, когда было проведено обследование. В подпроекте «Семья» вторая и третья группы были разделены на три: 180—299 р., 300—449 р. и 450—549 р.

В табл. 1 демографические типы семьи упорядочены по доле семей данного типа в четвертой группе СДД. К числу самых обеспеченных относятся наиболее сложные по демографическому составу семьи, включающие «прочих» родственников.

Семьи наиболее распространенного типа — супружеские пары с детьми (06) — занимают среднее в исследуемой совокупности положение: 70 % их принадлежат ко второму и третьему уровням обеспеченности. В семьях с наиболее низким суммарным денежным доходом работает, очевидно, только муж. Меньшей суммой денежных доходов располагают полные семьи без детей (тип 02) и неполные семьи (тип 10), состоящие из матери (отца) с детьми: почти 30 % их имеет самый низкий уровень обеспеченности, хотя социально-экономические причины этого явления у них различны. Последнее место в этой иерархии семей занимают одинокие. Их суммарный доход складывается из заработной платы и (или) пенсии, стипендии, поэтому для большинства он не превышает средней заработной платы. Отметим монотонность убывания доли семей в четвертой группе благосостояния при одновременном увеличении доли семей во второй (по мере перехода от сложных к простым семьям).

Понять причины этой объективно сложившейся дифференциации демографических типов семей по уровню суммарного денежного дохода поможет анализ структуры занятости и уровня оплаты труда членов этих семей.

Данные, представленные в табл. 2 и 3, показывают, что в семьях с полной супружеской парой (как простых, так и сложных) и в неполных семьях, состоящих из одного родителя с детьми, нет сколько-нибудь заметных различий в доле работающих среди всех членов семьи. Несколько ниже доля работающих в неполных сложных семьях типа 11 (мать или отец с детьми и родителями), в своем большинстве состоящих из женщин, а также среди одиноких женщин, что связано с их возрастной структурой. Нет заметных различий и в уровне оплаты труда мужчин и женщин в зависимости от демографического типа семьи, в которую они входят, однако отчетливо видно, что первым работником является мужчина. Отметим относительно более высокий уровень оплаты труда одиноких (вдовых, разведенных) женщин с детьми, что обусловлено, по-видимому, их усилиями нивелировать отсутствие первого работника в семье.

Основные различия между демографическими типами семей

Таблица 2. Структура занятости членов семей «Таганрог-2», подпроект «Уровень жизни»

Демографический тип семьи *	На 100 членов семьи приходится		
	Работающих **	Пенсионеров	Иждивенцев
07	52	15	33
06	58	2	40
02	59	31	10
10	58	14	28
11	44	21	35
Одинокие			
мужчины	76	22	2
женщины	47	51	2

* Здесь рассмотрены наиболее представительные типы семей.

** В число «работающих» включены работающие пенсионеры.

Таблица 3. Уровень оплаты труда работающих членов семьи «Таганрог-2», подпроект «Уровень жизни»

Демографический тип семьи	Доля (%) работающих с заработной платой ниже 180 р.		
	мужчины	женщины	оба пола
07	32	87	60
06	30	82	54
02	37	83	58
10	53	75	61
11	—	77	75
Одинокие	22	59	—

кроются в структуре иждивенцев семьи — представителей как младшего, так и старшего поколений, т. е. детей и родителей супругов. Именно они и составляют, очевидно, основной источник дифференциации в уровне благосостояния семей. Экономические условия хозяйствования, сложившиеся в 60—80-е годы, ограниченные возможности для семьи иметь дополнительный заработок и активно формировать суммарный денежный доход семьи — основу ее материального благополучия — стали, по всей вероятности, одним из важнейших объективных факторов, повлекших за собой снижение рождаемости, нуклеаризацию семей. Только в условиях экономической самостоятельности, когда семья будет иметь реальную возможность регулировать трудовую нагрузку членов семьи в зависимости от своих потребностей и от периода развития семьи, могут измениться и демографические приоритеты семьи. Для углубленного исследования процессов формирования и демографической структуры, суммарных денежных доходов семьи и перспектив их изменения в процессе жизнедеятельности семьи более конструктивен поколенный подход. Он предполагает анализ числа поколений, представленных в семье, характера их занятости и распределения по источникам средств существования (табл. 4).

Таблица 4. Соотношение численностей поколений детей, родителей, прародителей среди членов основных демографических типов семей «Таганрог-2», подпроект «Уровень жизни»

Демографический тип семьи	На 100 членов семьи приходится представителей поколений			На 100 родителей приходится		
	Детей	Родителей	Прародителей	Детей	Прародителей	Суммарная нагрузка
02	—	100	—	—	—	—
06	42	58	—	72	—	72
07	31	42	27	74	64	138
10	45	46	9*	98	20	118
11	35	29	36	121	124	245

* Среди семей типа 10 (мать или отец с детьми) семьи, состоящие из вдового, разведенного мужчины (женщины), живущего со своими престарелыми родителями, относящимися к поколению прародителей, составляют менее 10 %.

Среди членов семей типа «супружеская пара с детьми» 58 % составляют родители, и только 42 % — их дети. Даже с учетом процесса выделения взрослых детей из семьи родителей эти данные указывают на то, что при современном уровне воспроизводства в городском населении не происходит полного замещения поколения родителей поколением детей⁶.

На первый взгляд лучше соотношение между младшим и средним поколениями в неполных семьях, но это происходит вследствие того, что здесь присутствует только один из супругов — в 90 % семей вдовья, разведенная мать.

В трехпоколенных семьях (типы 07 и 11) 27—36 % членов семьи относятся к старшему поколению прародителей.

Оценивая соотношение поколений формально, можно сказать, что оно наиболее неблагоприятно в сложных семьях, особенно в неполных: в них на 100 членов семьи, принадлежащих к среднему поколению, приходится более 100 представителей поколения детей и столько же — поколения прародителей. Однако, как следует из приведенных ранее данных, старшее поколение вносит ощутимое дополнение в бюджет семьи. Кроме того, присутствие в семье старших членов помогает организации жизнедеятельности семьи, хотя с возрастом они сами начинают нуждаться в уходе со стороны более молодых членов семьи. Семьи этих типов составляют, однако, менее одной пятой части всех семей.

Характер жизнедеятельности сложных семей весьма противоречив и недостаточно изучен. Данные Таганрогского обследования показывают, что и суммарный доход, и жилищные условия молодых семей, после вступления в брак проживающих вместе с родителями, лучше, чем в простых семьях, состоящих только из супружеской пары (с детьми или без детей). Однако нуклеаризация семейной структуры населения отчетливо прослеживается по итогам как выборочных обследований, так и переписей населения. Очевидно, что в основе этого явления лежат не только

экономические факторы. Кроме того, характер взаимодействия родительской и «дочерней» семьи претерпевает эволюцию в течение их жизни. «В первые пенсионные годы, — пишет Н. М. Павлова, — происходит процесс формирования вторичных молодых семей, которым на первых порах нужна помощь родителей в воспитании внуков, а если родители-пенсионеры продолжают еще и работать, то и их материальная поддержка». И далее: «Наиболее высокий процент лиц, желающих жить со своими детьми, характерен для сравнительно „молодых“ пенсионеров, тех, кто вышел на пенсию до 55 лет. . . или находится в возрасте 55—59 лет»⁷. С этой позицией согласуется и точка зрения специалистов, исследующих социальные проблемы жилища: «. . . разделение сложных семей запаздывает, оттягивается до достижения младшим ребенком в трехпоколенном домохозяйстве 3-, 4- и 6-летнего возраста. Задержка чаще всего связана не с невозможностью разделить квартиру ранее, а с естественным „вызреванием“, с экономической и психологической автономизацией молодой семьи в недрах родительской»⁸.

Среди одиночек почти 30 % относится к поколению «детей», т. е. это лица, не состоящие в браке и отделившиеся от семьи в результате отъезда на работу, обучение или ставшие одиночками после смерти родителей, родственников. 70 % одиноких — это лица, имевшие ранее семью, в своем большинстве вдовья и разведенные женщины, от которых отделились взрослые дети.

Среднее поколение — «родители» — преобладает почти во всех семьях. Сопоставление возраста супругов позволяет выявить отчетливую возрастную «иерархию» супружеских пар в семьях типов 02, 06, 07: наиболее молоды супруги, живущие со своими родителями; несколько старше супруги в простых полных семьях. Среди семей типа 02 выделяются молодые, еще не имеющие детей, находящиеся на первой стадии развития семьи, и старые, от которых отделились их взрослые дети, т. е. семьи, достигшие последнего периода развития, периода «затухания» семьи.

Супруги с детьми в семьях типов 07 и 06 находятся в трудоспособном возрасте. В семьях типа 02 доля лиц пенсионного возраста увеличивается до 40 % среди мужчин и до 32 % — среди женщин, что соответствует естественной эволюции семей.

Возраст вдовья и разведенных женщин в неполных семьях указывает на то, что это два существенно разных контингента: вдовья женщины значительно старше разведенных. Отчетливо прослеживается и «возрастная иерархия» неполных семей, имеющая аналогию с отмеченной выше иерархией полных семей: наиболее молоды одинокие матери, живущие с родителями⁹.

Возраст детей в среднем соответствует возрасту родителей: в семьях типов 06 и 07 примерно четвертая часть детей достигла трудоспособного возраста, в неполных семьях в трудоспособном возрасте уже половина детей. Это проявляется и в структуре занятости детей, часть которых — вторые (а по уровню заработной платы — иногда и первые) работники в семье.

Таблица 5. Занятость супругов в зависимости от демографического типа семьи и длительности брака
«Таганрог-2», подпроект «Уровень жизни»

Демографический тип семьи	Число работающих * на 100 мужей (жен) в семьях данного типа и возраста при длительности брака					
	0—4 года	5—9 лет	10—14 лет	15—19 лет	20—24 года	25 лет и более
	Мужчины					
02	92	59	65	65	81	34
06	97	99	98	98	96	66
07	100	100	100	96	95	94
	Женщины					
02	69	53	75	57	76	31
06	76	92	94	91	78	61
07	83	97	97	87	90	86

* Без работающих пенсионеров.

Структура занятости членов семьи коррелирует с их возрастным составом, однако на нее оказывает влияние и демографический состав, и возраст семьи, измеряемый длительностью брака, а для неполных супружеских пар — интервалом между вступлением в брак и моментом обследования (см. табл. 5).

При длительности брака, не превышающей 25 лет, работают практически все мужья. Доля женщин с детьми, занятых в общественном производстве, при всех значениях длительности брака в простых семьях несколько ниже, чем в сложных. Доля занятых в общественном производстве супругов, не имеющих (на момент опроса) детей, ниже, чем в семьях с детьми.

На данном этапе исследования трудно выявить все факторы, обуславливающие более высокую занятость в общественном производстве супругов в сложных семьях типа 07. В определенной мере она может быть вызвана необходимостью компенсировать более высокую экономическую нагрузку в этих семьях по сравнению с простыми — в них на 100 работающих членов семьи приходится 93 иждивенца семьи или государства по сравнению с 72 — в семьях типа 06 и с 69 — в семьях типа 02. С другой стороны, более высокий уровень занятости в общественном производстве женщин, проживающих в трехпоколенной семье, может объясняться присутствием в семье старшего члена семьи, обеспечивающего уход и присмотр за детьми, а также выполняющего часть общесемейной повседневной работы. Очевидно, здесь проявляется перераспределение совокупного труда внутри семьи, одна часть которого направлена на обеспечение быта и досуга ее членов, создание нормальных условий для их физического и духовного воспроизводства, а другая — на формирование уровня благосостояния семьи, ее денежных доходов. (Отметим, что 31 % бабушек, проживающих в семьях типа 07, работают; 56 % — «чистые» пенсионеры и 13 % находятся на иждивении семьи.)

Занятость вдовых и разведенных женщин с детьми, как и супружеских пар, формируется под влиянием демографического состава их семьи. В неполных сложных семьях, где на 100 работающих приходится 127 иждивенцев семьи и государства, доля работающих матерей достигает 100 % и остается на этом уровне при всех значениях возраста семьи.

Что же касается детей, то в полных семьях среди них работает лишь 7—11 %. В неполных же семьях доля младшего поколения, занятого в общественном производстве, достигает уже 40 %. Очевидно, это связано не только с возрастом детей, но и с большей необходимостью материального обеспечения неполной семьи.

Говоря о занятости населения в общественном производстве и исследуя его с позиции формирования денежных доходов семьи, необходимо затронуть вопрос и о затратах труда в домашнем хозяйстве.

Проблема измерения времени, необходимого для организации ее жизнедеятельности, вопрос о внутрисемейном распределении и перераспределении обязанностей актуален не только для сложных семей. Исследование бюджета времени показывает, что женщины на ведение домашнего хозяйства тратят в среднем в рабочий день — 3 часа 13 мин, в выходной — 6 часов 18 мин. Для сравнения укажем, что у мужчин соответствующие затраты времени составляют 58 мин и 2 часа 44 мин.¹⁰ Адекватная оценка общественно необходимых затрат труда на ведение домашнего хозяйства актуальна и для определения научно обоснованного уровня занятости населения, прежде всего женщин-матерей, в общественном производстве, для совершенствования распределительных отношений, в том числе для более аргументированного соотношения между фондом оплаты труда и общественными фондами потребления, для наиболее эффективного развития системы услуг населению.

II

Ранее уже упоминалось, что при исследовании факторов формирования суммарного денежного дохода семьи особое внимание будет уделено «динамическому аспекту», т. е. изучению дифференциации благосостояния семьи в зависимости от периода ее развития, возраста семьи. Этот вопрос уже был затронут при анализе занятости супругов в общественном производстве. Рассмотрим его более подробно.

Несмотря на то что на необходимость исследования процессов формирования и структуры семьи в зависимости от периода ее развития или возраста указывалось еще в 20-е годы, общепринятого определения *возраста семьи* в советской демографической литературе не существует. Будем придерживаться следующего определения. Для полных семей возраст определяется *длительностью брака* единственной (или младшей в семье) супружеской пары. Для неполных семей он может быть измерен *интер-*

валом времени между моментом вступления в брак вдового, разведенного супруга, образующего «ядро» семьи, и моментом исследования.

Необходимость учитывать возраст семьи при анализе социально-демографических процессов определяется тем, что от него в значительной мере зависит наступление событий, изменяющих как демографический состав, так и социально-экономический статус семьи. От возраста семьи зависит и вероятность того, что она принадлежит к тому или иному демографическому типу семьи. По расчетам А. Г. Волкова, проведенным для гипотетического поколения, при исходной численности браков, равной 100 тыс., к началу десятого года брака сохраняется 80 тыс., к началу 20-го года — 68,2 тыс. и к началу 30-го года — лишь 57,4 тыс. супружеских пар¹¹.

Исследования, проведенные по материалам проекта «Таганрог-2», позволили выявить существенные особенности в возрастнополовом составе семей разного демографического типа и возраста, в структуре занятости, уровне образования, величине заработной платы членов этих семей.

Среди семей с длительностью брака, не превышающей десять лет, более 70 % имеет двух и более работающих членов семьи, однако контингент этих «молодых» семей очень разнороден. В него входят и студенческие семьи, и супружеские пары, вступившие в повторный брак в пожилом возрасте; к ним же относятся и супружеские пары с маленькими детьми, в которых работает только муж; и молодые семьи, еще не имеющие детей, с двумя работающими членами семьи (а если они проживают вместе со своими родителями, то и с тремя-четырьмя работниками в семье). Эти различия предопределяют и дифференциацию молодых семей по источникам средств существования и по уровню суммарного денежного дохода: наряду с тем, что более половины их относится к двум высшим группам по уровню обеспеченности, каждая шестая семья не имеет суммарного денежного дохода, превышающего среднюю заработную плату (см. табл. 6).

Значительно более однородна совокупность семей с длительностью брака 10—19 лет: среди них преобладают полные семьи с детьми, хотя около 20 % составляют неполные семьи. Большинство семей этого возраста сосредоточены во второй и третьей

Таблица 6. Распределение семей по величине суммарного денежного дохода в зависимости от возраста семьи «Таганрог-2», подпроект «Уровень жизни»

Возраст семьи, лет	Доля (%) семей данного возраста с суммарным денежным доходом			
	менее 180 р.	180—399 р.	400—549 р.	550 р. и более
0—9	16,2	28,4	32,6	22,8
10—19	12,6	34,7	41,8	10,9
20—29	11,6	31,7	42,0	14,7
30 лет и старше	61,4	20,7	13,4	4,5

группах по уровню благосостояния; среди них ниже доли как высоко-, так и малообеспеченных по сравнению с молодыми семьями.

С переходом семьи в возрастную группу 20—29 лет несколько увеличивается дифференциация семей по числу работающих членов¹². Это связано с двумя разными по своей природе процессами: с одной стороны, вступлением детей в трудоспособный возраст и началом их трудовой деятельности, с другой — с естественным уменьшением доли работающих в поколении родителей.

Выход семьи за пределы тридцатилетнего возраста предопределяет уже качественное изменение структуры занятости ее членов: свыше 50 % семей не имеет в это время в своем составе работающих в общественном производстве. Это связано и с распадом семей, и с отделением взрослых детей от семьи родителей, и с переходом родителей в старшие пенсионные возрасты. Среди старых семей более 80 % входят в две низшие группы по уровню обеспеченности.

Детально динамика благосостояния семей была изучена по материалам подпроекта «Структура и развитие семьи» проекта «Таганрог-2». Распределение семей по величине суммарного денежного дохода исследовалось во взаимосвязи с возрастом семьи, ее демографическим типом, социальным статусом, числом членов семьи, числом детей (рожденных и проживающих в семье на момент опроса). Рассматривалась и структура суммарных денежных доходов семьи: распределение семей по совокупной заработной плате всех работающих членов семьи, по сумме получаемых в семье пенсий, стипендий, алиментов, прочих доходов. Наряду с этим изучалось распределение членов семьи по источникам средств существования, по величине заработной платы, пенсии, стипендии. Этот анализ проводился в разрезе поколений, т. е. с учетом не только пола и возраста члена семьи, но и его семейного состояния — принадлежности к поколению детей, родителей, прадедушек.

Рассмотрим здесь два аспекта изменения благосостояния по мере увеличения возраста семьи — распределение семей по суммарному денежному доходу и структуру занятости членов семьи (табл. 7).

Совокупные доходы простых семей ниже, чем сложных, при всех значениях длительности брака. Различия наиболее контрастны у молодых семей и несколько смягчаются при переходе к более старым семьям. Для простых семей взаимосвязь возраста и уровня благосостояния — «прямая»; чем старше семья, тем, как правило, большая их доля приходится на группы с высоким уровнем благосостояния. В сложных же семьях она имеет не столь однозначный характер.

Анализ занятости показывает, что в наиболее молодых семьях работают 93 % мужей и 60 % жен. Среди матерей, не занятых в общественном производстве, более половины находятся в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком, остальные

Таблица 7. Распределение семей по группам суммарного денежного дохода в зависимости от демографического типа и возраста семьи «Таганрог-2», подпроект «Семья»

Год вступления в брак	Демографический тип семьи *	Доля (%) семей данного возраста и типа с суммарным денежным доходом, руб.				
		менее 180	180—299	300—449	450—549	550 и более
1960 и ранее	06	1,5	20,0	53,9	20,0	4,6
	07, 08, 09	—	5,6	44,5	38,9	11,0
1961—1965	06	1,1	23,9	62,5	12,5	—
	07, 08, 09	—	12,5	43,8	37,4	6,3
1966—1970	06	3,6	29,5	59,1	7,8	—
	07, 08, 09	—	2,7	51,3	35,2	10,8
1971—1975	06	6,2	42,0	48,5	3,3	—
	07, 08, 09	—	11,3	32,2	35,5	21,0
1976—1980	06	20,0	42,0	32,0	6,0	—
	07, 08, 09	—	10,5	31,5	36,9	21,1
Все семьи	06	5,0	32,7	53,1	8,7	0,5
	07, 08, 09	—	8,9	39,9	36,3	14,9

* 06 — супружеские пары с детьми; 07 — супружеские пары с детьми и родителями; 08, 09 — супружеские пары с детьми, родителями и(или) прочими родственниками.

временно не работают. Лишь 3 % мужей и жен — учащиеся вузов, техникумов. Относительно низкая занятость женщин в общественном производстве определяется тем, что 85 % детей в молодых семьях — дошкольники. Если же говорить о поколении бабушек и дедушек, то 57 % среди них работают, 17 % — работающие пенсионеры и лишь 26 % находится на пенсии. Отметим, что это — наиболее молодой контингент прародителей, и они лишь в малой степени могут выполнять традиционные обязанности бабушек и дедушек, поскольку в своем большинстве заняты в общественном производстве.

Структура занятости среднего и старшего поколения в молодых семьях объясняет и дифференциацию в уровне их суммарного дохода. Если молодые супруги живут отдельно, то 40 % этих семей имеют только одного работающего члена семьи. Именно они относятся, очевидно, к числу наименее обеспеченных. Если же молодые супруги живут со своими родителями, то число работающих членов семьи может возрасти до трех и даже четырех, что и предопределяет относительно высокий суммарный денежный доход этих семей.

С увеличением возраста семьи до 15—19 лет занятость мужей в общественном производстве достигает практически 100 %; до 93 % увеличивается и доля работающих матерей. Среди детей преобладают школьники и дошкольники, лишь 10 % детей учатся в вузе, техникуме. Одновременно в старшем поколении быстро уменьшается доля занятых в общественном производстве и до 70 % увеличивается доля «чистых» пенсионеров. Эти два фактора определяют как рост совокупных доходов семей, так

и определенное сглаживание различий между простыми и сложными семьями.

Переломным моментом в жизни семьи является достижение возраста 20 лет. Здесь уже отчетливо начинают проявляться два взаимосвязанных процесса — начало выхода родителей на пенсию и вступление детей в трудовую жизнь. В семьях с длительностью брака 20 лет и более пенсионерами являются 15 % жен и 6 % мужей, причем все мужья продолжают работать, имея два источника денежных доходов. Что же касается детей, то среди них уже 24 % заняты в общественном производстве. В то же время все старшее поколение (прародители) уже вышло на пенсию, причем 25 % продолжает работать. Совместное влияние этих факторов обусловило рост суммарного дохода как простых, так и сложных семей, причем среди простых появились высокодоходные семьи.

С увеличением возраста семьи будет происходить как замещение поколения работающих родителей поколением их детей, так и выделение взрослых детей из родительской семьи, одновременно — естественная убыль старшего поколения. Это приведет к изменению источников средств существования пожилых супружеских пар и сокращению их совокупных денежных доходов.

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 611.

² Народное благосостояние: Методология и методика исследования. М., 1988. С. 4—5.

³ Как показывает специальное исследование этого вопроса, «основным фактором, формирующим доходы семей, является по-прежнему состав работников и их заработная плата. Дифференциация доходов складывается в первую очередь под влиянием различия в оплате труда» (Там же. С. 28).

⁴ Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе. М., 1985. С. 49—64.

⁵ Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 35—46.

⁶ При условии, что данное соотношение сохраняется в каждом поколении, а данные по Таганрогу представительны для городского населения. — Примеч. ред.

⁷ Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе. М., 1986. С. 144, 152.

⁸ Социологические исследования проблем города и жилища. Новосибирск, 1986. С. 111.

⁹ Дестабилизация семьи родителей, в результате чего образуются неполные семьи, своим более отдаленным следствием имеет увеличение в населении числа одиноких как младшего, так и старшего возраста. Оба эти явления имеют негативные социальные последствия, создавая проблемы попечения одиноких лиц преклонного возраста, асоциального поведения молодежи, лишенной социального контроля со стороны родителей, родственников и ближайшего соседского окружения.

¹⁰ См.: Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников // Вестн. статистики. 1986. № 1. С. 67—69.

¹¹ Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 193.

¹² Говоря о «переходе» семьи в старшую возрастную группу и используя терминологию *реального поколения*, автор понимает условность интерпретации данных, полученных методом *гипотетического поколения*, для описания реального поколения. Очевидно, что исследуемые семьи разного возраста сформировались и прошли одинаковые этапы своего жизненного цикла в разных социально-экономических условиях. Однако относительная краткость рассматриваемого исторического периода и отсутствие переломных моментов позволяют предположить, что основные структурные соотношения между семьями разного возраста правильно отражают процесс их развития.

СМЕРТНОСТЬ

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ
И ПРИЧИНЫ СМЕРТИ В СССР

Е. М. Андреев

1. Демографический переход в области смертности

Снижение смертности в нашей стране началось примерно на столетие позже, чем в передовых капиталистических странах: изменения уровня смертности стали заметны лишь к концу XIX в. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Европейской России в конце XIX в. составляла у мужчин — 31, а у женщин — 33 года, тогда как в Англии и Уэльсе соответственно 44 и 48 лет, в США — 48 и 51 год, в Германии — 41 и 44 года, во Франции — 45 и 49 лет, в Японии — 44 и 45 лет.

В середине 20-х годов мероприятия, направленные на ликвидацию голода, нищеты, борьбу с эпидемическими заболеваниями, охрану материнства и детства, вызвали существенное увеличение ожидаемой продолжительности жизни (см. табл. 1).

Наиболее высокими темпы ее роста были в конце 40-х и первой половине 50-х годов. Специалисты связывают это уникальное явление (ежегодное повышение ожидаемой продолжительности жизни в среднем на 2 года) с внедрением в практику здравоохранения сульфамидных препаратов и антибиотиков. Большое значение имели также социальные условия использования этих достижений медицины, их доступность в стране самым широким слоям населения.

В середине 60-х годов рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении прекратился и началось достаточно быстрое ее снижение; процесс продолжался до начала 80-х годов, когда наступил период относительной стабильности показателей смертности. Перелом тенденции произошел лишь в 1985—1986 гг. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин выросла в 1986 г. по сравнению с 1984 г. на 2,6, женщин — на 1,1 года.

Современный этап исторической эволюции смертности в наибольшей общности описывается теорией демографического перехода, в соответствии с которой основой снижения уровня смертности в современном мире служит усиление социального контроля

© Е. М. Андреев

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России и СССР, лет

Календарный период	Мужчины			Женщины		
	Все население	Городское	Сельское	Все население	Городское	Сельское
1896—1897 *	31,32	—	—	33,41	—	—
1926—1927 **	41,93	42,74	41,91	46,79	49,42	46,33
1938—1939 ***	43,99	41,24	45,36	46,69	48,21	50,37
1954—1955	63	—	—	69	—	—
1958—1959	64,42	63,69	64,90	71,68	71,42	71,76
1964—1965	66,10	65,51	66,32	73,76	73,28	74,09
1969—1970	64,38	64,38	64,10	73,35	73,37	73,18
1979—1980	62,64	63,04	60,81	72,48	73,01	71,48
1984—1985	62,87	63,78	61,04	72,73	73,33	71,55
1985—1986	64,15	64,97	62,50	73,27	73,84	72,17
1986—1987	65,04	65,78	63,53	73,78	74,26	72,83

* 50 губерний Европейской России.

** Европейская часть СССР.

*** СССР в границах до 17 сентября 1939 г.

Источник: Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. О средней продолжительности жизни населения СССР // Вестн. статистики. 1987. № 12. С. 33; Население СССР, 1987 // Стат. сб. М., 1988. С. 351.

над внешними (экзогенными) факторами смертности. Вследствие этого уровень смертности все в большей степени детерминирован внутренними (эндогенными), онтобиологическими факторами развития и старения человеческого организма¹. Одновременно изменяется и структура экзогенных факторов смертности: на смену факторам непосредственного действия (голод, стихийные бедствия, эпидемии острых инфекционных болезней и т. д.) все в большей мере приходят экзогенные кумулирующиеся воздействия. Соответствующий компонент (экзогенной) смертности получил название *квазиэндогенной смертности*.

Изменение соотношения факторов смертности выражается в структуре смертности по причинам смерти. В современных условиях наиболее оправдано выделение трех групп причин смерти: главным образом экзогенные заболевания (инфекционные и паразитарные болезни, болезни органов дыхания и пищеварения);

несчастные случаи, отравления и травмы;

главным образом эндогенные и квазиэндогенные заболевания (болезни системы кровообращения, новообразования и другие причины).

Первые две группы характеризуют в основном уровень экзогенных факторов непосредственного действия, третья — эндогенных и квазиэндогенных факторов². Процесс демографического перехода в области смертности выражается в снижении смертности от главным образом экзогенных заболеваний, сокращении доли умерших от несчастных случаев, квазиэндогенного компонен-

та смертности, в результате чего смертность от третьей группы причин все в большей степени перераспределяется к старческим возрастам.

В то же время реальные процессы в отдельных странах и регионах существенно отклоняются от этой упрощенной схемы в силу конкретных условий их демографического развития. В частности, научно-технический прогресс, определяющий рост ожидаемой продолжительности жизни, сопряжен и с возникновением новых антропогенных факторов смертности³.

2. Источники статистических данных о смертности

Истории снижения смертности в СССР посвящен целый ряд работ⁴, однако разные этапы освещены с разной степенью подробности в силу отсутствия статистических данных.

Наиболее достоверные данные о динамике смертности могут быть получены на основе анализа *таблиц смертности*. Первые методически сопоставимые с современными таблицы смертности для европейской части страны были рассчитаны С. А. Новосельским на основе материалов первой всеобщей переписи населения 1897 г. и данных о распределении умерших по возрасту за примыкающие к переписи населения годы⁵. В период до 1896 г. был рассчитан ряд таблиц смертности с использованием только сведений о числах умерших и родившихся. Имеющиеся статистические данные дают возможность косвенно оценить уровень смертности начиная с 1861 или даже с 1830 г.⁶ Это в значительной степени относится и к периоду 1896—1926 гг. Отметим, в частности, рассчитанную С. А. Новосельским и В. В. Паевским таблицу смертности 1907—1910 гг.⁷ Ими же были рассчитаны таблицы с использованием результатов переписи населения 1926 г.⁸

Незадолго до войны в ЦСУ СССР были рассчитаны таблицы смертности населения СССР 1938—1939 гг. Они были впервые составлены для населения страны в целом. К сожалению, не был выполнен расчет таблиц смертности по отдельным регионам страны, в частности по той же территории, для которой были рассчитаны таблицы 1926—1927 гг. Динамика смертности за период с 1926 по 1938 г. практически не изучена. Более того, качество статистических данных делает проблематичным и применение косвенных методов. В отличие от XIX в., в этот период наблюдались значительные колебания уровня смертности и полноты учета умерших. В силу этого, кроме математической обработки данных, необходим тщательный анализ архивных материалов.

После войны предпринимались попытки построения кратких таблиц смертности на основе расчетных данных о возрастных численностях населения только по стране в целом (за 1954—1955, 1955—1956, 1957—1958 гг.).

Первые за послевоенный период таблицы смертности по СССР

и союзным республикам были рассчитаны по данным переписи населения 1959 г. в Отделе статистики населения и здравоохранения ЦСУ СССР под руководством Е. В. Родиной⁹. Это были полные таблицы смертности за двухгодичный период, примыкающий к переписи населения. Затем расчет таблиц смертности проводился ежегодно, но из-за трудоемкости ручного счета это было по преимуществу краткие таблицы. В 1971 г. в НИИ ЦСУ СССР был разработан алгоритм и математическое обеспечение для расчета на ЭВМ полных таблиц смертности и построены таблицы для 1969—1970 и 1968—1971 гг. По этому алгоритму начиная с 1972 г. — первоначально на базе РВЦ ЦСУ Латвийской ССР, а с 1983 г. — ГВЦ ЦСУ СССР — проводился ежегодный расчет полных двухгодичных таблиц смертности по СССР, союзным республикам, а в отдельные годы — по АССР, краям и областям¹⁰.

В середине 70-х годов в НИИ ЦСУ СССР была разработана методика и программное обеспечение для расчета таблиц по причинам смерти (работа выполнена Е. М. Андреевым, А. Ю. Кардаш и К. Ю. Шабуровым), что позволило составить таблицы смертности по причинам смерти населения СССР и союзных республик за ряд лет после 1966 г. Следуя мировой традиции, мы рассчитывали показатели таблиц за один календарный год, что несколько осложнило совместный анализ полных двухгодичных и одногодичных таблиц смертности по причинам смерти.

Анализ долговременных тенденций смертности всегда осложнен проблемой методической сопоставимости используемых данных. Однако многочисленные расчеты показывают, что особенности методов расчета не могут исказить общие тенденции смертности.

Второй момент, на который необходимо обратить внимание, прежде чем приступить к анализу таблиц смертности, это — полнота и качество данных об умерших. Ни один из авторов таблиц смертности населения СССР не вносил в исходную информацию поправок на полноту данных об умерших. При составлении таблиц смертности 1896—1897 и 1926—1927 гг. были исключены территории с заведомо неполной регистрацией умерших; например, таблицы 1926—1927 гг. не только ограничены европейской частью страны, но и не охватывают автономные области Северо-Кавказского края и Дагестанскую АССР. Во всех других случаях, несмотря на определенные данные о неполноте регистрации, результаты первичной разработки были использованы без какой-либо корректировки. Не вносились поправки и при расчете таблиц смертности 1938—1939 гг., несмотря на то, что проверки органов государственной статистики в Киргизской и Туркменской ССР вскрыли недоучет умерших. Эта позиция вытекала из отсутствия конкретной информации об объеме недоучета по территориям. По нашим оценкам, столь же значительный недоучет случаев смерти наблюдался и в других республиках Средней Азии и Азербайджанской ССР.

При расчете таблиц 1958—1959 гг. была предпринята попытка уточнить данные об умерших в среднеазиатских республиках¹¹. Однако величина поправок была явно недостаточной, а в данные по стране в целом эти поправки внесены не были.

В послевоенный период надежность данных об умерших постоянно повышалась, особенно после переписи населения 1970 г. в результате совместной работы, проводимой ЦСУ СССР и Минздравом СССР¹².

До середины 60-х годов, пока в стране наблюдался устойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни, улучшение учета смертности лишь несколько замедляло рост показателей. Однако с изменением тенденций дальнейшее повышение полноты учета умерших усугубляло негативную динамику показателей смертности. Региональный анализ возрастных показателей смертности свидетельствует, что рост смертности взрослых лишь в малой степени может быть отнесен на счет улучшения учета. Вопрос о том, имело ли место в 1972—1976 гг. реальное повышение уровня младенческой смертности или же рост этого коэффициента целиком вызван улучшением учета умерших, по мнению многих специалистов, не может быть решен однозначно, хотя анализ региональной динамики свидетельствует в данном случае в пользу фактора учета.

Обращаясь к данным о причинах смерти, приходится учитывать не только полноту данных об умерших, но и качество диагностики причин смерти и в известной мере сопоставимость или несопоставимость классификаций болезней в разные периоды времени. Если вторую трудность удастся преодолеть в основном путем пересчетов, то поправки на качество диагностики вряд ли возможны.

Статистический учет причин смерти в отдельных городах был введен еще в конце XIX в., но лишь в 30-е годы им было охвачено все городское население. По нашему мнению, распределение умерших по причинам смерти за 1938—1939 гг. может быть использовано в аналитических целях. Статистику смертности по причинам в сельской местности можно признать относительно достоверной с середины 60-х годов. Повышение качества данных о причинах смерти проявилось прежде всего в последовательном сокращении доли умерших с неустановленной причиной или с диагнозом «старость без указания о психозе». Однако это не исключает опасности, что в ряде случаев причина смерти была установлена неверно, особенно в регионах, где доля умерших, прошедших патолого-анатомическое исследование, невелика. Это относится прежде всего к сельской местности среднеазиатских республик, Азербайджанской ССР, ряда областей Казахстана и некоторых автономий РСФСР. Здесь возможно завышение (гипердиагностика) числа умерших от наиболее распространенных причин смерти, таких, как болезни системы кровообращения в пожилых и старческих возрастах.

Данные о причинах смерти используются при оценке качества

работы учреждений здравоохранения, что делает одни диагнозы более, а другие — менее предпочтительными, особенно применительно к умершим на первых годах жизни. Это обстоятельство приводит, по нашим наблюдениям, к гипердиагностике острой пневмонии за счет инфекционных и паразитарных болезней. К сожалению, мы не располагаем данными для оценки масштаба искажений. Приведенные соображения следует учитывать, приступая к анализу данных о смертности по причинам смерти. Уменьшить искажения можно, рассматривая более агрегированные группы причин смерти.

При описании длительной динамики смертности особенно эффективны два ряда показателей по причинам смерти: *вероятность умереть от некоторой причины смерти* (или группы причин смерти) и *средний ожидаемый возраст смерти от данной причины*. Оба показателя представляют собой обобщающие кумулятивные характеристики смертности календарного периода, сходные по способу построения с показателем *ожидаемой продолжительности жизни*. Рассматривается условное поколение родившихся, для которого возрастные интенсивности смертности от данной и всех остальных причин смерти в каждом возрасте такие же, как в соответствующей возрастной группе в исследуемом населении. Вероятность умереть от некоторой причины смерти определяется как доля когда-либо умерших от данной причины в условном поколении. Средний ожидаемый возраст смерти от данной причины в этом случае равен среднему (арифметическому) возрасту умерших от данной причины в условном поколении. Средний возраст всех умерших равен ожидаемой продолжительности жизни при рождении, поэтому эта последняя есть средняя из ожидаемых возрастов смерти от отдельных причин, взвешенная по вероятностям смерти от этих причин.

3. Снижение смертности в СССР до 1966 г.

Анализ данных о возрастной смертности за период до 1938—1939 гг. и немногочисленные данные о причинах смерти свидетельствуют об общих закономерностях исторической эволюции смертности, сформулированных теорией демографического перехода, характерных и для динамики смертности в России и СССР. Наибольший выигрыш в ожидаемой продолжительности жизни при рождении в этот период приходился на те возрастные и иные группы, где смертность была наиболее высока. Так, по сравнению с концом XIX в. младенческая смертность в стране снизилась к 1938—1939 гг. в 1,7 раза, наблюдался преимущественный рост продолжительности жизни женщин, смертность жителей крупных городов снижалась быстрее, чем по стране в целом. Например, продолжительность жизни мужчин в Москве и Ленинграде выросла к 1926—1927 гг. соответственно до 46 и 43 лет против 23 и 25 лет в 1896—1897 гг. (ср. с данными табл. 1)¹³.

Нам удалось рассчитать таблицы смертности по причинам

Таблица 2. Основные показатели таблиц смертности по причинам смерти. Городское население СССР, 1938—1939 и 1966 гг.

Причина смерти	Вероятность умереть от данной причины смерти на 1000 новорожденных				Средний ожидаемый возраст смерти от данной причины			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	1938—1939 гг.	1966 г.	1938—1939 гг.	1966 г.	1938—1939 гг.	1966 г.	1938—1939 гг.	1966 г.
	1000	1000	1000	1000	41,2	65,4	48,2	73,5
Все причины	1000	1000	1000	1000	41,2	65,4	48,2	73,5
в том числе:								
болезни системы кровообращения	203	483	268	655	66,8	73,8	72,6	79,4
новообразования	80	208	95	167	65,2	66,1	68,7	67,6
несчастные случаи, отравления и травмы	62	104	24	36	42,1	44,5	46,3	54,0
болезни органов дыхания	155	82	140	59	31,4	61,0	35,9	64,3
инфекционные заболевания и болезни органов пищеварения	346	68	293	39	24,9	56,1	22,7	59,2
другие причины смерти	154	55	180	44	41,1	46,5	52,4	47,9

смерти городского населения СССР за 1938—1939 гг. и с их помощью оценить вклад отдельных причин смерти в рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении в СССР в послевоенный период (см. табл. 2).

Как видно из таблицы, вероятности умереть от трех классов болезней, отнесенных к группе, главным образом экзогенных: болезни органов дыхания и пищеварения и инфекционные заболевания, снизились с 1938—1939 гг. по 1966 г. у мужчин в 3,3, а у женщин — в 4,4 раза. Это обстоятельство, видимо, предопределило значительный рост вероятностей умереть от новообразований и болезней системы кровообращения. Существенное увеличение среднего ожидаемого возраста смерти от болезней системы кровообращения (на 7,0 и 6,8 года соответственно у мужчин и у женщин) было сопряжено с сокращением смертности от этого класса причин в молодых возрастах.

С 1938—1939 г. по 1966 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин в городских поселениях увеличилась на 24 года, женщин — на 25 лет, причем 86 % роста продолжительности жизни у мужчин и 85 % — у женщин объясняется снижением смертности от инфекционных болезней (более 39 % роста), болезней органов дыхания и пищеварения (см. табл. 3).

Таблица 3. Компоненты роста ожидаемой продолжительности жизни при рождении в городском населении СССР с 1938—1939 по 1966 г. (лет)*

Причины смерти	Мужчины	Женщины
Вследствие снижения смертности от всех причин смерти	24,2	25,2
в том числе от:		
инфекционных и паразитарных болезней	9,9	9,9
болезней органов пищеварения	5,6	5,9
болезней органов дыхания	5,3	5,5
других причин	3,4	3,9

* Метод расчета данных для табл. 3, 5 и 9 см.: Андреев Е. М. Метод компонент в анализе продолжительности жизни // Вестн. статистики. 1982. № 9. С. 42—48.

В табл. 4 представлены основные показатели таблиц смертности по причинам смерти населения СССР за 1966 г. Там же для сравнения приведены аналогичные показатели в среднем для пяти крупнейших капиталистических стран — Великобритания (Англия и Уэльс), США, ФРГ, Франция, Япония — в соответствии с таблицами смертности на середину 60-х годов¹⁴. Бросается в глаза несомненное сходство показателей по СССР и этим странам. Как известно, к середине 60-х годов было в основном ликвидировано отставание СССР от экономически развитых стран Запада по уровню ожидаемой продолжительности жизни: для женщин — почти полностью, для мужчин — в меньшей сте-

Таблица 4. Основные показатели таблиц смертности по причинам смерти для СССР и в среднем для пяти крупнейших капиталистических стран* (середина 60-х годов)

Причина смерти	Вероятность умереть от данной причины смерти на 1000 новорожденных			
	Мужчины		Женщины	
	СССР, 1966 г.	Пять стран	СССР, 1966 г.	Пять стран
Все причины	1000	1000	1000	1000
В том числе:				
болезни системы кровообращения	473	450	643	502
новообразования	173	192	133	170
несчастные случаи, отравления и травмы	107	73	33	46
болезни органов дыхания	105	76	84	60
инфекционные заболевания и болезни органов пищеварения	75	71	42	57
другие причины смерти	68	138	65	165

* Великобритания (Англия и Уэльс), США, ФРГ, Франция, Япония.

Таблица 4 (окончание)

Причина смерти	Средний ожидаемый возраст смерти от данной причины, лет			
	Мужчины		Женщины	
	СССР, 1966 г.	Пять стран	СССР, 1966 г.	Пять стран
Все причины	65,9	67,9	74,0	74,3
В том числе:				
болезни системы кровообращения	75,4	72,3	80,3	78,4
новообразования	65,3	68,5	66,4	70,1
несчастные случаи, отравления и травмы	43,1	48,8	49,8	63,4
болезни органов дыхания	62,1	71,1	66,6	75,7
инфекционные заболевания и болезни органов пищеварения	56,2	65,1	56,0	70,5
другие причины смерти	52,8	62,5	60,7	70,0

пени. Близки и другие показатели таблиц смертности по причинам, хотя в структуре смертности населения нашей страны можно отметить как позитивные, так и негативные особенности, которые практически компенсируют друг друга. К числу первых относится более высокая вероятность умереть от болезней системы кровообращения и более высокий средний ожидаемый возраст смерти от этого класса причин смерти. Мы оцениваем эту особенность как положительную в силу следующих соображений: ожидаемый возраст смерти от болезней системы кровообращения, как правило, выше, чем от других причин, тем самым ожидаемая продолжительность жизни тем выше, чем больше вероятность умереть от данного класса заболеваний.

К числу негативных особенностей структуры смертности по причинам в СССР в середине 60-х годов следует отнести большую вероятность умереть от несчастных случаев у мужчин, от заболеваний, отнесенных к группе экзогенных, как у мужчин так и у женщин, а также более низкий средний ожидаемый возраст смерти от этой группы причин.

Хотя уровень смертности от экзогенных заболеваний в стране оставался выше, чем в указанных пяти капиталистических странах, анализ данных по союзным республикам показывает, что эта группа заболеваний для большинства населения страны утратила роль существенного резерва роста ожидаемой продолжительности жизни.

4. Продолжительность жизни и причины смерти в СССР после 1966 г.

Как уже отмечалось, в середине 60-х годов в динамике смертности населения СССР возникли новые негативные тенденции, которые проявились прежде всего в росте смертности мужчин трудоспособных возрастов, а затем распространились на женщин и на более пожилые возраста¹⁵. Прделанный нами совместно с Р. М. Дмитриевой анализ показал, что повышение возрастных вероятностей смерти мужчин наблюдалось с возраста 20 лет, женщин — 37 лет (см. рис. 1 и 2)¹⁶.

Основное снижение ожидаемой продолжительности жизни как у мужчин, так и у женщин связано именно с ростом смертности в старших трудоспособных и пенсионных возрастах, а также, хотя и в меньшей степени, у мужчин в младших трудоспособных возрастах.

Несмотря на то что вклад смертности в возрастах до 15 лет в целом за период остался положительным, после 1964—1965 гг. он существенно уменьшился. Вследствие снижения смертности в возрастах до 15 лет продолжительность жизни мужчин с 1964—1965 г. по 1984—1985 г. увеличилась на 0,15 года, женщин — 0,25¹⁷.

Напомним, что в период с 1938—1939 г. по 1958—1959 г. в результате снижения смертности детей в возрасте до 15 лет ожидаемая продолжительность жизни мужчин увеличилась на 15,1, женщин — на 14,4 года, что составило соответственно 84 и 70 % роста ожидаемой продолжительности жизни¹⁸.

Негативные моменты в динамике смертности в большей степени характерны для сельского населения. Незначительное увеличение уровня смертности мужчин в возрастах 15—59 лет наблюдалось на селе и до 1965 г., однако в последующий период эта тенденция усили-

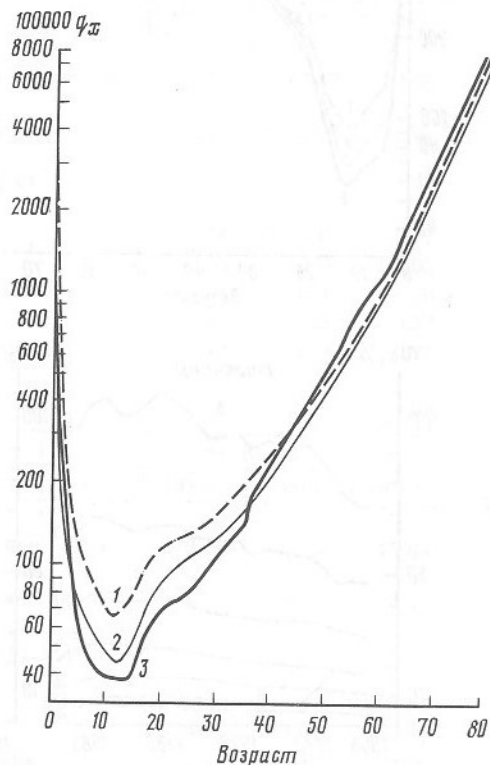

Рис. 1. Вероятности смерти мужчин. СССР (полулогарифмическая шкала)

1 — 1958—1959 гг.; 2 — 1964—1965 гг.; 3 — 1984—1985 гг.

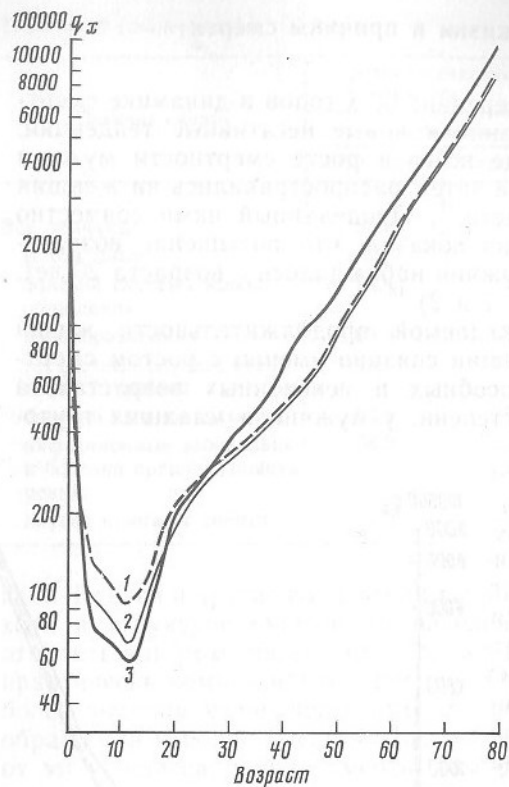

Рис. 2. Вероятности смерти женщин. СССР (полулогарифмическая шкала)
1 — 1958—1959;
2 — 1964—1965 гг.;
3 — 1984—1985 гг.

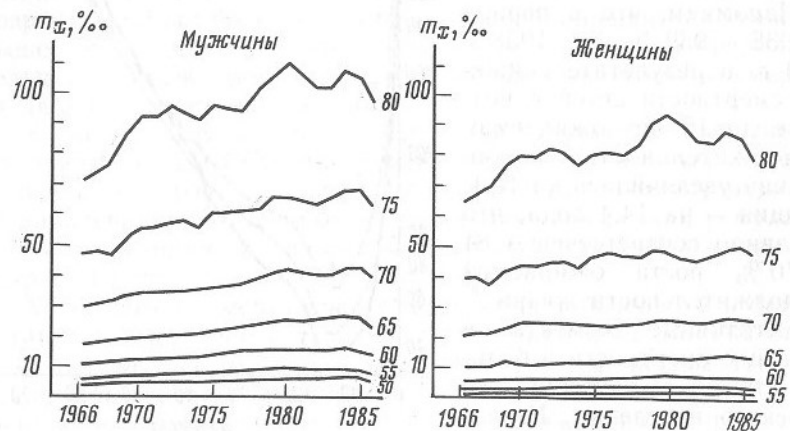

Рис. 3. Динамика смертности от болезней системы кровообращения по пятилетним возрастным группам. СССР. 1966—1986 гг. (Справа указано начало соответствующего пятилетнего возрастного интервала)

ласть. В целом за период с 1964—1965 г. по 1984—1985 г. ожидаемая продолжительность жизни сельских мужчин снизилась на 2,83 года, а жителей городов — на 1,56 года. Если в середине 60-х годов уровень смертности в возрастах 15—59 лет в городских поселениях и сельской местности мало различался как у мужчин, так и

у женщин, то в 1984—1985 гг. вероятность смерти в сельской местности была в возрастах от 20 до 30 лет в 1,8—2 раза выше, чем в городах, и превышение сохранялось до 55 лет.

Компонентный анализ данных о смертности по причинам смерти позволяет оценить вклад отдельных групп болезней в динамику ожидаемой продолжительности жизни в стране после 1966 г. (см. табл. 5). Как видно из таблицы, снижение ожидаемой продолжительности жизни по сравнению с 1966 г. связано прежде всего с ростом смертности от болезней системы кровообращения и несчастных случаев.

На рис. 3 представлена динамика возрастных коэффициентов смертности от болезней системы кровообращения в период с

Таблица 5. Компоненты изменения ожидаемой продолжительности жизни при рождении для населения СССР

Причина смерти	Мужчины			
	1966 г.	1980 г.	1984 г.	1986 г.
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	65,89	62,14	62,42	64,98
Изменение по сравнению с предыдущим периодом, всего		-3,75	0,28	2,56
В том числе вследствие изменения смертности от:				
болезней системы кровообращения		-2,14	-0,10	0,71
новообразований		-0,10	-0,08	-0,05
несчастных случаев, отравлений и травм		-1,24	0,21	1,30
болезней органов дыхания		-0,64	0,38	0,37
инфекционных и паразитарных болезней		0,19	0,03	0,21
и болезней органов пищеварения				
других и неустановленных причин		0,18	-0,16	0,02

Причина смерти	Женщины			
	1966 г.	1980 г.	1984 г.	1986 г.
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	73,98	72,24	72,57	73,64
Изменение по сравнению с предыдущим периодом, всего		-1,74	0,33	1,07
В том числе вследствие изменения смертности от:				
болезней системы кровообращения		-1,77	0,10	0,62
новообразований		0,16	0,01	-0,04
несчастных случаев, отравлений и травм		-0,32	0,05	0,26
болезней органов дыхания		-0,36	0,29	0,20
инфекционных и паразитарных болезней		0,15	-0,01	0,08
и болезней органов пищеварения				
других и неустановленных причин		0,40	-0,11	-0,05

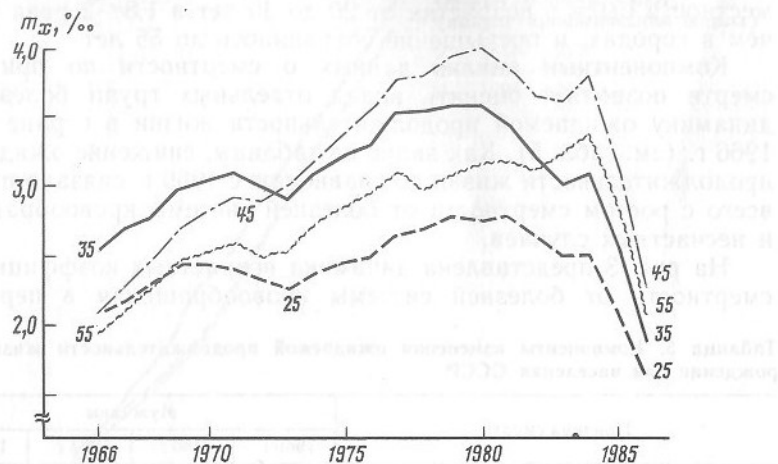

Рис. 4. Динамика смертности мужчин от несчастных случаев, отравлений и травм в различных возрастных группах. СССР. 1966—1986 г. (Справа указано начало соответствующего пятилетнего возрастного интервала)

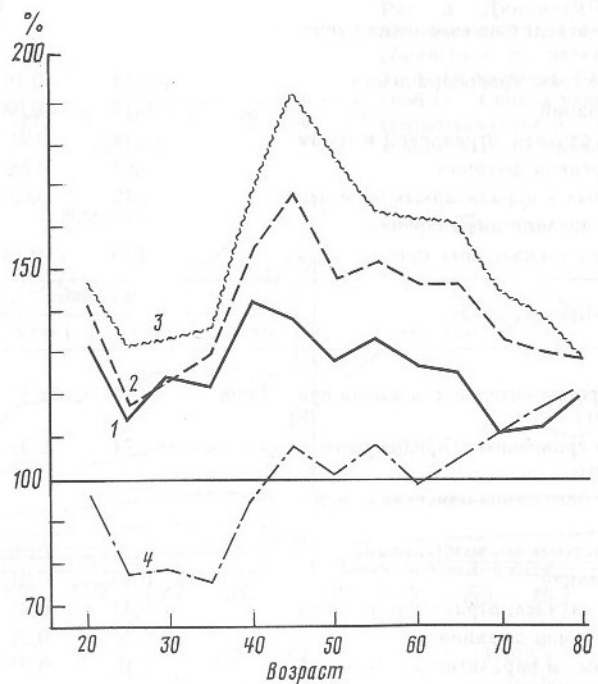

Рис. 5. Изменение возрастных показателей смертности мужчин от несчастных случаев, отравлений и травм (в % к уровню 1966 г.)

1 — 1971 г.; 2 — 1976 г.; 3 — 1981 г.; 4 — 1986 г.

1966 по 1986 г. в возрастах старше 45 лет. На графике виден устойчивый рост показателей смертности, причем темп роста увеличивается с увеличением возраста. В 1985 и 1986 гг. наблюдается снижение интенсивности смертности, однако масштаб снижения невелик, особенно в более пожилых возрастах, где он соизмерим с масштабом колебаний уровня смертности, наблюдавшихся до 1984 г.

Сложнее выглядит динамика смертности от несчастных случаев, отравлений и травм (рис. 4 и 5). Рост смертности мужчин от этого класса причин в 60-е годы начался с возрастов 25—59 лет, а затем распространился на возраста 20—24 года и старше 60.

Таблица 6. Основные показатели таблиц смертности по причинам смерти населения СССР и средние для пяти крупнейших капиталистических стран (начало 80-х годов)

Причина смерти	Вероятность умереть от данной причины смерти на 1000 новорожденных			
	Мужчины		Женщины	
	СССР, 1980 г.	Пять стран	СССР, 1980 г.	Пять стран
Все причины	1000	1000	1000	1000
В том числе:				
болезни системы кровообращения	497	449	692	512
новообразования	147	248	114	203
несчастные случаи, отравления и травмы	147	67	45	43
болезни органов дыхания	112	90	86	74
инфекционные заболевания и болезни органов пищеварения	56	58	33	52
другие причины смерти	41	88	30	116
Причина смерти	Средний ожидаемый возраст смерти от данной причины, лет			
	Мужчины		Женщины	
	СССР, 1980 г.	Пять стран	СССР, 1980 г.	Пять стран
Все причины	62,1	70,7	72,2	77,7
В том числе:				
болезни системы кровообращения	71,6	74,4	78,3	81,3
новообразования	63,5	70,9	65,8	73,3
несчастные случаи, отравления и травмы	43,4	50,9	50,6	64,6
болезни органов дыхания	57,0	75,6	61,5	80,2
инфекционные заболевания и болезни органов пищеварения	52,5	67,2	54,8	75,4
другие причины смерти	39,5	63,6	40,6	73,8

В 1972—1973 гг. произошло некоторое снижение показателей смертности, что можно связать с принятыми в этот период некоторыми мерами по ограничению продажи алкогольных напитков. Однако уже с 1974 г. вновь начался еще более быстрый рост смертности от несчастных случаев, который продолжался вплоть до начала 80-х годов, когда ситуация в известной мере стабилизировалась. График дает наглядное представление о снижении смертности от несчастных случаев в 1985 и особенно в 1986 гг., о чем речь пойдет далее.

Что касается динамики смертности от болезней органов дыхания (они стоят на третьем месте в списке причин, вызвавших снижение ожидаемой продолжительности жизни мужчин), то она имела противоречивый характер. Рост смертности от этого класса заболеваний наблюдался в основном в детских возрастах, прежде всего в возрасте до 1 года и особенно в 1972—1976 гг., когда наблюдался рост младенческой смертности в СССР. Мы уже высказывали свое мнение о возможных причинах увеличения коэффициента младенческой смертности в нашей стране. Динамика показателей смертности от болезней органов дыхания в младших возрастах зависит не только от изменения полноты учета случаев смерти, но и от качества дифференциальной диагностики.

Сложившаяся к началу 80-х годов структура смертности по причинам смерти (см. табл. 6) отличалась чрезвычайно высокой вероятностью умереть от несчастных случаев, отравлений и травм у мужчин (более чем вдвое превышающей соответствующий показатель для пяти капиталистических стран) и весьма низким средним ожидаемым возрастом смерти от болезней системы кровообращения и новообразований. Сравнение табл. 4 и 6 свидетельствует о том, что за 15 лет после 1966 г. структура смертности по причинам смерти в СССР утратила все позитивные особенности, зато негативные усугубились: вероятность умереть от трех классов экзогенных причин смерти снизилась крайне незначительно, а средний ожидаемый возраст смерти уменьшился примерно на 4 года.

Вернемся к табл. 5. Как видно из приведенных данных, вклад других выделенных классов заболеваний в динамику показателя ожидаемой продолжительности жизни был значительно менее существенным как в период до 1980 г., так и в 1980—1986 гг.

С 1980 по 1984 г. определенное позитивное влияние на величину продолжительности жизни оказала динамика смертности от болезней органов дыхания (у мужчин и у женщин) и от несчастных случаев (у мужчин).

Период после 1984 г. характеризуется существенным ростом ожидаемой продолжительности жизни: у мужчин к 1986 г. она выросла на 2,56 года, а у женщин — на 1,07. Рост продолжительности жизни в сельских местностях несколько больше, чем в городских поселениях. Основной рост ожидаемой продолжительности жизни мужчин связан со снижением смертности в

Таблица 7. Рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении в СССР после 1984 г.*

	Мужчины			Женщины		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
1984	62,42	63,33	60,60	72,57	73,16	71,40
1985	63,31	64,21	61,49	72,89	73,49	71,70
1986	64,98	65,72	63,51	73,64	74,19	72,63
Прирост в 1986 г. по сравнению с 1984 г.	2,56	2,39	2,91	1,07	1,03	1,23
В том числе в результате снижения смертности в возрасте:						
0—14 лет	0,12	0,10	0,10	0,08	0,09	0,07
15—39 лет	0,83	0,76	1,07	0,16	0,14	0,19
40—59 лет	1,08	1,05	1,13	0,34	0,33	0,36
60 лет и старше	0,53	0,48	0,61	0,49	0,47	0,61

* Источник. Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. О средней продолжительности жизни населения СССР. С. 39.

трудоспособных возрастах, в основном в возрасте 40—59 лет, у женщин более существен вклад возрастного интервала 60 лет и старше. К сожалению, уровень смертности в младших возрастах оставался почти неизменным (табл. 7).

Определяющее влияние на динамику ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 1985 и 1986 гг. оказало значительное снижение смертности от несчастных случаев. Оно обусловило более половины прироста продолжительности жизни мужчин и 24 % — женщин. Анализ помесечной динамики чисел умерших от несчастных случаев, отравлений и травм однозначно доказывает, что снижение смертности от этого класса причин есть прямой результат принятых в мае 1985 г. жестких мер по преодолению пьянства и алкоголизма в стране. Отметим, что 58 % прироста ожидаемой продолжительности жизни у женщин и 28 % у мужчин — результат снижения смертности от болезней системы кровообращения в более молодых возрастах (см. табл. 5).

Изменения возрастных интенсивностей смертности обусловлены изменением общей структуры смертности по причинам смерти. Отметим прежде всего устойчивый рост вероятности умереть от болезней системы кровообращения. В целом за период с 1966 по 1986 г. она увеличилась для мужчин с 473 до 535 ‰, для женщин — с 643 до 711 ‰ (ср. табл. 2 и 8). Это явление можно было бы оценить положительно, если бы одновременно не снизился средний ожидаемый возраст смерти: у мужчин — на 2,4 года, у женщин — на 0,8 года. Несколько выросла вероятность умереть от новообразований для мужчин и снизилась для женщин при одновременном снижении среднего ожидаемого возраста умерших. За период после 1984 г. произошел некоторый рост не только

Таблица 8. Основные показатели таблиц смертности по причинам смерти населения СССР и соответствующие средние показатели для пяти крупнейших капиталистических стран* (середина 80-х годов)

Причина смерти	Вероятность умереть от данной причины смерти на 1000 новорожденных			
	Мужчины		Женщины	
	СССР, 1986 г.	Пять стран	СССР, 1986 г.	Пять стран
Все причины	1000	1000	1000	1000
в том числе:				
болезни системы кровообращения	535	434	711	495
новообразования	181	266	123	216
несчастные случаи, отравления и травмы	98	62	36	41
болезни органов дыхания	91	90	63	72
инфекционные болезни и болезни органов пищеварения	50	55	33	52
другие и неустановленные причины смерти	45	93	34	124

Причина смерти	Средний ожидаемый возраст смерти от данной причины, лет			
	Мужчины		Женщины	
	СССР, 1986 г.	Пять стран	СССР, 1986 г.	Пять стран
Все причины	65,0	72,2	73,6	79,1
В том числе:				
болезни системы кровообращения	73,0	75,7	79,5	82,5
новообразования	64,4	72,2	66,0	74,8
несчастные случаи, отравления и травмы	44,3	52,2	52,3	66,5
болезни органов дыхания	60,8	77,2	62,6	81,7
инфекционные болезни и болезни органов пищеварения	52,5	69,5	54,8	72,0
другие и неустановленные причины смерти	39,5	66,0	40,6	78,6

* Великобритания (Англия и Уэльс), США, ФРГ, Франция, Япония.

вероятности умереть, но и ожидаемого возраста смерти от болезней системы кровообращения и новообразований.

Снижение смертности от несчастных случаев в 1985 и 1986 гг. привело к тому, что в целом за период после 1966 г. вероятность умереть от этого класса причин для мужчин снизилась со 107 до 98 ‰, а средний ожидаемый возраст смерти увеличился. Напомним, что в 1980 г. вероятность умереть от несчастных случаев для мужчин была существенно выше — 147 ‰.

За период после 1966 г. произошло снижение вероятностей умереть от болезней органов дыхания, от инфекционных болезней и болезней органов пищеварения и от всех других причин при заметном снижении средних ожидаемых возрастов смерти. После 1984 г. средний ожидаемый возраст смерти от экзогенных причин несколько увеличился, однако остался ниже, чем в 1966 г.

5. Основные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни

Каковы особенности возникшей в СССР в 1986 г. структуры смертности по причинам в сравнении с пятью указанными странами (Великобритания, США, ФРГ, Франция, Япония)? Важнейшая из них — существенно более низкий средний ожидаемый возраст смерти от всех выделенных классов причин смерти как у мужчин, так и у женщин (см. табл. 8).

Другие особенности: более высокая вероятность умереть от болезней системы кровообращения и существенно более низкая — от новообразований. Вероятность умереть от несчастных случаев для мужчин в 1,5 раза выше, чем в среднем в анализируемых странах. На долю группы «другие причины смерти» приходится в два раза меньше умерших мужчин и почти в четыре — женщин.

Компонентный анализ, результаты которого представлены в табл. 9, позволяет точно ответить на вопрос о причинах смерти, определяющих отставание СССР от пяти крупнейших капиталистических стран по уровню ожидаемой продолжительности жизни.

На долю главным образом экзогенных заболеваний приходится 2,3 года (или 32 %) различия ожидаемой продолжительности жизни мужчин и 1,3 года (или 24 %) — женщин. При этом вероятность умереть от этой группы заболеваний в СССР находится примерно на том же уровне, что и в среднем в пяти странах, а различие обусловлено более низким (у мужчин — на 16,3 года, у женщин — на 17,8) средним ожидаемым возрастом смерти.

Таблица 9. Компоненты различия ожидаемой продолжительности жизни при рождении в СССР и пяти крупнейших капиталистических странах (сер. 80-х гг.), лет*

	Мужчины	Женщины
Общее различие	7,2	5,5
В том числе вследствие различной смертности от:		
болезней системы кровообращения	2,6	3,2
новообразований	0,4	—0,1
несчастных случаев, отравлений и травм	1,7	0,5
болезней органов дыхания	1,4	1,1
инфекционных и паразитарных болезней,	0,9	0,2
болезней органов пищеварения		
других и неустановленных причин смерти	0,2	0,1

* Великобритания (Англия и Уэльс), США, ФРГ, Франция, Япония.

Более высокая смертность от несчастных случаев определяет 24 % отставания продолжительности жизни у мужчин и 9 % — у женщин. Таким образом, на долю экзогенных факторов непосредственного действия можно отнести 56 % отставания в продолжительности жизни мужчин и 33 % — женщин.

Остальные различия связаны со смертностью от эндогенных и квазиэндогенных заболеваний. Так, средний ожидаемый возраст смерти от этих причин у мужчин на 4,4 года, у женщин — на 4,0 года ниже, чем в указанных странах. Это свидетельствует, на наш взгляд, о большем влиянии экзогенных факторов кумулирующегося воздействия.

Таким образом, проделанный анализ позволяет в целях дальнейшего увеличения продолжительности жизни советских людей, ориентируясь на мировые достижения в борьбе с преждевременной смертью, выделить следующие три задачи.

Первая состоит в создании условий для дальнейшего снижения смертности, прежде всего в детских и молодых возрастах от экзогенных заболеваний: от инфекционных болезней, болезней органов дыхания и других острых заболеваний. По существу, речь идет о завершении процесса снижения смертности от острых и инфекционных болезней, который начался еще в XIX в. и еще не завершился в полной мере, особенно в детских возрастах.

Вторая задача состоит во всемерном сокращении смертности от несчастных случаев прежде всего — у мужчин. Достигнутые в 1985 и 1986 гг. успехи в этой области не умаляют важности и сложности ее скорейшего решения.

Третья задача возникла и стала особенно актуальной в период после 1966 г. Она состоит в ограничении квазиэндогенной смертности, т. е. смертности от болезней системы кровообращения и других хронических заболеваний, в более молодых возрастах. По мере снижения смертности от острых заболеваний и травм роль борьбы с преждевременной смертью от хронических болезней будет возрастать.

Три сформулированные задачи в разной степени актуальны для жителей городов и сельской местности для разных регионов страны.

Негативное влияние экзогенных факторов непосредственного действия на смертность сельского населения более существенно, чем жителей городов (см. табл. 10). Так, вероятность умереть от экзогенных заболеваний на селе у мужчин в 1,7, а у женщин — в 1,9 раза выше, а средний ожидаемый возраст смерти соответственно на 12,1 и 7,6 лет ниже. Вероятность умереть от несчастных случаев у мужчин в сельской местности выше на 18 %, а более низкий средний ожидаемый возраст смерти говорит о повышенном травматизме в детских и молодых возрастах.

Обращает на себя внимание существенно более низкий, чем в городских поселениях, средний ожидаемый возраст смерти от новообразований и некоторых других хронических заболеваний.

Таблица 10. Основные показатели таблиц смертности по причинам смерти городского и сельского населения СССР в 1986 г.

Причина смерти	Вероятность умереть от данной причины смерти на 1000 новорожденных			
	Мужчины		Женщины	
	город	село	город	село
Все причины	1000	1000	1000	1000
В том числе:				
болезни системы кровообращения	538	525	708	713
новообразования	205	146	148	87
несчастные случаи, отравления и травмы	93	110	36	35
болезни органов дыхания	68	124	39	95
инфекционные заболевания и болезни органов пищеварения	47	54	31	36
другие причины смерти	49	41	38	34
Причина смерти	Средний ожидаемый возраст смерти от данной причины			
	Мужчины		Женщины	
	город	село	город	село
Все причины	65,7	63,5	74,2	72,6
В том числе:				
болезни системы кровообращения	72,6	73,5	79,3	79,7
новообразования	65,4	62,5	67,4	63,2
несчастные случаи, отравления и травмы	46,1	41,4	56,5	46,0
болезни органов дыхания	63,6	58,0	65,1	60,4
инфекционные заболевания и болезни органов пищеварения	56,9	46,6	62,3	45,3
другие причины смерти	40,4	38,0	41,6	38,6

В результате — продолжительность жизни мужчин в сельской местности на 2,2 года ниже, чем в городах, у женщин — на 1,6 года ниже (см. табл. 7).

6. Региональные особенности смертности

Публикации Госкомстата СССР свидетельствуют о значительных межреспубликанских различиях в уровне смертности¹⁹. Общий размах колебаний продолжительности жизни мужчин — 9, женщин — 8 лет. Уровень младенческой смертности в 1986 г. колебался от 11,6 ‰ в Литовской ССР до 58,2 ‰ в Туркменской ССР. Еще более существенны различия структуры смертности по причинам смерти (табл. 11, 12). Анализ данных о смертности по причинам позволяет выделить шесть групп республик.

Украинская ССР, Белорусская ССР, Литовская ССР, Латвийская ССР, Эстонская ССР среди других республик выделяются более низким уровнем младенческой смертности. Вероятность

Таблица 11. Вероятность умереть от выделенных групп причин смерти на 1000 новорожденных в СССР и союзных республиках в 1986 г.

Союзная республика *	Мужчины			Женщины		
	экзогенные причины	эндогенные причины	несчастные случаи	экзогенные причины	эндогенные причины	несчастные случаи
Эстонская ССР	69	827	104	39	919	42
Латвийская ССР	86	804	110	50	907	43
Литовская ССР	111	776	113	62	899	39
РСФСР	119	769	112	74	886	40
Грузинская ССР	123	818	59	80	900	20
Украинская ССР	135	773	92	84	886	30
Белорусская ССР	143	768	89	107	866	27
Азербайджанская ССР	166	782	52	146	831	23
Армянская ССР	176	780	44	134	842	24
Казахская ССР	184	725	91	132	832	36
Узбекская ССР	193	745	62	169	805	26
Молдавская ССР	197	699	105	154	799	47
Туркменская ССР	218	724	58	199	772	29
Таджикская ССР	249	699	52	235	744	21
Киргизская ССР	257	673	70	214	756	28
СССР	141	761	98	96	868	36

* Расположены в восходящем порядке по уровню смертности от экзогенных причин смерти у мужчин.

умереть от экзогенных причин в целом несколько ниже средней для страны при существенно более высоком среднем ожидаемом возрасте смерти. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении на 1,6—2,9 года выше среднесоюзной. Структура смертности по причинам ближе, чем в других республиках, к странам с низким уровнем смертности. Дальнейшее снижение смертности в этом регионе связано, во-первых, со снижением смертности от квазиэндогенных причин в более молодых возрастах и, во-вторых, в сокращении смертности от несчастных случаев.

Те же проблемы характерны и для ситуации в области смертности в *РСФСР*. Республика занимает десятое место в стране по ожидаемой продолжительности жизни и шестое — по уровню младенческой смертности. Средний ожидаемый возраст смерти по трем группам причин ниже, чем в первом регионе, а вероятность смерти от несчастных случаев выше, чем в четырех из пяти республик (кроме Латвии). Сохраняется, как отмечалось ранее²⁰, более высокий уровень смертности в восточных районах республики.

Среди других республик европейской части страны *Молдавская ССР* выделяется чрезвычайно высокой вероятностью умереть

Таблица 12. Средний ожидаемый возраст смерти от выделенных групп причин смерти по СССР и союзным республикам в 1986 г., лет

Союзная республика *	Мужчины			Женщины		
	экзогенные причины	эндогенные причины	несчастные случаи	экзогенные причины	эндогенные причины	несчастные случаи
Эстонская ССР	61,8	69,0	45,9	66,1	75,7	58,3
Латвийская ССР	63,8	69,2	44,5	68,1	75,9	55,7
Литовская ССР	68,8	70,7	46,0	72,1	77,4	54,5
РСФСР	61,7	68,4	44,0	66,5	75,8	53,3
Грузинская ССР	56,0	71,1	45,3	58,1	77,2	50,5
Украинская ССР	65,2	69,5	44,8	71,0	75,8	52,1
Белорусская ССР	69,1	69,6	44,7	75,5	76,6	52,8
Азербайджанская ССР	53,2	70,5	44,1	56,9	75,7	49,2
Армянская ССР	65,4	72,3	49,4	67,6	78,5	55,8
Казахская ССР	58,9	69,0	42,3	61,9	77,2	49,9
Узбекская ССР	50,7	71,7	43,5	52,8	77,3	46,7
Молдавская СС	58,4	68,9	44,5	60,2	73,6	50,8
Туркменская ССР	42,4	68,8	40,2	45,6	73,4	46,1
Таджикская ССР	56,5	74,8	46,5	59,0	79,8	49,0
Киргизская ССР	58,3	70,4	43,9	61,7	77,0	48,5
СССР	57,9	69,0	44,2	59,8	75,9	52,3

* Расположены в восходящем порядке по уровню смертности от экзогенных причин смерти у мужчин.

от экзогенных заболеваний (а именно: болезней органов пищеварения) в молодых и детских возрастах. Хотя республика находится на девятом месте по уровню младенческой смертности (1986 г.), здесь в 1985—1986 гг. был зафиксирован один из самых низких показателей ожидаемой продолжительности жизни — 66,4 года.

Грузинская ССР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР — регион с относительно низкими уровнями смертности от несчастных случаев и высоким ожидаемым возрастом смерти от эндогенных и квазиэндогенных причин. По данным за 1985—1986 гг., в Грузинской и Армянской ССР были зафиксированы самые высокие в стране показатели ожидаемой продолжительности жизни. В то же время уровень смертности от экзогенных причин был несколько выше среднесоюзного, особенно в детских возрастах. В частности, по показателям младенческой смертности, Азербайджанская ССР вплотную приближается к республикам Средней Азии.

Узбекская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР, Туркменская ССР характеризуются самыми высокими в стране уровнями смертности на первых годах жизни, весьма высокой вероятностью умереть от экзогенных причин при низком среднем ожидаемом возрасте смерти. Вероятность смерти от несчастных случаев ниже, чем в европейской части страны, средний ожидаемый

возраст смерти от эндогенных и квазиэндогенных причин в этих республиках (кроме Туркменской ССР) выше среднесоюзного.

Первоочередная задача в области смертности в республиках региона — снижение смертности от экзогенных заболеваний в детских возрастах. Особенно неблагоприятная ситуация сложилась в Туркмении, которая в 1985—1986 гг. занимала последнее место в стране по уровню ожидаемой продолжительности жизни — 61,4 года. Республику отличает самый низкий в стране средний ожидаемый возраст смерти от эндогенных и квазиэндогенных причин.

Для смертности населения *Казахской ССР* характерны негативные особенности, уже отмеченные в смертности населения РСФСР (высокий уровень смертности от несчастных случаев и квазиэндогенных причин) и среднеазиатских республик (повышенная смертность от экзогенных заболеваний в молодых возрастах).

Республика занимает одиннадцатое место в стране по величине показателя ожидаемой продолжительности жизни и десятое — по уровню младенческой смертности.

Итак, анализ данных по союзным республикам свидетельствует, что сформулированные задачи в области смертности в разной мере актуальны для отдельных групп республик. В частности, борьба за снижение смертности от экзогенных заболеваний в детских и молодых возрастах наиболее остро стоит в республиках Средней Азии, Азербайджане и Казахстане. Проблема преждевременной смертности от хронических болезней в большей мере характерна для РСФСР, для других республик европейской части страны и *Казахской ССР*. В этих же регионах наиболее актуальна борьба со смертностью от несчастных случаев, что не уменьшает важности борьбы с несчастными случаями в других республиках.

7. Первоочередные задачи в борьбе за снижение смертности

Для успешного движения вперед чрезвычайно важно понять причины негативных изменений смертности в стране. Как негативные изменения уровня смертности в 1966—1980 гг., так и отставание СССР от капиталистических стран по ожидаемой продолжительности жизни связаны с одними и теми же классами причин смерти. По нашим расчетам, с середины 60-х до середины 80-х годов в пяти капиталистических странах ожидаемая продолжительность жизни мужчин выросла в среднем на 4,3, а женщин — на 4,8 года. В СССР, несмотря на позитивные изменения последних лет, она снизилась соответственно на 0,9 и на 0,3 года. При этом в результате снижения уровня смертности от болезней системы кровообращения продолжительность жизни мужчин в пяти странах увеличилась на 1,5 года (в СССР снизилась на ту же величину), продолжительность жизни женщин увеличилась на 2 года (а в нашей стране снизилась на 1 год). Что касается

остальных классов заболеваний и причин смерти, то здесь характер влияния на уровень ожидаемой продолжительности жизни в целом сходный, однако их общий положительный вклад в рост продолжительности жизни в среднем для пяти стран составляет 2,8 года и для мужчин и для женщин, в нашей стране соответственно — 0,6 и 0,7 года.

Однако не следует забывать о том, что явления стагнации или снижения ожидаемой продолжительности жизни наблюдались и в других экономически развитых странах. По данным ООН, после 1950 г. в 19 из 27 экономически развитых стран с низким уровнем смертности наблюдался устойчивый (в течение 10 лет и более) рост смертности хотя бы для одного из полов в достаточно широком интервале возрастов²¹. Отметим и то, что периоду относительно быстрого роста ожидаемой продолжительности жизни в 70—80-е годы в пяти крупнейших капиталистических странах предшествовал период относительной стабильности этого показателя, что и ускорило сокращение разрыва по продолжительности жизни в этих странах и в СССР к середине 60-х годов.

До недавнего времени все негативные демографические тенденции в стране связывались с последствиями Великой Отечественной войны. Отрицательное влияние войны на здоровье переживших ее поколений несомненно, однако тщательный анализ показал, что основные изменения в смертности были связаны с условиями календарных периодов и практически не зависели от биографии поколений. Более или менее значимое повышение смертности, которое можно интерпретировать как отдаленные последствия войны, наблюдалось только в более пожилых возрастах.

С учетом того, что нежелательные изменения смертности наблюдались и в других странах, причины негативных ее тенденций следует искать в достаточно общих явлениях социальной и экономической жизни. Таким образом, общим фактором является изменение условий и характера труда, образа и условий жизни под действием научно-технического прогресса. То обстоятельство, что в рассматриваемый период темпы научно-технического прогресса и его эффективность оцениваются как недостаточные, не исключает воздействия последствий его на здоровье и продолжительность жизни. Один из важнейших с гигиенической точки зрения показателей — энерговооруженность труда — увеличился с 1960 по 1986 г. в промышленности в 3,2, а в сельском хозяйстве — в 5,7 раза. Только с 1970 по 1986 г. объем продукции химической промышленности увеличился в 2,9 раза, в том числе производство удобрений — в 2,6, средств защиты растений — в 2 раза²². Возрастало число лиц, работающих в постоянном контакте с машинами и механизмами. Быстрыми темпами шла миграция сельских жителей в города. Изменился уклад сельской жизни (этот процесс получил название «урбанизация села»).

Подобные изменения, даже оцениваемые как положительные, требуют от человека биологической и социальной адаптации

к новым условиям. Связанные с ней трудности могут вести к ухудшению здоровья и повышению уровня смертности. Среди последствий научно-технического прогресса существуют и безусловно вредные, такие, как, например, загрязнение окружающей среды, с чем адаптационный механизм не может справиться.

Ситуация в области смертности в стране существенно усложняется тем, что среди значительной части населения страны до сих пор распространены нерациональные (и даже вредные) стереотипы поведения, такие, как предпочтение пассивных форм отдыха, курение и потребление алкоголя, несвоевременное обращение за медицинской помощью и самолечение, несоблюдение диеты, следование традиционным правилам ухода за детьми и т. д.²³

Предупредить или компенсировать негативные последствия научно-технического прогресса можно лишь на основе строгого контроля новых факторов смертности, целенаправленной перестройки работы всех служб, так или иначе ответственных за здоровье людей. Представляется, что негативные тенденции смертности в СССР в 60—80-е годы вызваны тем, что задача компенсации вредных для здоровья изменений условий труда и быта не была решена в полном объеме, а некоторые аспекты этой проблемы до конца не осознавались (в том числе такие, как соответствие интенсивности труда и форм отдыха, химизации сельского хозяйства и развития инфраструктуры села, например, централизованного водоснабжения, комплекс проблем, связанных с автомобилизацией). Не велась практически работа по формированию здорового образа жизни.

Изложенная точка зрения опирается на данные о причинах смерти, вызвавших снижение продолжительности жизни, объясняет характер территориальной дифференциации негативных изменений, в том числе существенно более значительные изменения в смертности сельского населения.

Серьезной критике в последний период подвергалась работа учреждений здравоохранения. Вопрос о том, в какой мере недостатки в лечебно-профилактической помощи населению сказались на динамике смертности в стране — предмет широкой дискуссии. При этом высказываются диаметрально противоположные точки зрения, включая и такую, что медицинская служба лишь незначительно (на 10 или 20 % общего уровня) ответственна за состояние здоровья и продолжительность жизни. Подобные оценки, сделанные на основе межстрановых сопоставлений, вряд ли применимы к конкретной ситуации в СССР. Вспомним, сколь значителен был вклад медицинской службы в снижение младенческой смертности в СССР в послевоенный период. Другое дело, что значительных изменений в уровне смертности органы здравоохранения не могли и не могут добиться в одиночку, но и без их эффективного участия в профилактике и лечении заболеваний нельзя рассчитывать на существенный успех. Можно выделить в деятельности органов здравоохранения следующие три группы недостатков, которые

возникли и нарастали в 70-е годы. Во-первых, ориентация на экстенсивные формы развития, медленное внедрение в практику современных методов лечения и форм организации медицинской помощи. Во-вторых, недостаточное развитие материальной базы здравоохранения, отставание в развитии специализированных служб от меняющейся потребности в их услуге. В-третьих, ослабление профилактической работы в результате неспособности перестроить ее в направлении профилактики хронических заболеваний.

В ноябре 1987 г. были приняты «Основные направления охраны здоровья населения и перестройки здравоохранения СССР в двенадцатой пятилетке и на период от 2000 года»²⁴. В этом документе определены и первоочередные задачи в борьбе за снижение смертности. Однако научные дискуссии не утихают. Ряд положений, видимо, придется конкретизировать в ходе дальнейшей практической работы. На наш взгляд, чрезвычайно важно в оценке положения дел попытаться полностью перейти от учета сделанного к анализу конкретных результатов проделанной работы.

Большие положительные сдвиги в понижении смертности, достигнутые в 1985 и 1986 гг., еще не дают оснований рассчитывать на дальнейшее позитивное развитие процесса. Данные за 1987 и 1988 г. свидетельствуют о стабилизации уровня смертности. Достижение минимальных мировых уровней смертности требует планомерной, целенаправленной работы во всех сферах жизни общества.

¹ См.: Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976. С. 51—94; Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 38—46; Андреев Е. М. Социальная детерминация смертности, демографическая политика и прогнозы продолжительности жизни // Методология демографического прогноза. М., 1988. С. 119—124.

² Андреев Е. М. Анализ дожития с использованием данных о причинах смерти // Общие проблемы биологии. Т. 6. Популяционная геронтология. М., 1987. С. 190—229.

³ Подробнее см.: Андреев Е. М. Социальная детерминация, демографическая политика и прогнозы продолжительности жизни. С. 118—139.

⁴ В данной статье мы опираемся на работы: Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 28—49; Они же. О средней продолжительности жизни населения СССР // Вестн. статистики. 1987. № 12. С. 31—39.

⁵ Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.

⁶ Воспроизводство населения СССР. С. 58—61.

⁷ Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926—1927 гг.: Таблицы смертности. М.; Л., 1930.

⁸ Там же.

⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962.

¹⁰ Андреев Е. М. и др. Алгоритм построения таблиц смертности и средней продолжительности жизни // Вестн. статистики. 1975. № 3. С. 28—34.

¹¹ Дмитриева Р. М. Таблицы смертности и средней продолжительности жизни населения Средней Азии // Проблемы народонаселения. М., 1970. С. 333—335.

- ¹² Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Статистическое наблюдение в демографии: Этапы развития и перспективы // Методы исследования. М., 1986. С. 6—21.
- ¹³ Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России; Воспроизводство населения СССР. С. 298; Смертность и продолжительность жизни населения СССР, 1926—1927: Таблицы смертности. С. 2, 26, 40, 122; Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960. С. 334—347.
- ¹⁴ Здесь и далее таблицы смертности по причинам смерти для пяти стран рассчитаны на основе публикаций ВОЗ: Ежегодник мировой санитарной статистики. Женева, 1967; и др.
- ¹⁵ Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы советской власти. С. 28—49.
- ¹⁶ Они же. О средней продолжительности жизни населения СССР. С. 31—39.
- ¹⁷ Там же. С. 36.
- ¹⁸ Воспроизводство населения СССР. С. 101.
- ¹⁹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юб. стат. ежегодник. М., 1987. С. 408—409.
- ²⁰ Андреев Е. М. Продолжительность жизни в СССР: Дифференциальный анализ // Продолжительность жизни: Анализ и моделирование. М., 1979. С. 7—30.
- ²¹ United Nations. Levels and trends of mortality since 1950. N. Y., 1982. P. 10—11.
- ²² Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 90, 93, 176, 177.
- ²³ Андреев Е. М. Социальная детерминация смертности, демографическая политика и прогнозы продолжительности жизни // Методология демографического прогноза. С. 126—128.
- ²⁴ Правда. 1987. 27 нояб.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЛАДЕНЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Н. Ю. Ксенофонтова

Младенческая смертность служит предметом исследования ряда научных дисциплин: социальной гигиены, теоретической медицины, медицинской демографии. Однако демографический и статистический анализ младенческой смертности занимает среди вышеназванных подходов свое особое место, поскольку он всегда проводится на основе массовых данных государственной статистики с привлечением математико-статистических методов и позволяет изучать социально-демографические факторы этого явления. В этой связи предполагается в общих чертах охарактеризовать современную ситуацию в области младенческой смертности, попытаться оценить полноту и качество статистической информации, дать оценку перспектив снижения младенческой смертности в СССР.

За годы советской власти младенческая смертность в нашей стране снизилась более чем в 10 раз. Но данный уровень смертности остается все еще довольно высоким. В 1988 г. зарегистрированный уровень младенческой смертности у нас в стране составил 24,7 ‰, в городских поселениях — 20,7, в сельской местности — 30,4 ‰.

© Н. Ю. Ксенофонтова

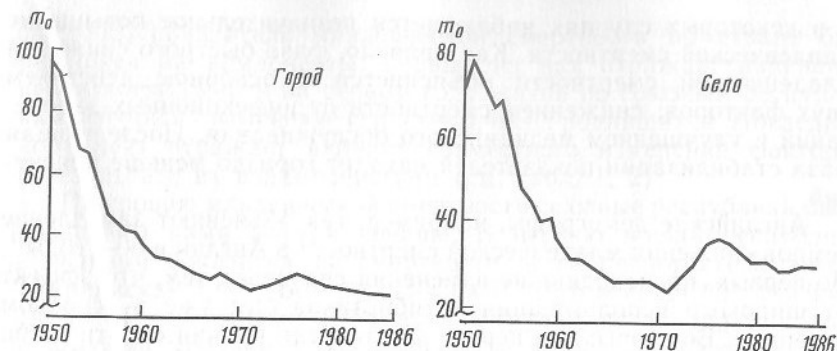

Рис. 1. Динамика младенческой смертности. СССР. 1950—1986 гг.

Рассмотрим динамику показателей младенческой смертности в СССР начиная с 1950 г. (рис. 1). В 1950 г. уровень младенческой смертности как в городе, так и в селе составлял около 90 на 1000 родившихся, к началу 60-х годов показатели снизились до уровня 35 ‰. Для первой половины 60-х годов характерно замедление темпов снижения, а для второй половины — стабилизация показателей на уровне 25—30 ‰. С 1970 г. смертность детей первого года жизни стала снова снижаться, и в 1971 г. наблюдались минимально зарегистрированные в нашей стране уровни показателя, которые составили 21,6 ‰ для городских поселений и 24,3 — для села, при этом разрыв минимально достигнутых уровней был менее 3 ‰. После 1971 г. наблюдался подъем показателей младенческой смертности как в городе, так и на селе. Рост продолжался в течение 5 лет. К 1976 г. уровень младенческой смертности увеличился в городских поселениях на 8 ‰, а в сельской местности — на 18, т. е. показатели вернулись к уровню середины 60-х годов в городе и конца 50-х годов на селе, причем разрыв показателей между городом и селом увеличился до 11 ‰.

Начиная с 1976 г. показатели смертности детей первого года жизни стали снижаться. К 1986 г. уровень младенческой смертности в городском населении оказался ниже минимально достигнутого в 1971 г. Показатели младенческой смертности в сельской местности снижались до начала 80-х годов и в 80-е годы стабилизировались на уровне начала 60-х годов. Разрыв между показателями в городе и селе практически не изменился и составил 10,6 ‰.

Возникает вопрос, является ли замедление темпов снижения, а затем и последующий рост коэффициентов младенческой смертности в СССР особенностью происходящих демографических процессов или аналогичные изменения наблюдались во многих странах и вообще присущи процессу снижения смертности детей на первом году жизни.

Период быстрого снижения младенческой смертности, как правило, сменяется достаточно продолжительным периодом замедления темпов снижения показателя, его стабилизации,

а в некоторых случаях наблюдается незначительное повышение младенческой смертности. Как правило, фаза быстрого снижения младенческой смертности объясняется в основном действием двух факторов: снижением смертности от инфекционных заболеваний и улучшением медицинского обслуживания. Последующая фаза стабилизации показателей находит гораздо меньше пояснений.

Английские демографы, например, так объясняют замедление темпов снижения младенческой смертности в Англии в 60-е годы¹. Во-первых, происходившие изменения связаны с тем, что эффект от широкого использования антибиотиков был уже в основном исчерпан. Во-вторых, на первое место среди причин смерти детей первого года жизни вышли болезни органов дыхания. Исход при этих заболеваниях во многом зависит от своевременности госпитализации ребенка и получения им медицинской помощи. Во время пика болезней органов дыхания, который приходится, как правило, на зимние месяцы, наблюдался дефицит больничных коек для детей, нуждающихся в госпитализации. В-третьих, замедление темпов снижения обусловлено тем, что в эти годы увеличилась доля детей из малообеспеченных слоев населения, для которых характерен высокий риск смерти вообще и на первом году жизни особенно.

Можно сказать, что те факторы, которые выделялись английскими демографами при характеристике младенческой смертности в Англии в 60-е годы, оказывали свое влияние на формирование уровня показателя младенческой смертности в середине 70-х годов у нас в стране. Латвийские демографы объясняют повышение уровня младенческой смертности в республике, во-первых, «широким применением антибиотиков, что привело к устойчивым по отношению к ним штаммам микробов; во-вторых, значительным увеличением удельного веса молодых матерей»², у которых риск смерти ребенка на первом году выше, чем у остальных.

В то же время период стабилизации и некоторого подъема показателей у нас в стране имеет ряд особенностей. Не подлежит сомнению заключение Р. М. Дмитриевой и Е. М. Андреева³ о том, что динамика коэффициентов младенческой смертности по СССР и союзным республикам в это время отражает как реальные процессы повышения вероятности смерти детей до года, так и улучшение ее учета. Поэтому в настоящее время предстоит задача детального изучения роли и количественного соотношения факторов, отражающих реальное повышение смертности и улучшение учета. Пока не представляется возможным дифференцировать действие этих факторов, но их совокупное влияние на уровень показателя можно оценить с помощью разложения коэффициента младенческой смертности на компоненты.

На динамику показателей младенческой смертности в стране повлияло как изменение распределения родившихся по республикам, так и собственно динамика республиканских коэффициентов младенческой смертности. Чтобы оценить значение каждого

фактора, показатель младенческой смертности по стране был разложен на компоненты: первый из них отражает изменение вероятности смерти на первом году жизни по союзным республикам, второй — изменение структуры чисел родившихся. Последний компонент отражает влияние совместного изменения факторов в результате их взаимодействия (см. табл. 1, 2).

По уровню младенческой смертности союзные республики были разделены нами на три группы. В первую вошли республики с низкими показателями смертности детей первого года жизни (Украинская ССР, Белорусская ССР, Литовская ССР, Латвийская ССР и Эстонская ССР), вторую группу составили республики с высоким уровнем младенческой смертности (Узбекская ССР, Казахская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР и Туркменская ССР). Оставшиеся союзные республики образовали третью группу (РСФСР, Грузинская ССР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР и Молдавская ССР).

В целом по СССР уровень младенческой смертности складывается из показателей союзных республик, в результате чего средний уровень зависит от изменения в каждом отдельном регионе. Если рассматривать, какие компоненты оказали наибольшее влияние на изменение показателей смертности детей до года в целом по СССР, то можно обнаружить существенную разницу в степени влияния каждого компонента как по стране, так и по группам республик.

В первой половине 70-х годов в нашей стране показатель младенческой смертности вырос на 5,6‰, в городской мест-

Таблица 1. Компоненты изменения коэффициента младенческой смертности по СССР за период с 1970 по 1986 г. на 1000 новорожденных

	Всего			Город			Село		
	1970—1975 гг.	1975—1980 гг.	1980—1985 гг.	1970—1975 гг.	1975—1980 гг.	1980—1985 гг.	1975 гг.	1975—1980 гг.	1980—1986 гг.
Изменение коэффициента младенческой смертности — всего	5,6	-3,3	-1,9	2,4	-2,3	-2,4	11,0	-4,5	-1,1
В том числе:									
за счет изменения вероятности смерти	5,1	-3,8	-2,6	2,2	-2,4	-2,9	9,1	-5,3	-2,3
структуры чисел родившихся	0,2	0,4	0,7	0,1	0,2	0,5	0,8	1,0	1,2
суммарного действия компонентов	0,3	0,1	0,0	0,1	-0,2	0,0	1,1	-0,2	0,0

Рассчитано по: Население СССР, 1987. Стат. сб. М., 1988.

Таблица 2. Вклад групп республик в изменение коэффициента младенческой смертности по СССР за период с 1970 по 1986 г. на 1000 новорожденных

	Изменение коэффициента младенческой смертности			В том числе за счет изменения вероятности смерти в возрасте до 1 года		
	1970—1975 гг.	1975—1980 гг.	1980—1986 гг.	1970—1975 гг.	1975—1980 гг.	1980—1986 гг.
Всего	5,6	-3,3	-1,9	5,1	-3,8	-2,6
по группам республик:						
I	0,1	-0,8	-0,6	0,4	-0,7	-0,4
II	4,6	-1,2	0,4	3,8	-1,8	-0,7
III	0,9	1,3	-1,7	0,9	-1,3	-1,6
Городское население	2,4	-2,3	-2,4	2,2	-2,4	-2,9
по группам республик:						
I	-1,0	-0,6	-0,5	-0,7	-0,6	-0,4
II	2,7	-0,1	0,2	2,5	-0,3	-0,5
III	0,7	-1,6	-2,1	0,4	-1,5	-0,2
Сельское население	11,0	-4,5	-1,1	9,1	-5,3	-2,3
по группам республик:						
I	0,0	-1,0	-0,4	0,5	-0,7	-0,1
II	9,4	-1,8	1,1	6,7	-3,0	-0,8
III	1,6	-1,7	-1,8	1,9	-1,6	-1,4

Рассчитано по: Население СССР, 1987. С. 110—120, 345—346.

ности — на 2,4 ‰, в сельской — на 11 по сравнению с 1970 г. За этот период изменения показателей произошли в основном из-за увеличения вероятности смерти на первом году жизни. Значение компонента, отражающего изменение структуры чисел родившихся по союзным республикам, не было столь существенно, так как изменения долей родившихся по союзным республикам происходили в разных направлениях, что привело в целом к взаимному погашению влияния этих изменений. Причем в республиках с низким уровнем младенческой смертности этот компонент оказывал отрицательное действие на формирование показателя. В то же время увеличение доли родившихся в республиках с высокой младенческой смертностью как в городе, так и в селе оказало положительное влияние на рост показателя.

Надо сказать, что соотношение рассматриваемых компонентов изменения младенческой смертности по выделенным группам союзных республик различно. Для первой и третьей групп республик характерно положительное влияние компонента, отражающего изменение вероятности смерти на первом году жизни, и отрицательное влияние компонента, который в данном случае отражает процесс снижения доли родившихся в этих республиках в общем числе родившихся. Исключение составляет динамика показателей в городе в этот период в первой группе республик, где повышения младенческой смертности в этот период не наблюдалось. Во второй

группе республик оба компонента положительно влияли на формирование показателя. Решающим для роста показателя смертности детей первого года жизни в СССР за этот период стало увеличение показателей младенческой смертности в республиках с более высоким ее уровнем.

Во второй половине 70-х годов данные показатели по СССР стали снижаться. Произошедшее улучшение вновь связано в основном с динамикой вероятности смерти на первом году жизни. Изменение распределения чисел родившихся по союзным республикам оказывало положительное влияние. Если в республиках первой и третьей группы компоненты изменения младенческой смертности действовали однонаправленно в сторону понижения уровня показателей как в городе, так и в селе, то в республиках второй группы действие компонентов было разнонаправленным, что в целом привело к снижению влияния этой группы республик, особенно в городской местности, на формирование показателя по стране.

В 80-е годы показатели продолжали снижаться, хотя абсолютное изменение было меньше, чем за предыдущий период. Характерной особенностью происходящих изменений стало возрастание роли структурного компонента, отражающего сдвиги в распределении чисел родившихся по союзным республикам, хотя по группам союзных республик направление действия этого компонента было разным. Причем влияние увеличения доли родившихся в республиках с высоким уровнем младенческой смертности было настолько существенно, что превысило эффект от снижения вероятности смерти в этих республиках. Это привело к тому, что динамика младенческой смертности в этой группе республик суммарно тормозила снижение показателей по СССР в целом.

Переходя к анализу младенческой смертности в республиканском разрезе, прежде всего рассмотрим, как менялось распределение республик по уровню показателя (табл. 3). До начала подъема младенческой смертности (т. е. до середины 70-х годов) распределение республик было достаточно компактным. В Украинской, Белорусской ССР и республиках Прибалтики показатели были ниже 20 ‰, в 5 республиках уровень показателей был в пределах 30—45 ‰, в остальных республиках показатели были на уровне 20—25 ‰. Разность между максимальным и минимальным значениями показателя по союзным республикам составляла 29 ‰. Подъем показателей младенческой смертности хотя и затронул практически все республики, но существенно отразился на распределении по уровню. Разрыв между крайними в распределении республиками увеличился более чем в два раза и превысил 60 ‰. Произошел сдвиг границы максимального показателя на 35 ‰ при условии, что минимальное значение показателя также выросло по сравнению с 1970 г. Рассматривая распределение союзных республик по уровню младенческой смертности в 1975 г., можно выделить группу из шести республик с показателями ниже среднесоюзного уровня, а в пяти республиках (Украинс-

Таблица 3. Динамика младенческой смертности по союзным республикам (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся)

	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.
СССР	25,0	30,6	27,3	26,9	25,7	25,3	25,9	26,0	25,4
РСФСР	23,0	23,7	22,1	21,5	20,4	20,1	20,9	20,7	19,3
Украинская ССР	17,2	19,7	16,6	16,2	16,2	15,8	15,9	15,7	14,8
Белорусская ССР	18,8	18,7	16,3	16,7	15,8	15,0	15,1	14,5	13,4
Узбекская ССР	31,0	53,8	47,0	43,8	42,0	43,1	45,1	45,3	46,2
Казахская ССР	25,9	38,8	32,7	33,5	32,2	31,4	30,7	30,1	29,0
Грузинская ССР	25,3	32,7	25,4	29,7	25,4	23,9	23,9	24,0	25,5
Азербайджанская ССР	34,8	37,5	30,4	34,4	30,4	31,2	30,3	29,4	30,5
Литовская ССР	19,4	19,6	14,5	16,6	15,1	14,1	13,4	14,2	11,6
Молдавская ССР	23,3	43,4	35,0	34,7	32,9	28,9	32,7	30,9	26,4
Латвийская ССР	17,9	20,3	15,4	16,0	14,1	16,1	12,9	13,0	13,0
Киргизская ССР	45,4	42,5	43,3	41,2	39,0	40,1	40,9	41,9	38,2
Таджикская ССР	45,9	80,8	58,1	55,9	54,0	50,4	49,4	46,8	46,7
Армянская ССР	25,3	30,6	26,2	23,8	24,1	24,9	23,9	24,8	23,6
Туркменская ССР	46,1	56,5	53,6	55,9	52,5	53,2	51,2	52,4	58,2
Эстонская ССР	17,8	18,2	17,1	17,1	17,2	16,3	13,6	14,0	16,0

Источник. Население СССР, 1987. С. 344—346.

кая ССР, Белорусская ССР и республики Прибалтики) показатели были в пределах 20⁰/₀₀. РСФСР по уровню младенческой смертности занимает промежуточное положение, так как показатели там несколько выше, чем в перечисленной выше группе союзных республик с низким уровнем смертности детей первого года, но ниже, чем в среднем по СССР. Сближает РСФСР с указанной группой республик то, что в период подъема показателей существенного изменения здесь не произошло.

В Армянской ССР показатели были на уровне среднесоюзных, а в Грузинской ССР лишь на 3⁰/₀₀ превышали среднесоюзный уровень. В первую половину 70-х годов повышение показателей в этих республиках произошло соответственно на 20 и 30 %.

Для остальных союзных республик в это время характерны высокие показатели младенческой смертности. Причем эти республики можно разделить на две подгруппы с более высоким и более низким уровнями смертности детей первого года. В Узбекской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР в 1975 г. были зарегистрированы показатели младенческой смертности выше 50⁰/₀₀. В Азербайджанской ССР, Молдавской ССР, Казахской ССР и Киргизской ССР показатели были на уровне 40⁰/₀₀.

Наибольшие изменения показатели младенческой смертности в этот период претерпели в Молдавской ССР, Таджикской ССР и Узбекской ССР, где повышение составило более 70 %; в Казахской ССР показатель вырос на 50 % к уровню 1970 г. Только в двух республиках — Белорусской ССР и Киргизской ССР — не

было зарегистрировано подъема уровней показателя в 1975 г. по сравнению с 1970 г.

Во второй половине 70-х годов младенческая смертность снижалась во всех республиках, кроме Киргизской ССР, где отмечалось незначительное повышение показателя относительно уровня 1975 г. Территориальная вариация показателей уменьшилась. Границы минимального и максимального значений показателей по союзным республикам изменились в сторону понижения, а разность между ними уменьшилась и стала меньше 45⁰/₀₀. Несколько изменилось и распределение республик по уровню этого показателя. Среднее значение показателей по группе республик с низким уровнем смертности детей первого года жизни снизилось с 19,6⁰/₀₀ в 1975 г. до 16⁰/₀₀ в 1980 г. В 1975 г. разрыв между показателем по РСФСР по сравнению с группой республик с низким уровнем младенческой смертности не был столь значителен, к 1980 г. он несколько увеличился, что свидетельствует о том, что темпы снижения смертности детей первого года жизни в РСФСР были несколько ниже, чем по этой группе республик. Если в 1975 г. показатели в Армении и Грузии были на среднесоюзном уровне, то в 1980 г. стали ниже его.

Рассмотрим группу республик с высоким уровнем младенческой смертности. За период с 1975 по 1980 г. среднее значение показателей по этой группе республик снизилось с 50 до 43⁰/₀₀. Если в первой подгруппе, где показатели более низкие, снижение в среднем по подгруппе составило 5⁰/₀₀, то в республиках с более высокими показателями соответственно 11⁰/₀₀. В 1975 г. разрыв между средними из значений показателей по этим двум подгруппам республик был 24⁰/₀₀, в 1980 г. сократился и составил 18⁰/₀₀. Относительное снижение показателей по союзным республикам составило от 5 до 28 пунктов.

Несмотря на то что после 1975 г. показатели младенческой смертности снижались практически повсеместно, достигнутый к 1980 г. уровень лишь в восьми из пятнадцати республик (РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Азербайджанская ССР, Литовская ССР, Латвийская ССР, Киргизская ССР, Армянская ССР, Эстонская ССР) был ниже, чем в 1970 г. В Грузинской ССР уровень показателя практически не отличался от зарегистрированного в 1970 г. В Узбекской, Казахской, Молдавской, Таджикской и Туркменской ССР коэффициенты младенческой смертности все еще превышали уровень 1970 г.

В 80-е годы общая тенденция к снижению младенческой смертности сохранилась, хотя начиная с 1983 г. показатели по СССР находятся практически на одном и том же уровне. В то же время заметно усилилась поляризация республик. Если граница минимального значения показателя снизилась до уровня 11,6⁰/₀₀ (Литовская ССР), то граница максимального показателя, снижавшаяся вплоть до 1984 г. и достигшая к тому времени 51,1⁰/₀₀ (Туркменская ССР), снова стала увеличиваться, и в 1986 г. самый высокий зарегистрированный уровень младенческой

кой смертности был в Таджикской ССР и составлял 58,2 ‰, т. е. был на уровне 1980 г. Вот так выглядит динамика максимального и минимального значений показателей младенческой смертности по союзным республикам в 80-е годы:

Год	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986
Минимум	14,5	16,2	14,1	14,1	12,9	13,0	11,6
Максимум	58,1	55,9	54,0	53,2	51,2	52,4	58,2
Разность	43,6	39,7	39,9	39,1	38,3	39,4	46,6

В 1986 г. республики распределились по уровню младенческой смертности следующим образом: в шести республиках показатели были ниже 20 ‰, причем в пяти из них показатели были ниже 15 ‰. Среднее значение показателей по группе республик с низким уровнем младенческой смертности составило 14 ‰, в трех республиках показатели были на среднесоюзном уровне, а в остальных — выше 29 ‰, в Узбекской, Туркменской, Таджикской ССР — показатели были выше 45 ‰.

Территориальная динамика показателей не была однозначной (см. табл. 3). Так, в республиках с низким уровнем младенческой смертности (Белорусская ССР, Литовская ССР, Латвийская ССР) в 1981 г. наблюдалось некоторое повышение показателей. В последующие годы значение коэффициентов младенческой смертности снизилось ниже уровня 1980 г., затем практически для всех республик этой группы характерна некоторая стабилизация уровня показателей, а начиная с 1985 г. снова наблюдалось снижение в Белорусской ССР, Украинской ССР, Литовской ССР. В Латвийской ССР младенческая смертность стабилизировалась на уровне 1984 г., в Эстонской ССР произошло некоторое повышение коэффициента младенческой смертности, которое составило по сравнению с минимально достигнутым в 1984 г. в этой республике уровнем 18 %.

В РСФСР в начале 80-х годов младенческая смертность продолжала снижаться. Затем в течение четырех лет с 1982 по 1985 г. показатели колебались около значения 20 ‰. В 1986 г. зафиксированный уровень коэффициента младенческой смертности составлял почти 90 % от уровня 1980 г. В 1980 г. показатели смертности детей первого года жизни в Грузинской и Армянской ССР практически не отличались, но динамика изменений в этих республиках была различна. Так, в Армянской ССР достигнутый в 1981 г. уровень младенческой смертности 23,8 ‰ практически не менялся в течение последующего времени, колеблясь около этого значения. В Грузинской ССР по сравнению с 1980 г. в 1981 г. коэффициент вырос почти на 20 %, на следующий год был снова достигнут уровень 1980 г., а затем показатели снизились и в последующие три года держались на уровне 24 ‰, а в 1986 г. произошло повышение, и показатели снова стали на уровне 1980 г. Изменение коэффициента младенческой смертности по Азербайджанской ССР в этот период в целом повторяет динамику показа-

телей по Грузинской ССР в 80-е годы, хотя значение показателей несколько выше. За те же годы младенческая смертность в Молдавской ССР снизилась на 25 % по сравнению с 1980 г. Хотя тенденцию к снижению нельзя считать стабильной, так как в 1984 г. отмечался подъем показателей смертности детей первого года, который по сравнению с уровнем предыдущего года составил 13 %.

Динамика младенческой смертности по Киргизской ССР хотя и отражает общую тенденцию снижения уровня показателя, но достигнутое значение коэффициента младенческой смертности нестабильно, колеблется около уровня 40 ‰, к 1986 г. по сравнению с предыдущими годами зарегистрировано некоторое снижение значения показателя.

Динамика младенческой смертности в республиках с высоким ее уровнем не была однозначной. Если в Таджикской ССР в начале 80-х годов отмечается снижение показателей смертности детей первого года, то на протяжении последующих лет рассматриваемого периода показатели остаются на уровне 47 ‰. В Узбекской ССР и Туркменской ССР снова произошел негативный перелом в тенденции снижения коэффициентов младенческой смертности: В Узбекской ССР показатель снижался до 1982 г., достигнутый уровень составлял 90 % от показателя 1980 г., в последующие годы показатели росли, и к 1986 г. снова стали на уровне 1980 г. Для динамики младенческой смертности по Туркменской ССР в этот период вообще характерна нестабильность показателей, колеблющихся около уровня 50 ‰. Самое низкое значение коэффициента младенческой смертности, достигнутое в Туркменской ССР в 80-е годы, было превышено в 1986 г. на 14 % и составило 58,2 ‰, что даже выше зафиксированного уровня 1980 г.

Для того, чтобы оценить изменение ситуации со смертностью детей первого года, попробуем сравнить распределение 28 экономически развитых стран и союзных республик по уровню младенческой смертности за 1975, 1980, 1986 гг. (рис. 2). В 1975 г. распределение рассматриваемой группы стран, как и распределение республик, было неоднородно. По странам показатели колебались от 8,6 до 39,9 ‰. Но в основном по уровню младенческой смертности страны попали в интервал 10—25 ‰ (23 из 28), а в четырех странах показатели были на уровне 30—40 ‰ (Венгрия, Португалия, Румыния, Югославия). Самыми наполненными оказались группы 10—15 и 15—20 ‰. Из наших союзных республик (табл. 3) в основную и самую многочисленную группу, т. е. в интервал менее 20 ‰, попали только 4 из 15, и 2 республики можно было бы отнести к интервалу 20—25 ‰, т. е. в эти два интервала попали республики с низким уровнем младенческой смертности. Средний уровень показателя в этих республиках был 20 ‰.

К 1980 г. в распределении стран по уровню младенческой смертности самой наполненной стала группа 10—15 ‰, т. е. в 60 % стран показатели были уже ниже 15 ‰. Из союзных

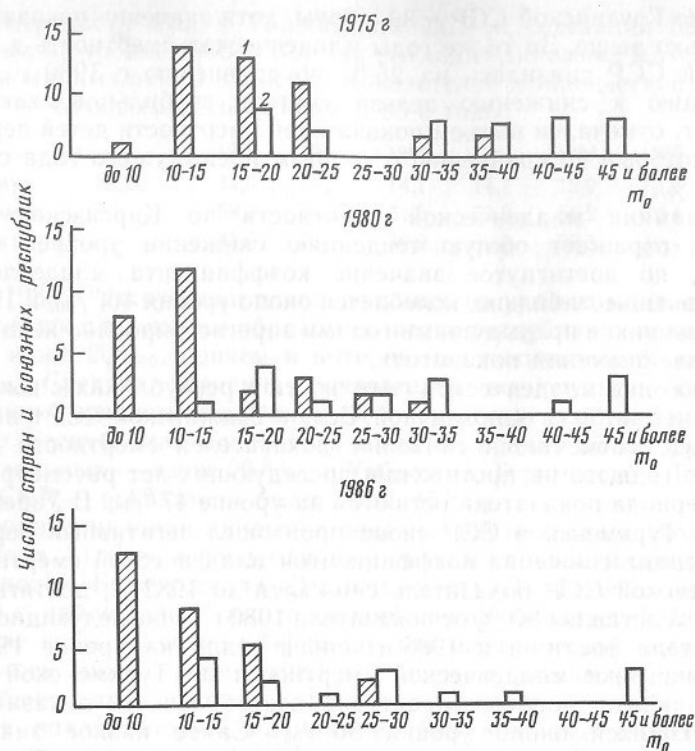

Рис. 2. Распределение стран и союзных республик по уровню младенческой смертности

1 — страны: Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, ГДР, Греция, Дания, Канада, Исландия, Испания, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, США, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехословакия, Швейцария, Швеция, Югославия, Япония. (Показатели по странам в основном за 1984 г.); 2 — союзные республики

республик в этот интервал можно было бы отнести только одну Литовскую ССР, причем коэффициент младенческой смертности был выше, чем в среднем по группе стран, попавших в этот интервал. Если в рассматриваемой группе стран, в 1975 г. разность между максимальным и минимальным значениями показателя составляла $31,3\text{‰}$, то к 1980 г. сократилась на 20 % и стала $25,6\text{‰}$, тогда как аналогичный показатель для союзных республик за 1975 г. был $62,5$, а к 1980 г. сократился до $58,1\text{‰}$.

К середине 80-х годов распределение 28 экономически развитых стран по уровню смертности детей первого года стало более компактным: уже 90 % показателей рассматриваемой группы стран было меньше 20‰ , причем в 13 странах показатели были ниже 10‰ , хотя средний уровень показателей по группе стран, попавших в интервал меньше 10‰ , остался практически без изменений по сравнению с 1980 г. и был около 8‰ . Арьергардную

группу составили только две страны — Югославия и Румыния, в которых показатели младенческой смертности были на уровне 29‰ , в эту же группу стран следовало бы отнести показатель по СССР в целом.

Сопоставляя окончательно сложившееся распределение экономически развитых стран и союзных республик по уровню младенческой смертности, следует отметить тот факт, что в самую многочисленную группу стран (интервал менее 10‰) не попала бы ни одна союзная республика, четыре республики (Литва, Латвия, Белоруссия, Украина) можно было бы отнести к интервалу $10\text{—}15\text{‰}$. Но средний уровень показателей по странам, попавшим в этот интервал, все же несколько ниже, чем по этой группе республик. Можно сделать вывод, что разрыв между экономически развитыми странами и союзными республиками увеличивается, так как более или менее активное сближение уровней с экономически развитыми странами происходит только в шести республиках. Распределение же остальных союзных республик по уровню младенческой смертности по отношению к рассматриваемой группе стран практически не изменилось за последнее время, что как раз является свидетельством увеличения различий.

Неизменность показателя по СССР в 80-е годы не отражает в данном случае стабильность и неизменность ситуации. Напротив, анализируя динамику младенческой смертности по союзным республикам, можно сделать вывод об ухудшении по сравнению с 1980 г. ситуации в области младенческой смертности в стране. Об этом свидетельствует, во-первых, нестабильность коэффициентов младенческой смертности практически во всех союзных республиках; во-вторых, рост показателей в некоторых республиках; в-третьих, усиление поляризации республик по уровню младенческой смертности к середине 80-х годов; в-четвертых, увеличение различий между экономически развитыми странами и союзными республиками по уровню показателя.

В данном случае недостаточно просто констатировать появление негативных тенденций, необходимо дать объяснение тому, является ли данная ситуация следствием улучшения учета или отражает повышение вероятности смерти детей первого года; можно ли ожидать, что ситуация в ближайшее время существенно изменится и мы в дальнейшем будем застрахованы от подъема показателей младенческой смертности.

Для этого необходимо обратиться к изучению более детальных характеристик младенческой смертности — таких, как возрастные интенсивности смерти в течение первого года жизни, распределение умерших до года детей по возрасту смерти и по причинам, и т. д. Изучение характеристик младенческой смертности во многом поможет ответить на поставленные вопросы. Из-за того, что вероятность смерти сильно различается в зависимости от возраста, принято рассматривать два периода: неонатальный (0—27 дней), постнеонатальный (от 28 дней до года), в рамках

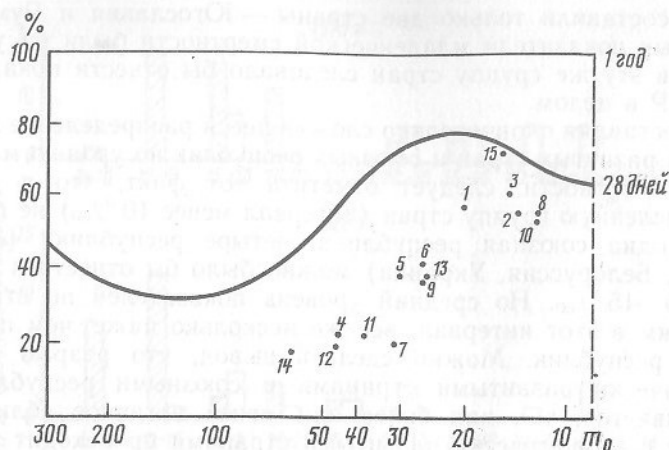

Рис. 3. Изменение возрастного распределения умерших до 1 года в зависимости от уровня младенческой смертности (полулогарифмическая шкала)

1 — РСФСР; 2 — Украинская ССР; 3 — Белорусская ССР; 4 — Узбекская ССР; 5 — Казахская ССР; 6 — Грузинская ССР; 7 — Азербайджанская ССР; 8 — Литовская ССР; 9 — Молдавская ССР; 10 — Латвийская ССР; 11 — Киргизская ССР; 12 — Таджикская ССР; 13 — Армянская ССР; 14 — Туркменская ССР; 15 — Эстонская ССР

неонатального периода выделяется еще ранний неонатальный период (0—6 дней). Такое деление первого года жизни на интервалы связано не только с различной интенсивностью смерти, но и с преобладающими в каждом из них причинами смерти.

Изменение возрастного распределения в зависимости от уровня младенческой смертности представлено на рис. 3 (подробнее см. сноску 4). Схема дает лишь общее представление о том, как менялось это распределение в ходе снижения смертности детей первого года жизни, причем наиболее заметно — в неонатальный период. Высокой младенческой смертности соответствует доля умерших детей (50—40 %) в первый месяц. По мере снижения смертности доля умерших в этом возрастном интервале сначала уменьшается примерно до 30 %, а затем снова начинает расти и при уровне младенческой смертности ниже 30 ‰ достигает 70—80 % т. е. большая часть детей, которые не дожили до года, умирают в первый месяц после своего рождения. Итак, главной особенностью изменений, происходящих в возрастном распределении умерших до года детей, является снижение доли умерших в неонатальный период в странах, достигших минимальных показателей младенческой смертности.

Всякое изменение возрастной структуры смертности вообще и младенческой в частности тесно связано с динамикой смертности по причинам. Изменение распределения умерших до года по возрасту смерти явилось результатом быстрого снижения экзогенной смертности — как неонатальной, так и постнеонатальной. По мере снижения смертности первого года соотношение случаев

смерти от экзогенных и эндогенных причин меняется в пользу эндогенных. Чем ниже уровень младенческой смертности, тем выше доля умерших в неонатальном возрасте, тем больше удельный вес случаев смерти от эндогенных причин.

Отметим прежде всего, что направление изменений детальных характеристик младенческой смертности по союзным республикам можно оценивать как положительное. Во всех республиках происходит повышение доли умерших в неонатальный период, а также снижение удельного веса умерших от экзогенных причин среди всех умерших до года (см. табл. 4, 5).

Попробуем соотнести удельный вес умерших в первые четыре недели с уровнем младенческой смертности по союзным республикам с общей схемой изменения этих характеристик (см. рис. 3). Хотя очевидно, что схема имеет достаточно условный характер, все же положение республик на схеме представляется достаточно показательным. Складывающаяся возрастная структура умерших детей до 1 года в республиках с низким уровнем младенческой смертности вписывается в общую схему, хотя все точки находятся под кривой изменений. Положение же остальных союзных республик на схеме изменения доли умерших в неонатальный период в зависимости от уровня младенческой смертности имеет существенные отклонения: для них характерен более низкий удельный вес умерших в возрасте до 28 дней.

Одним из объяснений отмеченных явлений может быть расхождение между учетными категориями «живорождение», «мертвоорождение» у нас в стране и в странах, принявших последние рекомендации ВОЗ в этой области. Это может привести к тому, что часть детей, которые, по определению ВОЗ, должны быть учтены как живорожденные, по установкам, принятым у нас в стране, будут учтены как мертворожденные и, следовательно, в показатель младенческой смертности не войдут. Это отчасти объясняет, что практически во всех республиках соотношение между показателями мертворождаемости и смертности на первой неделе завышено по сравнению с другими странами в пользу мертворождаемости (табл. 6). Хотя в 80-е годы наметилась общая тенденция выравнивания соотношения, в ряде случаев (Азербайджанская ССР, Таджикская ССР, Армянская ССР) показатель мертворождаемости в два раза превышает уровень смертности на первой неделе. Конечно, расхождение учетных категорий может вызвать искажение показателя неонатальной смертности и доли умерших в этом интервале возраста среди всех умерших до года. Однако в данном случае речь идет о достаточно малочисленной по отношению к остальным умершим до года группе новорожденных, которые умерли в первые мгновения своей жизни. Такое объяснение можно считать вполне достаточным для объяснения малой доли умерших в возрасте до 28 дней в республиках с низким уровнем младенческой смертности, но для остальных республик этого объяснения вряд ли достаточно.

Таблица 4. Динамика распределения умерших до 1 года детей по возрасту смерти, %

Республика, год	Доля умерших в возрасте				
	До 1 года	В том числе			
		до 7 дней	7—27 дней	старше 28 дней	
СССР	1980	100,0	22,2	9,4	68,5
	1986	100,0	31,0	10,0	59,0
РСФСР	1980	100,0	31,0	10,9	58,1
	1986	100,0	45,4	11,5	43,1
Украинская ССР	1980	100,0	29,4	9,6	61,0
	1986	100,0	41,2	12,8	46,0
Белорусская ССР	1980	100,0	37,6	10,7	51,7
	1986	100,0	45,6	12,9	41,5
Узбекская ССР	1980	100,0	13,1	9,4	77,5
	1986	100,0	17,9	9,3	72,8
Казахская ССР	1980	100,0	17,0	8,1	74,9
	1986	100,0	29,1	10,1	60,8
Грузинская ССР	1980	100,0	23,2	7,3	69,5
	1986	100,0	32,0	11,7	56,3
Азербайджанская ССР	1980	100,0	11,1	5,8	83,1
	1986	100,0	16,9	3,0	80,1
Литовская ССР	1980	100,0	32,7	10,2	57,1
	1986	100,0	42,3	15,5	42,2
Молдавская ССР	1980	100,0	21,4	8,4	70,2
	1986	100,0	32,8	11,1	56,1
Латвийская ССР	1980	100,0	28,8	19,1	52,1
	1986	100,0	38,4	15,1	46,5
Киргизская ССР	1980	100,0	10,1	8,2	81,7
	1986	100,0	16,5	7,8	75,7
Таджикская ССР	1980	100,0	9,3	7,8	82,9
	1986	100,0	14,6	6,1	79,3
Армянская ССР	1980	100,0	21,2	7,9	70,9
	1986	100,0	28,6	8,1	63,3
Туркменская ССР	1980	100,0	9,1	4,7	86,2
	1986	100,0	13,5	7,5	79,0
Эстонская ССР	1980	100,0	42,8	12,7	44,5
	1986	100,0	57,8	12,3	29,9

Таблица 5. Коэффициенты младенческой смертности от экзогенных причин

СССР и союзная республика	Коэффициент экзогенной смертности, ‰			Доля умерших от экзогенных причин в общем числе умерших до 1 года, %		
	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.
	СССР	15,4	14,6	13,4	60	56
РСФСР	9,5	8,3	6,6	46	40	34
Украинская ССР	6,0	5,3	4,2	38	34	28
Белорусская ССР	5,9	5,2	4,0	39	36	30
Узбекская ССР	34,0	33,2	32,7	75	73	71
Казахская ССР	21,4	19,6	16,9	70	65	58
Грузинская ССР	16,0	15,1	15,5	67	63	61
Азербайджанская ССР	22,5	21,3	22,5	74	73	74
Литовская ССР	4,3	3,6	2,4	32	26	21
Молдавская ССР	19,6	17,3	13,5	60	56	51
Латвийская ССР	4,0	3,5	3,4	31	27	26
Киргизская ССР	33,8	34,1	29,2	83	81	77
Таджикская ССР	39,0	35,8	35,0	79	76	77
Армянская ССР	15,1	16,0	14,6	63	65	61
Туркменская ССР	42,1	42,5	45,0	82	81	77
Эстонская ССР	2,8	3,0	3,0	21	22	19

Рассчитано по: Население СССР, 1987. С. 400—407.

Другое, более вероятное объяснение существенных несоответствий между долей умерших в первые четыре недели и уровнем младенческой смертности связано с недоучетом смертности детей раннего детского возраста. Если при несопадении учетных категорий показатель младенческой смертности и искажается, совокупные потери детей раннего возраста все же находят свое отражение в показателе перинатальной смертности. В случае недоучета смертей первого года жизни показатели младенческой смертности перестают отражать ситуацию адекватно.

Поясним, почему мы считаем несоответствие между этими показателями по ряду союзных республик существенным. Важнейшая особенность первого года жизни состоит в том, что вероятность смерти тем выше, чем меньше возраст ребенка. Особенность дифференциации по возрастных показателей по республикам состоит в том, что вероятность смерти детей раннего возраста и показатели перинатальной смертности варьируют значительно меньше, чем показатели смертности в возрастах старше 28 дней. Можно было бы оспаривать тезис о том, что смертность на первой неделе не должна была бы сильно зависеть от уровня младенческой смертности, так как первую неделю жизни новорожденные проводят в родильных домах под присмотром медицинского персонала. Хотя не подлежит сомнению тот факт, что уровень развития здравоохранения, особенно сферы родовспоможения, существенно различается в городе и селе

Таблица 6. Динамика перинатальной смертности * по союзным республикам, ‰/100

Союзная республика	1980 г.			
	Коэффициент перинатальной смертности			Соотношение мертворожденных и умерших в возрасте до 7 дней
	Всего	Мертворожденные	Умерло в возрасте до 7 дней	
СССР	15,1	9,1	6,0	1,52
РСФСР	15,8	9,0	6,8	1,32
Украинская ССР	14,5	9,7	4,8	2,00
Белорусская ССР	14,5	8,5	6,0	1,42
Узбекская ССР	15,2	9,1	6,1	1,49
Казахская ССР	13,9	8,4	5,5	1,52
Грузинская ССР	14,5	6,7	5,8	1,16
Азербайджанская ССР	12,5	9,2	3,3	2,78
Литовская ССР	11,2	6,5	4,7	1,38
Молдавская ССР	18,1	10,7	7,4	1,44
Латвийская ССР	10,0	5,6	4,4	1,27
Киргизская ССР	11,5	7,2	4,3	1,67
Таджикская ССР	17,5	12,2	5,3	2,30
Армянская ССР	14,9	9,4	5,5	1,71
Туркменская ССР	13,1	8,3	4,8	1,72
Эстонская ССР	16,0	8,8	7,2	1,22

Союзная республика	1986 г.			
	Коэффициент перинатальной смертности			Соотношение мертворожденных и умерших в возрасте до 7 дней
	Всего	Мертворожденные	Умерло в возрасте до 7 дней	
СССР	17,6	9,9	7,7	1,28
РСФСР	18,2	9,6	8,6	1,11
Украинская ССР	15,8	9,8	6,0	1,63
Белорусская ССР	13,4	7,4	6,0	1,23
Узбекская ССР	19,0	11,0	8,0	1,37
Казахская ССР	18,6	10,3	8,3	1,24
Грузинская ССР	17,0	8,9	8,1	1,10
Азербайджанская ССР	14,7	9,7	5,0	1,94
Литовская ССР	11,8	7,0	4,8	1,46
Молдавская ССР	17,0	8,5	8,5	1,00
Латвийская ССР	11,0	6,1	4,9	1,24
Киргизская ССР	14,7	8,6	6,1	1,41
Таджикская ССР	20,3	13,8	6,5	2,12
Армянская ССР	18,8	12,1	6,7	1,81
Туркменская ССР	19,8	12,2	7,6	1,60
Эстонская ССР	18,4	9,3	9,1	1,02

* Число умерших в перинатальный период на число родившихся живыми и мертвыми. Источник. Население СССР, 1987. С. 349.

по союзным республикам. Гораздо сложнее объяснить то, что дифференциация неонатальной смертности по союзным республикам существенно меньше по сравнению с постнеонатальной. Ведь на протяжении неонатального периода, за исключением первой недели, ребенок находится в семье, а возможность получения медицинской помощи при этом не зависит от возраста.

Сопоставим в качестве примера возрастные вероятности смерти в рамках первого года жизни по Азербайджанской ССР с аналогичными показателями по Литовской ССР, где достигнуты минимальные значения младенческой смертности по стране. Для возрастных интервалов 0—7, 7—27 и старше 27 дней вероятность смерти в Азербайджанской ССР соответственно равна, в 2 раза ниже и в пять раз выше, чем в Литовской ССР, при общем соотношении смертности первого года жизни 1:1,5. Удельный вес умерших до года от экзогенных причин в Азербайджанской ССР составляет более 70 %, а вероятность смерти от этих причин в 10 раз выше аналогичного показателя по Литовской ССР. Можно предположить, что показатель неонатальной смертности по Азербайджанской ССР занижен, особенно в возрастном интервале 7—27 дней, и не отражает объективно ситуацию с младенческой смертностью.

Давая оценку перспективам изменения ситуации с младенческой смертностью, следует учитывать прежде всего, что неизменность уровня показателя по СССР в 80-е годы не является отражением стабилизации ситуации с младенческой смертностью у нас в стране. Об ухудшении ситуации в середине 80-х годов свидетельствует, во-первых, усиление поляризации республик; во-вторых, нестабильность и некоторый рост показателей в отдельных республиках, в-третьих, увеличение различий между республиками и экономически развитыми странами. Но в данном случае было бы правильнее говорить не об ухудшении ситуации с младенческой смертностью, а о том, что показатели стали более адекватно по сравнению с предыдущим периодом отражать ситуацию со смертностью детей первого года.

По нашему мнению, нельзя ожидать коренного изменения ситуации в ближайшее время, скорее будет происходить поляризация республик, чем сближение уровней. В республиках с высоким уровнем младенческой смертности процесс ее снижения идет параллельно с улучшением учета, поэтому в лучшем случае это приведет к стабильности или незначительному снижению коэффициентов, если же произойдет резкое улучшение качества учета случаев смерти на первом году в этих республиках, то возможен некоторый рост показателей. Это прежде всего найдет отражение в росте показателей неонатальной и ранней неонатальной смертности, что приведет к росту доли умерших в этом интервале возраста в республиках с высоким уровнем младенческой смертности.

Особенность неонатальной смертности состоит в том, что она значительно труднее поддается снижению. По мере сокращения

младенческой смертности доля умерших в неонатальный период увеличивается пропорционально снижению коэффициента младенческой смертности. При этом соотношение причин смерти меняется в пользу эндогенных. Это одна из причин, объясняющая, почему не может произойти очень быстрого положительного изменения ситуации.

В 80-е годы наметилась негативная тенденция в динамике ранней неонатальной, перинатальной смертности и мертворождаемости практически во всех республиках, за исключением Белорусской ССР и Молдавской ССР. Если в республиках с высоким уровнем младенческой смертности это можно связать с улучшением регистрации случаев смерти, то повышение этих показателей в республиках, где смертность детей на первом году жизни существенно ниже, скорее всего отражает ситуацию, которая сложилась у нас в стране с родовспоможением. Следовательно, дальнейшая динамика младенческой смертности в стране будет в основном определяться сокращением экзогенной смертности в постнеонатальном периоде. Удельный вес экзогенных причин смерти среди причин смерти первого года жизни остается достаточно высоким и колеблется от 20—30 % в республиках с низким уровнем младенческой смертности и почти до 80 % в республиках с высоким уровнем. Там, где снижение младенческой смертности происходило длительный период времени, сначала снижалась экзогенная неонатальная смертность, потом экзогенная смертность первого года при преимущественном снижении постнеонатальной, достижение же современных минимальных показателей связано с тем, что началось снижение эндогенной смертности. Для того чтобы выйти на этот уровень у нас в стране в ближайшее время, необходимо, чтобы были сформированы условия для одновременного ограничения как экзогенного, так и эндогенного компонентов младенческой смертности.

¹ *Sunderland R., Gardner A., Gordon R.* Why did post neonatal mortality rates fall in the 1970's? // *Journal of Epidemiology and Community Health.* 1986. Vol. 40. P. 228—231.

² *Население Советской Латвии.* Рига, 1986. С. 185.

³ *Дмитриева Р. М., Андреев Е. М.* О средней продолжительности жизни населения СССР // *Вестн. статистики.* 1986. № 12. С. 36.

⁴ *Ксенофонтова Н. Ю.* Закономерности изменения дожития в детских возрастах // *Методология демографического прогноза.* М., 1988. С. 141.

ЭВОЛЮЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ СССР

В. А. Бирюков

Приблизительно с начала XIX в. в новую фазу вступает важный социально-экономический процесс урбанизации. В целом причины этого явления могут быть объяснены следующим образом: «С развитием капитализма объективная необходимость концентрации и интеграции разнообразных форм и видов материальной и духовной деятельности явилась причиной усиления процесса урбанизации, возрастания концентрации населения в городах»¹. Остановимся подробнее на сущности урбанизации и взаимосвязи двух процессов — демографического перехода в области смертности и процесса урбанизации.

Урбанизация как социально-экономический процесс не просто сопутствует демографическому переходу, но находится с ним в тесной связи. Она оказывает существенное влияние на изменение уровней рождаемости, брачности, на формирование половозрастной и профессиональной структуры городского и сельского населения. В настоящее время эти связи в определенной мере уже исследованы. Установлено, в частности, что уровни рождаемости в городах, и особенно в крупнейших, как правило, существенно ниже, а разводимости — выше, чем в сельской местности.

В ходе изучения продолжительности жизни рассматривались особенности смертности в отдельных городах, анализировались различия в характеристиках смертности между городским и сельским населением в целом, предпринимались попытки изучения смертности городского населения в зависимости от величины (плотности) городов. Однако связь демографического перехода в области смертности с процессом урбанизации, особенностями, присущими отдельным этапам его развития, до настоящего времени остается малоисследованной. Между тем связь эта далеко не однозначна. Например, такое следствие урбанизации, как высокая плотность городского населения, оказывается фактором роста заболеваемости и смертности от инфекционных заболеваний лишь при плохих жилищно-бытовых условиях, при полном отсутствии или недостаточном развитии средств коммунальной гигиены, низком общем уровне санитарной культуры населения.

Насыщенность автотранспортом, рост интенсивности уличного движения, характерные для современных крупных городов, являются естественным результатом разрастания городских территорий. Однако наряду с несомненно прогрессивной ролью городского автотранспорта как важного элемента городской инфраструктуры нужно отметить, что если его развитие не сопровождается комплексом соответствующих мер по обеспечению

безопасности дорожного движения, созданием эффективно действующих специализированных служб скорой медицинской помощи, то оно ведет, например, к росту травматизма и смертности в результате автодорожных несчастных случаев.

На определенных стадиях процесс урбанизации вызывает к жизни негативные факторы, оказывающие отрицательное воздействие на состояние здоровья и уровень смертности, в первую очередь городского населения; он порождает ряд проблем, которые в сельской местности в столь острой форме не стоят (необходимость централизованного водоснабжения, канализации, утилизации отходов, загрязнение окружающей среды и прочие проблемы, решение которых необходимо для противодействия росту заболеваемости и смертности в городах).

В то же время урбанизация несет с собой новые возможности социального контроля над смертностью, создает ряд позитивных факторов, влияние которых на смертность часто гораздо шире, чем просто нейтрализация действия негативных факторов. К таким факторам относятся, например, специализированная медицинская помощь, создание новых видов медицинского оборудования, разработка прогрессивных методов лечения и диагностики и другие, появление которых было бы невозможно без высокоразвитой городской информационной, социальной и производственной инфраструктуры, а также комплекс важных элементов специфической городской культуры, который реализуется в сознательном применении населением этих достижений в целях сохранения своего здоровья.

Таким образом, можно сделать вывод, что характеристики смертности городского населения складываются под влиянием комплексного разнонаправленного действия негативных и позитивных факторов. Различные их сочетания обуславливают как уровни, так и основные особенности смертности городского населения, в том числе возрастные характеристики смертности и структуру причин смерти. Существенное влияние на особенности смертности городского населения оказывает также величина потока мигрантов, их возрастано-половой состав, а также проблемы, возникающие в ходе адаптации в городах мигрантов-выходцев из сельской местности.

На ранних этапах урбанизации (XVIII—первая половина XIX в.) в детерминации уровней смертности городского населения европейских стран доминировали факторы негативного характера. При этом уровни смертности в крупнейших городах были выше, чем в средних и мелких.

В XIX в. в наиболее развитых странах Европы и США процесс урбанизации вступает в качественно новую фазу, характеризующуюся усиленной концентрацией населения в больших городах. Прогресс медицинской науки в целом и социальной гигиены в частности уже в это время сделал возможной борьбу с чрезвычайно неблагоприятными условиями жизни городского населения. В начале XIX в. сначала в Англии, а затем и в ряде

других европейских стран и США начали проводиться мероприятия, направленные на совершенствование санитарно-бытовых условий жизни городского населения: кардинальное улучшение водоснабжения, строительство канализационных и очистных сооружений; некоторое улучшение жилищно-бытовых условий и др.² В связи с этим резко снизилась смертность от инфекционных заболеваний, таких, как брюшной тиф, дизентерия, и прочих желудочно-кишечных заболеваний инфекционной этиологии. Эти изменения в области смертности знаменовали собой наступление первой фазы демографического перехода.

С изменением соотношений негативных и позитивных факторов менялись и особенности смертности городского населения. Так, хотя в этот период шло сокращение смертности и городского и сельского населения, в городе этот процесс шел более быстрыми темпами, причем здесь лидировали именно крупнейшие города. К началу XX в. разрыв между уровнями смертности в малых, средних и больших городах существенно сократился³.

Сравнительный анализ особенностей динамики смертности городского и сельского населения России на протяжении XIX в. и особенно в пореформенный период (как более богатый статистическими данными о смертности) позволяет сделать вывод о том, что в России в целом имели место те же закономерности и тенденции смертности, что и в странах Западной Европы и США.

Показатели смертности в городах и сельской местности являлись результатом более значительного снижения смертности городского населения по сравнению с сельским, однако в конце XIX—начале XX в. она все еще оставалась выше смертности сельского населения. При относительно одинаковых уровнях младенческой смертности смертность в возрасте 1—9 лет в городах была все же более низкой, чем в сельской местности. Это объяснялось более высокой среди сельских детей смертностью от четырех ведущих в то время причин детской смертности: кори, дифтерии, скарлатины и коклюша. Применявшиеся в городах противоэпидемические меры обеспечивали меньшую заболеваемость, а рациональный уход и лечение — меньшую летальность среди заболевших городских детей по сравнению с сельскими. Однако в остальных возрастных группах смертность среди городского населения существенно превышала смертность сельского. Максимум превышения смертности у мужчин в городах по сравнению с сельской местностью приходился на группу возрастов от 30 до 64 лет — возраста наибольшей рабочей активности. У женщин превышение городской смертности над сельской в этой группе возрастов было гораздо менее значительным.

Ожидаемая продолжительность жизни у мужчин в городах Европейской России в это время была на 3,7 года, а у женщин — на 1,0 год меньше, чем в сельской местности⁴.

Наряду с более высокой профессиональной смертностью городских мужчин по сравнению с женщинами важную роль, по-видимому, играл алкоголизм. Так, С. А. Новосельский и В. В.

Паевский отмечали: «...важным фактором, способствующим повышению смертности мужского населения в городах, является алкоголизм. В Ленинграде в довоенные годы алкоголизм был чрезмерно развит и притом в наиболее уродливых формах, отчасти благодаря потреблению алкоголя преимущественно в концентрированном виде, в виде наиболее вредного алкогольного напитка — водки»⁵. То же самое, по-видимому, имело место и в других городах. Условия производственной деятельности в совокупности с тяжелыми условиями быта и широким распространением алкоголизма резко подрывали здоровье мужчин в рабочих возрастах и делали их легко доступной жертвой широкого спектра экзогенных причин смерти, среди которых важную роль играли инфекционные заболевания и туберкулез.

Таким образом, в конце XIX—начале XX в. смертность городского населения России была еще очень высока и существенно превышала смертность сельского населения, причем наибольшее превышение отмечалось в трудоспособных возрастах (30—64 года). Вместе с этим уровень смертности в детских возрастах (1—9 лет) был выше в сельской местности, что было связано с более высокой там смертностью от кори, скарлатины, дифтерии и коклюша. Имели место и большие региональные различия в соотношениях смертности городского и сельского населения. Так, если самое большое превышение смертности городского населения над смертностью сельского отмечалось в Эстляндской и Лифляндской губерниях, то в Могилевской, Гродненской, Витебской и Смоленской губерниях, напротив, общие коэффициенты смертности в сельской местности были на 40 % и более выше, чем в городской.

Между отдельными городами также существовали большие различия в уровнях смертности. Так, например, уровень ожидаемой продолжительности жизни в Риге был у мужчин выше, чем в Москве, на 10,2 года, а у женщин — на 12 лет (табл. 1).

За кратковременный период — с 1880—1881 г. по 1910—1911 г. ожидаемая продолжительность жизни населения Петербурга увеличилась с 22,0 лет до 34,3 года⁶. Аналогичные тенденции смертности наблюдались и в ряде других крупнейших городов России. Этот процесс в городском населении России в конце XIX—начале

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни (лет) в семи больших городах России, 1896—1897 гг.

Город	Мужчины	Женщины	Город	Мужчины	Женщины
Петербург	25,4	31,4	Одесса	32,7	37,4
Москва	23,0	26,7	Харьков	32,7	36,1
Киев	28,7	32,6	Саратов	24,2	29,4
			Рига	33,2	38,7

Источники: Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960. С. 341, 342.

XX в. в целом шел более быстрыми темпами, чем сельском. Наибольшие размеры сокращения смертности в этот период отмечались в крупнейших городах и были, по-видимому, связаны с тем, что именно здесь в первую очередь, хотя и в ограниченных масштабах, начали проводиться мероприятия, направленные на улучшение санитарно-бытовых условий жизни городского населения.

Первые послереволюционные годы в нашей стране протекали в чрезвычайно сложных условиях: хозяйственная разруха, гражданская война, иностранная интервенция привели к значительному ухудшению условий жизни населения. В ряде больших городов Центральной России имели место значительные трудности в снабжении населения продовольствием, медикаментами, топливом, предметами первой необходимости, вышли из строя системы канализации и водоснабжения. Эти негативные факторы не могли не отразиться на здоровье населения. Так, на основании данных по Ленинграду можно видеть, что уровень ожидаемой продолжительности жизни в 1920 г. был значительно ниже, чем в 1910—1911 гг. и в 1923 г. (табл. 2).

В известной мере это было связано с тем, что в 1920 г. уровень смертности от туберкулеза был выше, чем в 1923 г., в два раза, и от брюшного тифа — более чем в три раза. Временный подъем смертности от этих двух причин, всегда служивших хорошими индикаторами уровня санитарно-гигиенических условий жизни населения и в определенной степени связанных с характером питания, говорит о весьма неблагоприятных условиях, существовавших в Ленинграде в первые послевоенные годы. Восстановление экономики страны, разрушенной в ходе первой мировой и гражданской войн, заложило основу улучшения условий жизни народа. Большое значение для улучшения здоровья населения и снижения смертности сыграли такие меры советского правительства, как организация народного комиссариата здравоохранения, принятие и проведение в жизнь ряда неотложных мер, направленных на борьбу с эпидемическими заболеваниями, охрану материнства и детства, перераспределение жилого фонда страны и т. д. Уже в 1927 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин превысила уровень 1897 г. на 10,6 года и женщин — на 13,4.

Магистральная тенденция динамики смертности городского и сельского населения страны за послереволюционный период заключалась в быстром и беспрецедентном по масштабам увеличении продолжительности жизни⁷. Однако, хотя по СССР в целом за первые годы советской власти были достигнуты значительные

Таблица 2. Ожидаемая продолжительность жизни населения Ленинграда в 1910—1911, 1920 и 1923 гг., лет

Год	Мужчины	Женщины
1910—1911	31,0	38,2
1920	20,5	26,3
1923	41,0	48,4

Источники: Новосельский С. А., Паевский В. В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910—1911, 1920 и 1923 гг. С. 159, 163.

успехи в снижении смертности, в региональном разрезе существовали большие различия в уровнях смертности городского и сельского населения. Так, в 1926 г. в целом ряде крупных регионов страны уровни смертности городского населения были существенно ниже, чем для всего населения региона. Наиболее высокие уровни ожидаемой продолжительности жизни городского населения отмечались у мужчин и женщин в Белорусской ССР и Украинской ССР; самые низкие — в Башкирской АССР, Уральской области и Сибирском крае. Сравнение регионов с минимальными и максимальными уровнями ожидаемой продолжительности жизни показывает, что в этот период времени различия составляли более 15 лет.

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении городского населения некоторых регионов СССР, 1926—1927 гг., лет

Население	Белорусская ССР	Украинская ССР	Сибирский край	Уральская область	Башкирская АССР
Мужчины	51,3	48,4	34,9	34,5	34,9
Женщины	55,9	54,1	40,6	41,2	40,6

Источники. Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927 гг. Таблицы смертности. М.; Л., 1930. С. 16, 22, 86, 92, 136.

Оценки ожидаемой продолжительности жизни населения отдельных городов нашей страны, приуроченные к переписи населения 1939 г., позволяют сделать вывод, что в предвоенный период значительные различия в смертности городского населения СССР еще продолжали сохраняться. Так, по таблицам смертности 1938—1939 гг. ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла в Днепропетровске 52,5 года, а в Уфе — 37,1 года; у женщин этот показатель составлял соответственно 58,6 и 43,9 года⁸.

О весьма высокой младенческой смертности, существовавшей в некоторых городах в предвоенный период, можно судить на примере данных по городу Перми. Структура смертности населения Перми в этот период свидетельствовала об очень высокой доле умерших от экзогенных причин смерти. По данным М. Я. Подлужной и С. П. Шиловой, на долю экзогенных причин (инфекционные болезни, болезни органов дыхания и пищеварения) приходилось в 1939 г. 62,8 % всех смертей, тогда как на долю болезней системы кровообращения — 8,6 %, новообразований — 3,2 %⁹.

За период с 1939 по 1959 г., несмотря на тяжелейшие последствия войны, повлекшие колоссальные людские потери как среди военнослужащих, так и среди мирного населения, средняя продолжительность жизни в СССР выросла более чем на 20 лет. Это явилось в значительной мере результатом внедрения в медицинскую практику сульфамидных препаратов, пенициллина и других антибиотиков, получивших широкое распространение в после-

военный период. Появился ряд новых лекарственных препаратов для лечения заболеваний неинфекционной этиологии. Достижения в области хирургии, ранней диагностики, радиологии в большой мере способствовали значительному сокращению смертности в этот период. Получая первоначальное распространение в городах, эти достижения затем охватывали и сельское население.

Продолжительность жизни городского населения за эти два десятилетия росла более высокими темпами, однако вплоть до 1970 г. она была ниже, чем у сельского населения.

В период с середины 60-х до конца 70-х годов в смертности населения страны проявились определенные негативные тенденции. В значительной степени они были, по-видимому, связаны с застойными явлениями в социально-экономической сфере. За этот период средняя продолжительность жизни городского населения снизилась на 2,5 года у мужчин и на 0,3 года у женщин¹⁰; ухудшились характеристики дожития в трудоспособных и пожилых возрастах.

Эти изменения городского населения в основном были связаны с ростом смертности от травматизма (особенно у мужчин) и болезней системы кровообращения и в меньшей степени от болезней органов пищеварения. Доля умирающих от несчастных случаев, отравлений и травм несколько увеличилась. При этом происходило омоложение смертности мужчин и женщин (снижение среднего возраста смерти) от таких причин смерти, как болезни системы кровообращения, болезни органов пищеварения, болезни органов дыхания, инфекционные и паразитарные заболевания.

Доля умирающих от трех последних причин смерти — заболеваний преимущественно экзогенной этиологии, связанных с внешними воздействиями на человеческий организм, на протяжении 70-х годов продолжала снижаться. Последнее свидетельствует о том, что демографический переход в области смертности развивался и в эти годы, хотя и с известными отклонениями от основного направления.

Углубленное изучение особенностей смертности городского населения требует проведения специального демографического исследования, на некоторых существенных методических аспектах которого остановимся подробнее.

Среди возможных демографических подходов к анализу влияния урбанизации на смертность сегодня наибольшее распространение имеют следующие: монографический, на основе анализа смертности отдельных, как правило, неблагополучных городов (на фоне смертности всего городского населения); на основе группировки всей совокупности городов по экономическим или демографическим признакам, в частности по численности населения; метод проблемной группировки городов по общему уровню смертности или от отдельных причин, или в отдельных возрастных группах. Поскольку более крупные города, как правило, полифункциональны, а функциональный тип может быть точно определен лишь в малом числе случаев, то второй подход может быть реали-

зован лишь в виде группировки городов по численности, быть может, с выделением некоторых дополнительных характеристик.

Важную роль в изучении смертности играет адекватное представление о взаимосвязи причин и факторов смертности. Современные классификации болезней, травм и причин смерти не обеспечивают, однако, однозначного перехода к факторам смертности. В рамках исследований, проведенных в Отделе демографии НИИ Госкомстата СССР, был сформулирован следующий подход к классификации факторов смертности: эндогенные — онтобиологические, квазиэндогенные — экзогенные, аккумулирующиеся в организме воздействия, чисто экзогенные — факторы непосредственного действия, уровень смертности под действием которых все же зависит от состояния здоровья; экзогенные воздействия — универсально опасные для всех живущих. Влияние перечисленных факторов на уровень смертности можно оценить на основе следующей группировки причин. Экзогенные универсально опасные воздействия сегодня могут быть оценены через уровень смертности от несчастных случаев, отравлений и травм (в прошлом в эту же группу следовало бы включить, например, и особо опасные инфекции). Остальные экзогенные воздействия могут быть проанализированы через смертность от инфекционных заболеваний, болезней органов дыхания и пищеварения. Наконец, о сложившемся уровне здоровья позволяет судить уровень смертности под влиянием эндогенных и квазиэндогенных факторов (их действие не удается разделить на основе данных статистики смертности), который оценивается через уровень смертности от болезней системы кровообращения, новообразований и всех не упомянутых выше классов причин смерти¹¹. Анализ данных советской и зарубежной статистики смертности свидетельствует о том, что, несмотря на известную условность группировки причин смерти, такой подход весьма эффективен при изучении смертности, отражает ее социальную, территориальную и межстрановую дифференциацию и историческую динамику, а значит, может быть применен к анализу смертности в городских поселениях. Для краткости в дальнейшем выделенные группы причин смерти будем именовать: «несчастные случаи», «экзогенные причины смерти», «эндогенные и квазиэндогенные причины смерти».

Исходя из изложенной концепции, историческая эволюция смертности описывается как сокращение смертности от экзогенных причин смерти при некотором ее росте от квазиэндогенных причин и практически неизменной смертности от несчастных случаев. Именно это и составляет основное содержание демографического перехода в области смертности.

Объектом специального демографического исследования смертности городского населения СССР служили города — областные, краевые, республиканские центры, имевшие в 1979 г. население 100 тыс. человек и более. По каждому из городов этой совокупности были рассчитаны стандартизованные коэффициенты смертности и таблицы смертности за 1970 и 1979 гг. с выделением трех

основных групп причин смерти: эндогенные и квазиэндогенные; экзогенные; несчастные случаи. Кроме этого, таблицы смертности по причинам были получены индивидуально для каждого указанного города, что позволило при первом приближении представить себе географические особенности смертности для городского населения СССР. Так, уровни смертности, измеренные при помощи показателей ожидаемой продолжительности жизни, снижались в направлении с северо-востока на юго-запад. Это сопровождалось заметными изменениями в структуре причин смерти. Так, в городах северо-восточной части страны доля умерших от экзогенных причин смерти и несчастных случаев была заметно выше, а доля эндогенных причин соответственно ниже, чем в городах юго-западной части. Средний возраст смерти как от экзогенных, так и от эндогенных причин также увеличивался в направлении с северо-востока на юго-запад.

Подход к анализу смертности на основе группировки городов по величине нашел свое выражение в серии таблиц смертности за 1970 и 1979 гг., дифференцированных по трем агрегированным группам причин смерти. Таблицы были получены суммарно в пределах укрупненных демографических регионов: РСФСР, республики европейской части СССР (без РСФСР) — Европейский регион, республики Средней Азии и Казахстан — Азиатский регион; для групп городов с численностью населения 100—249, 250—499, 500 тыс. человек и более.

Анализ показал, что в каждом из трех укрупненных регионов страны вероятность смерти (на протяжении всей жизни) от экзогенных причин была наиболее высокой в городах с населением 100—249 тыс. человек, уменьшаясь при переходе к городам большей величины.

Вероятность смерти от несчастных случаев по группам городов разной величины изменялась в том же направлении, что и от экзогенных причин, а средние возраста смерти от этих причин варьировали незначительно (табл. 4 и 5).

В анализе применялись полученные в ходе расчета таблиц смертности параметры линейной аппроксимации кривых смертности, интерпретируемые как характеристики уровня (параметр «а») и формы (параметр «b») анализируемых кривых¹². Известно, что более развитым стадиям демографического перехода соответствует более прогрессивная, современная форма кривых смертности, отличающаяся низкой младенческой смертностью и относительно более высокой смертностью в старших возрастах.

Проведенный на основе параметров линейной аппроксимации анализ кривых смертности выявил существенные различия в стадиях демографического перехода между группами городов разной величины. При этом для городского населения как СССР в целом, так и для укрупненных регионов страны (РСФСР, республики европейской части СССР, республики Средней Азии и Казахстан) степень завершенности этого процесса последовательно возрастает по мере перехода от городов меньшей величины к группам городов

Таблица 4. Вероятность смерти от основных причин смерти по группам городов разной величины, 1979 г., ‰

Группа городов с числом жителей, тыс. человек	Мужчины			Женщины		
	Экзогенные причины	Эндогенные причины	Несчастные случаи, отравления и травмы	Экзогенные причины	Эндогенные причины	Несчастные случаи, отравления и травмы
РСФСР						
100—249	145	703	152	96	847	57
250—499	132	712	156	79	871	50
500 и более	115	755	130	74	878	48
Европейский регион						
100—249	127	780	93	81	887	32
250—499	119	776	105	74	889	37
500 и более	118	787	95	71	892	37
Азиатский регион						
100—249	205	671	124	155	802	43
250—499	188	679	133	120	829	51
500 и более	166	718	116	109	843	48

большей величины, о чем свидетельствует четко прослеживаемая эволюция уровня и формы кривых смертности (табл. 6).

На рис. 1 приведен график возрастных вероятностей смерти двух городов СССР: Намангана и Пензы. Значения комплексной характеристики смертности — показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении — у мужчин этих городов в 1979 г.

Таблица 5. Средний ожидаемый возраст смерти от основных причин смерти в группах городов разной величины, 1979 г., лет

Группа городов с числом жителей, тыс. человек	Мужчины			Женщины		
	Экзогенные причины	Эндогенные причины	Несчастные случаи, отравления и травмы	Экзогенные причины	Эндогенные причины	Несчастные случаи, отравления и травмы
РСФСР						
100—249	57,7	67,0	46,0	64,3	74,7	55,6
250—499	59,0	67,4	46,2	64,0	75,1	55,3
500 и более	57,0	67,3	45,0	62,3	74,7	57,7
Европейский регион						
100—249	61,2	69,7	48,7	65,4	75,3	58,4
250—499	61,3	70,1	47,1	65,4	75,8	57,8
500 и более	60,2	69,5	47,4	63,7	75,1	58,7
Азиатский регион						
100—249	55,1	67,4	44,9	58,5	74,4	54,1
250—499	53,2	67,3	47,6	55,0	74,6	54,4
500 и более	55,2	67,4	46,7	59,9	74,6	55,8

Таблица 6. Параметры линейной аппроксимации кривых смертности по группам городов разной величины укрупненных регионов СССР, 1979 г.

Группа городов с числом жителей, тыс. человек	Мужчины		Женщины	
	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>a</i>	<i>b</i>
РСФСР				
До 100	155,230	0,463	51,421	0,512
100—249	107,435	1,016	36,025	0,713
250—499	106,334	1,075	36,874	0,698
500 и более	104,165	0,976	37,015	0,690
Европейский регион				
До 100	115,664	0,555	36,906	0,624
100—249	78,738	0,864	30,361	0,671
250—499	82,087	1,018	32,049	0,720
500 и более	64,800	1,158	42,296	0,559
Азиатский регион				
До 100	170,152	-0,493	105,021	-0,556
100—249	139,292	0,211	76,473	0,054
250—499	134,486	0,342	72,170	0,117
500 и более	107,539	1,018	50,314	0,626
СССР				
До 100	149,027	0,302	57,418	0,356
100—249	106,830	0,784	42,920	0,558
250—499	104,128	0,944	40,549	0,621
500 и более	94,188	1,025	39,912	0,644

были одинаковы. В то же время параметры линейной аппроксимации кривых смертности «*a*», «*b*» здесь кардинально различаются: для мужчин Намангана $a=141$, $b=-0,33$; для мужчин Пензы — $a=80$, $b=1,38$. Сравнение приведенных на графике кривых смертности показывает, что значение возрастных вероятностей смерти в Намангане значительно выше, чем в Пензе, в возрастах до 15 лет и, наоборот, ниже в возрастах старше 15 лет, причем наибольших размеров достигает превышение смертности мужчин в Пензе по сравнению с Наманганом в возрасте старше 60 лет. Этот пример приведен главным образом для того, чтобы можно было наглядно представить кривые смертности, соответствующие полярным характеристикам коэффициентов линейной аппроксимации. Вместе с тем он хорошо иллюстрирует и существенные различия в степени завершенности демографического перехода городского населения европейской части РСФСР и городского населения республик Средней Азии, так как Пенза и Наманган — города в достаточной мере характерные для этих двух регионов.

Таким образом, можно сделать вывод, что более совершенная структура причин смерти, а также более прогрессивная форма возрастных кривых смертности свидетельствуют о том, что наибо-

лее развитые стадии демографического перехода в области смертности наблюдались в группе крупнейших городов. Применение обоих этих критериев позволяет также говорить о том, что наиболее развитые фазы демографического перехода в области смертности наблюдались в республиках европейской части СССР (без РСФСР) и наименее развитые — в республиках Средней Азии и Казахстане.

В период после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС был взят курс на ускорение социально-экономического развития нашего общества. Был принят и начал претворяться в жизнь ряд мер, направленных на борьбу с негативными тенденциями в области смертности, в частности по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Эти меры в настоящее время приносят уже вполне ощутимые плоды. Так, средняя продолжительность предстоящей жизни в городах у мужчин в 1985—1986 гг. по сравнению с 1979—1980 гг. выросла на 2,0 года и у женщин — на 0,8 года.

Рост средней продолжительности жизни в сельской местности был еще большим. Этот процесс связан у мужчин главным образом со снижением смертности от несчастных случаев, отравлений и травм, а у женщин — от болезней системы кровообращения¹³.

Анализ динамики индивидуально по городам Москве, Ленинграду и республиканским центрам показал, что за период с 1979 г. по 1985 г. уровни средней продолжительности предстоящей жизни увеличились практически во всех городах приблизительно от полугода до года (исключение составляют у мужчин — Вильнюс, у женщин — Ленинград, Минск, Душанбе, где этот показатель незначительно сократился). Еще больший прогресс наблюдался при сопоставлении показателей за 1984—1985 и 1985—1986 гг. Рост уровня средней продолжительности предстоящей жизни у мужчин составляет в среднем от одного до полутора лет (табл. 7).

Следует отметить, что практически не изменилась ожидаемая продолжительность жизни в городах Ашхабад, Баку, Ереван и Тбилиси. Это может объясняться тем, что в этих городах уровень алкоголизации населения и ее негативного влияния на продол-

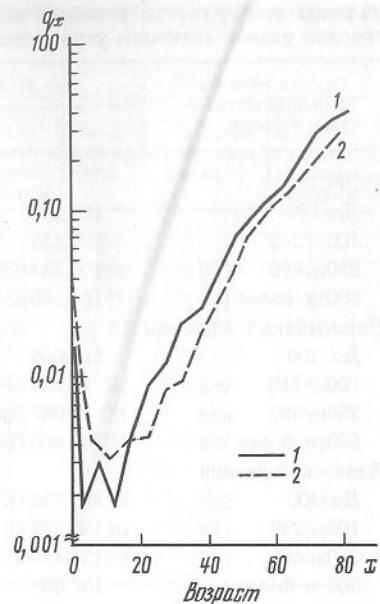

Рис. 1. Вероятности смерти населения городов Пензы и Намангана. 1979 г. Мужчины (полулогарифмическая шкала)

1 — Пенза; 2 — Наманган

Таблица 7. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения столиц союзных республик, Москвы и Ленинграда, лет

Столица союзной республики	Мужчины				Женщины			
	1970 г.	1979 г.	1984—1985 гг.	1985—1986 гг.	1970 г.	1979 г.	1984—1985 гг.	1985—1986 гг.
Алма-Ата	63,6	62,5	63,8	66,2	72,2	72,3	72,9	74,4
Ашхабад	63,2	60,9	62,6	62,3	72,7	70,7	72,5	72,7
Баку	65,4	65,0	65,6	65,6	74,4	72,9	73,6	73,6
Вильнюс	68,2	67,4	66,9	68,8	76,0	74,8	75,9	76,7
Душанбе	64,0	63,5	63,8	65,1	71,5	72,2	71,6	73,0
Ереван	69,7	69,4	69,2	68,7	75,7	75,5	74,6	74,7
Киев	67,9	66,8	67,5	68,4	73,6	73,3	74,0	74,9
Кишинев	68,0	66,8	67,2	68,5	74,2	73,1	73,4	73,0
Ленинград	64,4	63,3	63,8	65,1	73,2	72,9	72,5	73,9
Минск	68,3	67,4	67,2	68,3	75,5	75,8	75,0	75,5
Москва	65,2	63,5	64,7	66,0	73,3	72,9	73,3	74,2
Рига	67,0	64,9	65,9	66,9	74,3	73,5	74,2	74,6
Таллинн	66,4	65,0	65,9	66,9	75,0	74,3	74,4	75,0
Ташкент	64,1	62,5	63,9	65,2	70,9	71,9	72,7	73,4
Тбилиси	65,9	67,1	67,9	67,9	73,9	73,6	75,1	74,9
Фрунзе	64,6	64,6	65,4	67,0	75,5	72,9	73,0	74,2

жительность жизни в период до 1985 г. был, по-видимому, меньше, чем в других городах рассматриваемой совокупности.

В ходе углубленного изучения особенностей смертности городского населения СССР по данным 1979 г. была проведена проблемная группировка городов — областных центров СССР по величине стандартизованного коэффициента смертности. Это позволило выделить группы городов-«лидеров» — 10 городов с наиболее благоприятными характеристиками смертности, и 10 городов-«аутсайдеров» — с наименее благоприятными характеристиками.

Характерные для группы городов-«аутсайдеров» низкие уровни средней продолжительности жизни сочетаются с высокой младенческой смертностью, а относительно высокая доля экзогенных

Таблица 8. Основные характеристики дожития в группах городов-«лидеров» и городов-«аутсайдеров»

Группа городов	Мужчины				Женщины			
	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Вероятность дожития в интервале возрастов, лет			Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Вероятность дожития в интервале возрастов, лет		
		0—14	15—59	60—84		0—14	15—59	60—84
С низкой смертностью	68,2	0,97	0,78	0,20	75,9	0,98	0,91	0,33
С высокой смертностью	59,7	0,95	0,61	0,08	70,8	0,96	0,84	0,22

причин смерти и несчастных случаев — с заметно более низкими, чем в группе городов-«лидеров», средними возрастными смертями от эндогенных и квазиэндогенных причин смерти. Группа «аутсайдеров» состоит в основном из городов с менее благоприятными природно-климатическими условиями, преимущественным развитием отраслей тяжелого машиностроения, химической и нефтеперерабатывающей промышленности, слабым развитием отраслей сферы обслуживания.

Более подробный сравнительный анализ смертности в этих двух полярных группах показывает, что наиболее существенные различия в смертности в возрастах 0—14 лет связаны с инфекционными и паразитарными заболеваниями; в возрастах 15—59 лет — с несчастными случаями, отравлениями и травмами. Начиная с возраста 30 лет все большую роль играют болезни системы кровообращения и новообразования, которые после 60 лет приобретают доминирующее значение (табл. 9).

Нужно отметить, что аналогичная группировка городов по величине стандартизованного индекса смертности от всех причин по данным 1970 г. свидетельствует о высокой стабильности состава экстремальных групп, особенно групп с наиболее неблагоприятными уровнями смертности.

Таблица 9. Разложение различий ожидаемой продолжительности жизни при рождении (e_0) населения групп городов-«лидеров» и городов-«аутсайдеров» по причинам смерти, 1979 г.

Причина смерти	Доля данной причины в разнице e_0 между двумя группами городов, в годах							
	Мужчины				Женщины			
	всего	в том числе в возрастах, лет			всего	в том числе в возрастах, лет		
		0—14	15—19	60 и более		0—14	15—19	60 и более
Все причины	8,46	1,01	4,60	2,85	5,08	1,15	1,80	2,13
Экзогенные причины	1,73	0,54	0,77	0,42	1,17	0,78	0,27	0,12
В том числе:								
инфекционные и паразитарные заболевания	0,71	0,30	0,32	0,09	0,25	0,16	0,06	0,03
болезни органов дыхания	0,79	0,20	0,29	0,30	0,78	0,61	0,11	0,06
болезни системы пищеварения	0,23	0,04	0,16	0,03	0,14	0,01	0,10	0,03
Эндогенные причины	4,23	0,32	1,77	2,14	3,18	0,27	1,02	1,89
В том числе:								
болезни системы кровообращения	2,44	0,01	0,99	1,44	2,23	0,01	0,65	1,57
новообразования	1,15	0,00	0,50	0,65	0,57	0,03	0,25	0,29
прочие причины	0,64	0,31	0,28	0,05	0,38	0,23	0,12	0,03
Несчастные случаи, отравления и травмы	2,50	0,15	2,06	0,29	0,73	0,10	0,51	0,12

Очевидна необходимость тщательного, всестороннего изучения городов с неблагоприятными характеристиками смертности. Подобное комплексное исследование должно охватывать самые различные массивы информации о природно-климатических, социально-экономических условиях жизни, экологической ситуации, в которой находится население данной группы городов. Многие аспекты подобного комплексного исследования в настоящее время плохо обеспечены текущей статистической информацией. В ряде случаев данные текущей статистики могут оказаться непригодными для целей такого исследования, например данные о загрязнении окружающей среды. В результате может оказаться необходимым проведение специального экспедиционного исследования городов с худшими показателями силами комплексной бригады специалистов в разных областях знаний: демографов, медицинских географов, социогигиенистов, биологов.

По нашему мнению, метод проблемной группировки открывает большие перспективы в изучении смертности городского населения, однако требует дополнительного изучения комплекса факторов, обуславливающих особенности смертности населения выделенных групп городов. Анализ изменения состава групп городов «лидеров» и «аутсайдеров», характеристик дожития населения этих городов за межпереписной период позволит глубже познать механизмы детерминации смертности и выработать конкретные, причинно ориентированные меры по борьбе со сверхсмертностью.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что проведение аналогичного углубленного исследования особенностей смертности городского населения нашей страны на базе материалов Всесоюзной переписи населения 1989 г. представит несомненный интерес как с научно-теоретических и прогностических позиций, так и с точки зрения практических рекомендаций.

¹ Хорев Б. С., Сидович С. Г. Урбанизация // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 495.

² United Nations. The determinants and consequences of population trends. N. Y., 1973. Vol. 1. P. 145—148.

³ Ibid. P. 1932—1936.

⁴ Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960. С. 805.

⁵ Новосельский С. А., Павский В. В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910—1911, 1920 и 1923 гг. // Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л., 1925. Вып. 6. С. 160.

⁶ Новосельский С. А., Павский В. В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910—1911, 1920 и 1923 гг. С. 159, 163.

⁷ Данные о длительной динамике ожидаемой продолжительности жизни городского и сельского населения России и СССР см.: Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. О средней продолжительности жизни населения СССР // Вестн. статистики. 1987. № 12. С. 33.

⁸ См.: Бедный М. С. Продолжительность жизни. М., 1967. С. 134; Мерков А. М., Махмудьянова Н. С. Воспроизводство населения Башкирской АССР // Изучение воспроизводства населения. М., 1968. С. 277.

⁹ Подлужная М. Я., Шилова С. П. Изучение смертности населения г. Перми в различных возрастно-половых группах: (По материалам 1939—1970 гг.) // Здоровье населения Пермской области. Пермь, 1974. С. 15—18.

- ¹⁰ Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. О средней продолжительности жизни населения СССР // Вестн. статистики. 1987. № 12. С. 33.
- ¹¹ См.: Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 33—47.
- ¹² Более подробно об интерпретации параметров линейной аппроксимации см.: Андреев Е. М. Продолжительность жизни в СССР: дифференциальный анализ // Продолжительность жизни: Анализ и моделирование. М., 1979. С. 7—30.
- ¹³ См.: Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. О средней продолжительности жизни населения СССР // Вестн. статистики. 1987. № 12. С. 39.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СМЕРТНОСТИ

В. М. Добровольская

Этническая дифференциация демографических процессов в СССР — явление весьма устойчивое на протяжении всей истории существования нашей многонациональной страны. Это доказано результатами многолетних детальных исследований этнической дифференциации рождаемости и брачности¹. Этническая дифференциация демографических процессов вообще и демографического поведения в частности отражает различия в культурных нормах, традициях, особенностях труда и быта. Наличие существенных этнических различий смертности в нашей стране было отмечено в ряде исследований, но изучены они до сих пор крайне слабо².

Исследование дифференциальной смертности методически сложно, если изучение этнической дифференциации рождаемости и брачности основано, как правило, на материалах выборочных анамнестических обследований населения и то для изучения этнической дифференциации смертности выборочные исследования непригодны. Необходимо построить коэффициенты или лучше таблицы смертности для отдельных национальностей, что возможно только на базе сопоставления данных переписи и текущего учета населения. Такие таблицы являются основным и необходимым инструментом для анализа уровня и структуры смертности вообще и по национальностям в частности.

При построении таких таблиц для населения определенной национальности возникает проблема сопоставимости данных переписи и текущего учета. При переписи населения национальность человека определяется им самим независимо от документов, а регистрация национальности умерших в текущем учете происходит по записи о национальности в паспорте. При этом возможны расхождения и несоответствие в определении национальной принадлежности при переписи и текущем учете, что может сказаться на уровне возрастных показателей смертности по национальностям. Искажения в величинах показателей смертности возможны не только у взрослых, имеющих паспорт, но и у детей. Национальная принадлежность ребенка в актах о смерти определяется

по матери, а в переписи — по матери или отцу, умерший ребенок от брака украинки с русским может быть зарегистрирован в текущем учете, например, как украинец, а в переписи — как русский. Неточность показателей смертности детей до 16 лет в национальном разрезе может оказаться существенной там, где доля смешанных браков высока, особенно в городах европейской части страны. Все это необходимо учитывать при анализе таблиц смертности по национальностям.

Этническая дифференциация смертности в СССР имеет давнюю историю, знание которой помогает лучше понять причины ныне существующих различий.

Первые оценки продолжительности жизни по национальностям России получены М. В. Птухой по материалам переписи 1897 г.³ Смертность основных национальностей европейской части страны была оценена по принципу территорий преимущественного проживания каждой из них: смертность русских оценивалась по уровню смертности в трех губерниях различных частей России с преимущественно русским населением, смертность украинцев — по смертности девяти украинских губерний, белорусов — двух белорусских губерний и т. д.

Анализ материалов переписи населения 1897 г. показал значительную дифференциацию смертности народов Европейской России. По таблицам смертности для отдельных народов, построенных М. В. Птухой, максимальную ожидаемую продолжительность жизни имели латыши, минимальную — русские. Различие между ними составляло 16—17 лет. Даже такие близкие друг к другу по территории, истории, культуре и традициям народы, как русские, украинцы и белорусы, различались по продолжительности жизни на 6—7 лет (см. табл. 1). Этнические различия в ожидаемой продолжительности жизни объяснялись в значительной мере различиями в младенческой и детской смертности, а также в трудоспособных возрастах. Так, младенческая смертность у латышей была вдвое, а у украинцев и белорусов — в полтора раза ниже, чем у русских.

С конца XX в. до середины 20-х годов XX в. (за 30 лет) продолжительность жизни населения европейской части СССР выросла с 32 до 44 лет⁴. Это было связано со значительной перестройкой условий жизни: у части населения изменением интенсивности труда, условий быта, здравоохранения, выравниванием условий жизни всех народов. Тем не менее темпы изменений продолжительности жизни у разных народов были неодинаковыми, и к 1927 г. сохранялась значительная этническая дифференциация смертности.

Материалы переписи населения 1926 г. и данные текущей регистрации смертей за 1926—1927 гг. содержали достаточную информацию, необходимую для дальнейшего изучения этнических различий смертности. Но лишь в 1982 г. нами были построены краткие таблицы смертности по основным наиболее многочисленным национальностям европейской части страны⁵. Расчет был про-

изведен демографическим методом для мужского и женского населения⁶.

Анализ позволил определить тенденции изменения и степень дифференциации смертности наиболее многочисленных народов европейской части страны (русских, украинцев, белорусов) между 1896—1897 гг. и 1926—1927 гг. (см. табл. 1). Рост ожидаемой продолжительности жизни за этот период у них заметно различался. Если продолжительность жизни у русских и белорусов выросла на 15 лет у мужчин и на 17—18 — у женщин, то у украинцев — на 9 и 12 лет соответственно. Резко сократилась младенческая и детская смертность: у русских и белорусов вдвое. Однако различия в смертности у основных национальностей европейской части страны сохранились, и русские по-прежнему имели наименьшую продолжительность жизни и наибольшую младенческую смертность. Белорусы отличались наибольшей продолжительностью жизни и наименьшей младенческой смертностью. Украинцы занимали промежуточное положение. Сохранился и разрыв в продолжительности жизни между русскими и белорусами, равный 6—8 годам. Между русскими и украинцами эти различия уменьшились. Сохранение различий в смертности среди основных национальностей европейской части страны связано, вероятно, с сохранением их социокультурных особенностей.

С конца 30-х до начала 70-х годов ожидаемая продолжительность жизни населения страны выросла более чем на 20 лет — от 44 до 69 лет⁷. Такое радикальное увеличение продолжительности жизни было связано не только с дальнейшим повышением уровня жизни населения, но и качественно новым уровнем развития советского здравоохранения, и в частности, как считают специалисты, с введением в практику здравоохранения сульфамидных препаратов и антибиотиков⁸.

По материалам переписи 1970 г. и текущего учета за 1969 г. и 1970 г. были построены таблицы смертности по основным национальностям страны, в частности по русским, украинцам и белорусам, и прослежен характер их дифференциации смертности за период с 30-х до 70-х годов (см. табл. 1). В отличие от предшествующих таблиц смертности за 1926—1927 гг., эти таблицы относились ко всей территории страны, и данные о смертности основных национальностей были рассчитаны дважды: один раз смертность

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни (e_0) русских, украинцев и белорусов

Национальность	Мужчины			Женщины		
	1896—1897 гг.	1926—1927 гг.	1969—1970 гг.	1896—1897 гг.	1926—1927 гг.	1969—1970 гг.
Русские	27,5	42,2	63,2	29,8	47,9	73,0
Украинцы	36,3	45,3	66,5	36,9	48,8	73,7
Белорусы	35,5	50,6	67,2	36,8	53,8	75,4

вычислялась для всех лиц данной национальности независимо от места проживания, второй раз — для лиц, живущих в пределах своей республики. Различия этих двух подходов оказались незначительными, и в дальнейшем для анализа мы приняли второй вариант, так как он исключает влияние различий в смертности лиц одной и той же национальности, живущих в разных местах. Это важный и интересный аспект, но он носит самостоятельный характер и выходит за рамки нашей работы.

Рост ожидаемой продолжительности жизни у русских и украинцев на этом этапе был более интенсивным, чем у белорусов. Так, у русских и украинцев продолжительность жизни выросла почти на 21 год у мужчин и на 25 лет — у женщин, а у белорусов — на 17 лет и 21 год соответственно. Резко сократилась детская смертность — почти в пять раз у всех национальностей. За этот период различия в продолжительности жизни между русскими и белорусами сократились с восьми до четырех лет у мужчин и с шести до двух лет — у женщин, а между украинцами и белорусами остались прежними (около трех лет у мужчин и около года — у женщин). По материалам переписи населения 1959 г. таблицы смертности по отдельным национальностям построены не были. Но существующие косвенные оценки ожидаемой продолжительности жизни на начало 60-х годов⁹ свидетельствуют о том, что характер дифференциации смертности по национальностям был такой же. По оценкам Д. Мазура, продолжительность жизни белорусов равнялась 69,1, украинцев — 68,4, русских — 67,5 лет.

К началу 70-х годов порядок этих национальностей по уровню продолжительности жизни сохранился (наибольшая — у белорусов, наименьшая — у русских), а различия снизились. Таким образом, ранжировка по уровню ожидаемой продолжительности жизни коренных национальностей европейской части страны сохраняет свою устойчивость на протяжении более 70 лет.

Для коренных национальностей азиатской части страны сколько-нибудь достоверная информация о смертности этих национальностей до 30-х годов практически отсутствовала. По приближенным оценкам М. К. Караханова, ожидаемая продолжительность жизни в конце XIX в. для обоих полов в Средней Азии составляла около 30 лет, а к началу 30-х годов XX в. — около 35—36 лет¹⁰. Процесс радикального снижения смертности здесь начался позже, а большой недоучет в регистрации смертей сохранялся дольше, чем в европейской части страны. Поэтому анализ смертности коренного населения азиатской части страны возможен лишь за последние десятилетия, так же как сравнение характера смертности коренных национальностей европейской и азиатской части страны.

Материалы переписей населения 1970 и 1979 гг. и текущего учета за прилегающие годы позволили нам проследить дальнейшую динамику и дифференциацию смертности по основным национальностям страны. С помощью ЭВМ по стандартной программе были построены краткие таблицы смертности для мужчин и жен-

Таблица 2. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 5 лет за 1978—1979 гг.

Союзная республика	Мужчины			Женщины		
	В целом по республике	Коренная национальность	Русские	В целом по республике	Коренная национальность	Русские
РСФСР	58,6	58,5	58,5	69,4	69,7	69,7
Украинская ССР	61,5	62,5	61,0	70,2	70,3	70,4
Белорусская ССР	62,8	62,4	63,7	71,6	71,8	71,6
Узбекская ССР	63,9	66,6	58,3	69,7	70,6	69,0
Казахская ССР	60,0	61,5	58,7	69,5	70,3	69,1
Грузинская ССР	64,8	66,8	59,4	71,6	72,6	68,9
Азербайджанская ССР	63,7	64,5	59,0	72,9	70,5	68,7
Литовская ССР	62,2	62,4	61,5	71,1	71,4	70,2
Молдавская ССР	60,6	60,5	59,9	66,7	65,5	68,7
Латвийская ССР	60,4	60,5	59,6	70,0	70,3	69,6
Киргизская ССР	60,9	63,3	58,6	68,8	69,5	68,7
Таджикская ССР	65,9	68,6	58,8	69,7	70,9	68,8
Армянская ССР	66,9	66,9	64,1	72,2	72,2	71,8
Туркменская ССР	62,0	63,8	57,2	68,0	68,6	68,1
Эстонская ССР	60,8	61,1	59,3	70,2	70,3	69,9

щин по 15 коренным национальностям союзных республик и русским, проживающим на этих территориях (см. табл. 2).

В каждой союзной республике были выделены русские как наиболее многочисленная национальность, что позволило выявить сходство и различие в уровне их смертности не только с основной национальностью данной республики, но и на разных территориях с учетом влияния экономико-географических факторов. По другим национальностям (кроме русских) такого расчета сделать нельзя, так как они слишком малочисленны для построения достоверных таблиц смертности вне своей республики, и, кроме того, при разработке данных текущего учета и переписей перечень выделяемых национальностей по разным территориям не всегда совпадает.

Для анализа динамики и дифференциации смертности по основным национальностям страны за период с 1969—1970 по 1978—1979 гг. нами были использованы следующие показатели: ожидаемая продолжительность жизни в возрасте пяти лет, вероятность для новорожденного не дожить до 15 лет и вероятность для 15-летнего не дожить до 60 лет. Эти показатели характеризуют уровень продолжительности жизни, детскую смертность и смертность в трудоспособных возрастах¹¹.

Отказ от традиционных показателей смертности (ожидаемой продолжительности жизни и младенческой смертности) связан с тем, что при их использовании сильнее проявляется то, что имевший место в эти годы недоучет числа смертей был различен у разных национальностей и их динамика не всегда точно отражает изменения в уровнях смертности отдельных национальностей. Динамические изменения в ожидаемой продолжительности

жизни и младенческой смертности отдельных национальностей могут быть искажены за счет улучшения статистического учета, особенно для районов страны, где он был постепенно налажен, например, для коренных национальностей Средней Азии. Невозможно определить, в какой мере увеличение показателей смертности связано с реальным ростом смертности, а в какой — с улучшением ее регистрации. Несовершенство информационной базы не позволяет точно измерить различия уровня смертности отдельных национальностей, но все же дает возможность оценить основные особенности смертности у отдельных национальностей.

Характер дифференциации смертности по отдельным национальностям у мужчин и женщин разный, что связано, по-видимому, прежде всего с особенностями приложного труда и характера занятости на производстве и в быту.

В конце 70-х годов показатель ожидаемой продолжительности жизни в возрасте пять лет у мужчин коренного населения республик Средней Азии, Казахстана и Закавказья был выше, чем у коренного населения республик Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии и РСФСР. Для первой группы населения ее уровень колебался от 65 до 69 лет, для второй — от 60 до 64 лет. Максимальную ожидаемую продолжительность жизни в возрасте 5 лет имели узбеки (68,9 лет), минимальную — русские (60 лет) (табл. 3). Различие между максимальной и минимальными значениями продолжительности жизни составляло около девяти лет.

Это связано как с особенностями смертности, так и с качеством учета. Неполнота учета чаще касалась смерти детей, чем трудоспособных. Она могла зависеть оценки ожидаемой продолжительности

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте пяти лет по основным национальностям страны в 1969—1970 и 1978—1979 гг. лет

Национальность	Мужчины		Разность 1978—1979 — 1969—1970 гг.	Женщины		Разность 1978—1979 — 1969—1970 гг.
	1969— 1970 гг.	1978— 1979 гг.		1969— 1970 гг.	1978— 1979 гг.	
Русские	60,0	58,5	-1,5	69,5	69,9	+0,1
Украинцы	63,3	62,5	-0,8	70,3	70,3	—
Белорусы	64,4	62,4	-2,0	71,4	71,8	+0,4
Узбеки	68,9	66,6	-2,3	71,9	70,6	-1,3
Казахи	65,7	61,5	-4,2	72,9	70,3	-2,6
Грузины	66,3	66,8	+0,5	72,4	72,6	+0,2
Азербайджанцы	66,8	64,5	-2,3	71,8	70,5	-1,3
Литовцы	63,6	62,4	-1,2	71,0	71,4	+0,4
Молдаване	63,2	60,5	-2,7	63,6	65,5	+1,9
Латыши	62,1	60,5	-1,6	70,4	70,3	-0,1
Киргизы	65,4	63,3	-2,4	70,6	69,5	-1,1
Таджики	68,8	68,6	-0,2	69,3	70,9	+1,6
Армяне	68,0	66,9	-1,1	72,6	72,2	-0,4
Туркмены	66,9	63,8	-3,1	70,3	68,6	-1,7
Эстонцы	60,2	61,1	+0,9	70,8	70,3	-0,5

жизни в азиатской части страны больше, чем в европейской, искажая истинные соотношения смертности отдельных национальностей. А динамика показателей отражает не только эволюцию смертности, но и улучшение учета. Наиболее высокая продолжительность жизни в начале 70-х годов была у коренного населения республик Средней Азии и Закавказья, а наиболее низкая — у коренного населения республик Прибалтики и русских в РСФСР.

За девять лет показатель ожидаемой продолжительности жизни для мужского населения, дожившего до 5 лет, у большинства коренных национальностей страны снизился. Наиболее значительное снижение наблюдалось среди казахов (около четырех лет), туркмен и молдаван (около трех лет). Среди узбеков, киргизов, азербайджанцев и белорусов снижение составляло около двух, а у русских и латышей — около полутора лет. Несколько повысилась продолжительность жизни лишь у грузин (почти на полгода) и у эстонцев (почти на год).

К концу 70-х годов порядок национальностей по уровню продолжительности жизни изменился (см. табл. 3). Так, узбеки передвинулись с первого места на четвертое, казахи — с четвертого на одиннадцатое и т. д. Но по-прежнему лидировало по продолжительности коренное население республик Средней Азии и Закавказья, а наиболее низкий уровень сохранили русские и коренное население республик Прибалтики. К ним примкнули молдаване. Для первой группы уровень ожидаемой продолжительности жизни в 5 лет колебался от 63 до 69 лет, для второй — от 59 до 63 лет. Максимальный уровень имели таджики (68,6 лет), минимальный — русские (58,6). Различие между максимальным и минимальным уровнями достигло десяти лет.

У женщин коренных национальностей республик различия по уровню продолжительности жизни меньше, чем у мужчин, и территориальная дифференциация менее выражена. К началу 70-х годов наиболее высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни в пять лет наблюдался среди коренных национальностей Закавказья, а также казашек и узбечек (около 72—73 лет). Самый низкий — у молдаванок (около 64 лет). У остальных национальностей — около 70—71 года. Итак, разброс по уровню продолжительности жизни среди женщин коренных национальностей, исключая молдаванок, составлял около трех лет.

За девять лет наиболее заметные изменения показателя продолжительности жизни в возрасте пяти лет у женщин, так же как и у мужчин, произошли среди коренного населения республик Средней Азии, Казахстана и Молдавии. Он снизился среди казашек на три года, у туркменок — почти на два года, среди узбечек, азербайджанок и киргизок — почти на год. В то же время продолжительность жизни повысилась у таджичек и молдаванок почти на два года. У коренного женского населения республик Прибалтики, Украины, Белоруссии и РСФСР за это время произошли минимальные изменения в продолжительности жизни: у белорусок, литовок и русских наблюдалось небольшое увеличение продолжительности

жизни, у эстонок — небольшое снижение, а украинки сохранили прежний уровень. В результате к концу 70-х годов максимальный уровень продолжительности жизни в 5 лет среди женщин наблюдался у грузинок, армянок и белорусок (около 72—73 лет), минимальный — по-прежнему у молдаванок (около 66 лет) и туркменок (около 69 лет). Остальные национальности — около 70—71 года (см. табл. 3). И к концу 70-х годов по-прежнему основная масса женщин коренного населения страны имела различия в продолжительности жизни около трех лет и являлась более однородной группой по уровню продолжительности жизни, чем мужчины.

В начале 70-х годов в показателях продолжительности жизни в пять лет мужского коренного населения республик и русских (табл. 4), проживающих на одной территории, наблюдались существенные различия. На территории республик Средней Азии, Казахстана, Закавказья и Молдавии у коренного населения она была значительно выше, чем у русского: почти на девять-десять лет в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении; почти на пять лет — в Азербайджане, Грузии и Казахстане; почти на четыре года — в Армении и Молдавии. Различия в продолжительности жизни коренного и русского населения республик Прибалтики и

Таблица 4. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 5 лет у русских, проживающих на территории республики, за 1969—1970 и 1978—1979 гг. (е₅), лет

Союзная республика	Мужчины		Разность 1978—1979 — 1969—1970 гг.	Женщины		Разность 1978—1979 — 1969—1970 гг.
	1969— 1970 гг.	1978— 1979 г.		1969— 1970 гг.	1978— 1979 гг.	
РСФСР	60,0	58,5	—1,5	69,5	69,7	+0,2
Украинская ССР	62,4	61,0	—1,4	71,0	70,4	—0,6
Белорусская ССР	66,9	63,7	—3,2	72,5	71,6	—0,9
Узбекская ССР	59,0	58,3	—0,7	69,2	69,0	—0,2
Казахская ССР	60,0	58,6	—1,3	70,2	69,1	—1,1
Грузинская ССР	61,6	59,4	—2,2	70,7	68,9	—1,8
Азербайджанская ССР	—*	59,0	—	—*	68,7	—
Литовская ССР	63,6	61,5	—2,1	70,6	70,2	—0,4
Молдавская ССР	60,5	59,9	—0,6	69,1	68,7	—0,4
Латвийская ССР	62,2	59,6	—2,6	69,6	69,6	0
Киргизская ССР	59,7	58,6	—1,1	70,0	68,7	—1,3
Таджикская ССР	59,6	58,8	—0,8	68,7	68,8	—0,9
Армянская ССР	65,0	64,1	—0,9	72,5	71,8	—0,7
Туркменская ССР	57,8	57,2	—0,6	70,5	68,1	—2,4
Эстонская ССР	61,1	59,3	—1,8	70,5	69,9	—0,6

* Данные недостоверны

Украины незначительны (в пределах года). И лишь в Белоруссии мужское коренное население имело продолжительность жизни почти на три года ниже, чем русское. Что касается различий в продолжительности жизни женского населения коренного и русского, то для основной массы территорий они незначительны. Наиболее существенны различия на территории Грузии, Узбекистана, Эстонии, Латвии и Молдавии. Так, грузинки — почти на три года, узбечки — на два, эстонки и латышки — почти на год имели продолжительность жизни выше, чем русские. А молдаванки, наоборот, на пять лет ниже, чем русские.

К концу 70-х годов показатель продолжительности жизни в указанном возрасте коренного населения республик как мужского, так и женского был выше, чем русского. Среди мужского населения республик Средней Азии, Казахстана, Закавказья различия между коренным населением и русским несколько уменьшились, а республик Прибалтики и Украины — несколько возросли. Так, различия между туркменами и русскими сократились до семи лет, между узбеками и русскими — до пяти, между казахами и русскими — до трех лет. В республиках Прибалтики, Украины, Белоруссии продолжительность жизни в возрасте 5 лет мужского коренного населения стала выше русского на один-два года. Среди женщин различия между коренным и русским населением стали несколько существенней (около года). Наибольшие различия в продолжительности жизни в 5 лет наблюдались по-прежнему между русскими женщинами и грузинками (около четырех лет) и между русскими и узбечками (около двух лет). И лишь молдаванки сохранили продолжительность жизни в возрасте 5 лет ниже русских, хотя различия сократились с пяти до трех лет.

Чтобы понять, чем объясняется такой характер динамики и дифференциации продолжительности жизни по отдельным национальностям, необходимо проанализировать особенности детской смертности каждой из них.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 5 лет был взят для анализа прежде всего потому, что, по нашим предположениям, полнота текущего учета смертности у разных национальностей различалась именно в первые пять лет жизни. Поэтому ожидаемая продолжительность жизни в 5 лет испытывала на себе в меньшей мере влияние неполноты учета и ее динамики. В то же время совсем игнорировать смертность детей в исследовании дифференциальной смертности нельзя. Мы знаем, что уже в младенческой смертности проявляется этническая дифференциация, связанная с культурно-бытовыми факторами (особенностями ухода, своевременным обращением за медицинской помощью и т. д.). Поэтому, зная о недостатках этого показателя, мы все же попытались провести сравнительный анализ детской смертности — вероятности для новорожденного не дожить до 15 лет (см. табл. 5). Но при этом следует иметь в виду, что динамика этого показателя за девять лет частично связана с реальным изменением смертности, частично — с улучшением учета.

Таблица 5. Вероятность смерти в возрасте 0—14 лет по основным национальностям в 1969—1970 и 1978—1979 гг. ($1000q_{0-14}$)

Национальность	Мужчины		Изменения, %	Женщины		Изменения, %
	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.		1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	
Русские	38,7	37,3	—4	26,7	26,4	—1
Украинцы	33,7	32,6	—3	24,7	25,3	+2
Белорусы	37,7	32,6	—13	26,4	22,0	—17
Узбеки	59,8	83,0	+39	45,7	72,1	+58
Казахи	48,2	72,3	+50	38,2	61,4	+61
Грузины	39,8	49,6	+25	31,9	36,8	+15
Азербайджанцы	87,3	88,3	+1	78,2	79,2	+1
Литовцы	33,1	31,5	—5	23,5	22,8	—3
Молдаване	50,4	68,8	+33	39,9	54,7	+37
Латыши	35,3	34,3	—3	20,9	25,3	+21
Киргизы	92,0	101,2	+107	77,3	88,0	+14
Таджики	89,0	130,2	+47	81,7	108,7	+33
Армяне	48,4	43,4	—10	43,9	39,0	+11
Туркмены	80,9	102,4	+27	68,9	91,0	+32
Эстонцы	31,6	32,7	+4	21,9	21,2	—3

За период 70-х годов максимальные уровни детской смертности наблюдались у среднеазиатских национальностей (узбеков, туркменов, киргизов, таджиков) и азербайджанцев, а минимальные — у коренных национальностей республик Прибалтики, украинцев, белорусов и русских. Промежуточное положение занимали молдаване, казахи, армяне и грузины: казахи и молдаване по уровню детской смертности были ближе к коренным национальностям среднеазиатской части страны, а армяне и грузины — к национальностям европейской части страны. Группы национальностей с максимальной и минимальной детской смертностью различались по уровню в 1969—1970 гг. — в два-три раза, а в 1978—1979 гг. — в три-четыре раза. Разрыв увеличился за счет роста детской смертности среди коренных национальностей азиатской части страны и азербайджанцев. При сравнении уровней детской смертности по отдельным национальностям с общесоюзным оказывается, что группа национальностей с максимальной детской смертностью имеет уровень смертности почти вдвое выше общесоюзного, а с минимальной — на 30—40 % ниже общесоюзного, а у казахов и молдаван он несколько выше общесоюзного уровня (в начале периода — на 10, а к концу — на 40—50 %).

В группе национальностей с максимальной детской смертностью наиболее высокий уровень в 1969—1970 гг. — у киргизов, а в 1978—1979 гг. — у туркмен, самый же низкий — у узбеков как на начало, так и на конец периода. В группе национальностей с минимальным уровнем детской смертности наименьшая — у латышей, эстонцев, белорусов, а наибольшая — у русских.

За девять лет у коренных национальностей среднеазиатских республик и азербайджанцев детская смертность выросла в основном на 30—40 %. Наиболее значительно — у казахов (на 50—60 %), узбеков (40—50 %), молдаван (почти на 40 %), наименее значительно — у грузин, армян и киргизов (почти на 10 %). У коренных национальностей республик Прибалтики, украинцев, белорусов и русских детская смертность за этот период несколько снизилась (на 1—5 %). Наиболее значительное снижение наблюдалось у белорусов (на 20 %).

Таким образом, к концу 70-х годов основные различия в детской смертности наблюдались между коренными национальностями республик Средней Азии, азербайджанцами, казахами и молдаванами, с одной стороны, и национальностями республик Прибалтики, украинцами, белорусами и русскими — с другой.

Население Средней Азии на протяжении многих веков имело, по-видимому, чрезвычайно высокий уровень детской и особенно младенческой смертности, связанный со своеобразием природно-климатических условий, видов хозяйственной деятельности, уровнем развития здравоохранения и низким жизненным уровнем. По мнению большинства исследователей¹², снижение детской смертности в Средней Азии началось только в 30-х годах XX в. И хотя за период 40—70-х годов снижение было значительным, к концу 70-х годов детская смертность продолжала оставаться высокой, особенно в сравнении с населением европейской части страны. Качественный разрыв в уровне социально-экономического развития азиатской и европейской части страны дореволюционной России до сих пор еще сказывается и проявляется в существующих различиях демографической ситуации, в том числе в детской смертности, несмотря на технико-экономические и социокультурные преобразования. В настоящее время высокий уровень детской смертности коренного населения азиатской части страны связан, по-видимому, с сохранением традиционных стереотипов ухода за детьми и недостаточным уровнем развития здравоохранения.

Смертность детей у русских, как правило, ниже смертности детей коренной национальности, живущих на одной территории. Менее заметны эти различия на территории республик Прибалтики, Украины, Белоруссии, несколько более заметны на территории Армении и Молдавии и наиболее заметны в Средней Азии, Казахстане и Азербайджане. В последней группе территорий смертность детей у русских в полтора-два раза ниже смертности детей коренной национальности. В основном русские, живущие на разных территориях, более однородны по уровню детской смертности, чем коренные национальности. Хотя все же русские, живущие в Средней Азии и Казахстане, имеют уровень детской смертности несколько выше, чем живущие на территории республик Прибалтики, Украины и Белоруссии (в полтора-два раза).

За девятилетие смертность детей у русских не претерпела существенных изменений. Несколько выросла она у мальчиков в Таджикистане и Армении, а также у девочек в Грузии и Казахстане, несколько снизилась в Белоруссии.

В основном за девять лет различия в смертности детей среди русских, проживающих на разных территориях, сглаживаются. К концу 70-х годов несущественны различия в детской смертности русского и коренного населения европейской части страны и по-прежнему значительны различия между русским и коренным населением республик Средней Азии, Казахстана и Азербайджана. Они выросли за девять лет за счет роста смертности детей коренной национальности.

По-видимому, смертность в трудоспособных возрастах наименее подвержена качеству учета. Поэтому анализ показателей вероятности для 15-летних не дожить до 60 лет отражает истинное соотношение смертности населения в трудоспособных возрастах.

Анализ смертности в данных возрастах по национальностям позволяет понять, в какой мере структура и характер занятости влияет на особенности смертности отдельных национальностей (табл. 6).

В начале 70-х годов максимальный уровень смертности мужчин в трудоспособных возрастах наблюдался среди русских, казахов и коренных национальностей прибалтийских республик (эстонцев, латышей и литовцев), минимальный — среди таджиков, узбеков, армян и грузин. Различия между уровнями достигали двухкратной величины. Украинцы, белорусы, киргизы и молдаване имели средний уровень смертности, туркмены и азербайджанцы — несколько ниже среднего уровня. К концу 70-х годов смертность мужчин в трудоспособных возрастах увеличилась повсеместно. Национальности, имевшие наиболее высокий уровень, сохранили его, и рост

Таблица 6. Вероятность смерти в возрастах 15—59 лет по национальностям в 1969—1970 и 1978—1979 гг. (1000_q_{15—59})

Национальность	Мужчины			Женщины		
	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	Изменение, %	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	Изменение, %
Русские	313,0	350,5	+12	128,3	128,6	—
Украинцы	238,7	278,1	+20	109,5	114,7	+5
Белорусы	229,5	280,0	+22	100,1	108,2	+8
Узбеки	198,9	194,7	—2	135,8	137,7	+1
Казахи	276,6	320,3	+16	140,5	160,9	+15
Грузины	187,4	196,3	+5	93,0	86,0	—7
Азербайджанцы	211,1	221,6	+5	114,0	114,6	—
Литовцы	247,6	276,3	+12	106,5	106,0	—
Молдаване	222,9	303,6	+36	155,1	208,2	+34
Латыши	262,2	310,4	+18	111,7	120,7	+8
Киргизы	237,1	266,7	+12	150,3	157,9	+5
Таджики	166,9	161,0	—3	161,2	142,7	—11
Армяне	169,4	183,5	+8	85,2	85,8	—
Туркмены	204,2	242,8	+19	150,8	167,7	+11
Эстонцы	257,3	297,2	+16	103,6	113,6	+10

показателей смертности в этой группе составил порядка 20 %, лишь у русских — 10 %. Наиболее интенсивный рост смертности наблюдался у молдаван, белорусов и украинцев, и к концу 70-х годов они уже вошли в группу с максимальным уровнем смертности мужчин в трудоспособных возрастах. Среди национальностей с минимальным уровнем смертности в начале 70-х годов к концу десятилетия существенных изменений не произошло. Наблюдался небольшой рост показателей и в этой группе национальностей, но все они сохранили минимальный уровень и через девять лет. Киргизы, туркмены, азербайджанцы по-прежнему имели средний уровень смертности мужчин в трудоспособных возрастах, хотя у туркменов рост ее был существенным (около 20 %).

Процесс индустриализации и урбанизации развивался на территории Средней Азии и Закавказья медленнее, чем на европейской части страны. Рабочие коренных национальностей этих республик и в настоящее время в большей степени заняты в традиционных отраслях промышленности (легкой, пищевой), в том числе в национальных (ковроделие, шелководство), и в меньшей степени — в строительстве, на предприятиях тяжелой и добывающей промышленности и в новых отраслях (электронной, химической и нефтеперерабатывающей). Коренное население медленно вырабатывает навыки индустриального труда и в большей степени занято в сельском хозяйстве, в том числе в индивидуальном.

Характер занятости в некоторой степени определяет и этническую дифференциацию причин смерти. Смертность от несчастных случаев, отравлений и травм — одна из основных причин смерти в трудоспособных возрастах — выше среди более урбанизированных национальностей. Это связано не только с особенностями труда и характера производства, но и с общей насыщенностью техникой окружающей среды. По-видимому, труд и быт мужчин коренных национальностей Средней Азии в меньшей мере связан с источниками повышенной опасности. Поэтому недостаточная адаптированность к современной технике сказывается в меньшей мере. Именно поэтому смертность от травм в трудоспособных возрастах, например, в сельской местности Средней Азии ниже, чем в сельской местности Казахстана и России.

Характер дифференциации смертности в трудоспособных возрастах по национальностям среди женского населения совершенно иной, чем среди мужского (см. табл. 6). Наиболее высокий уровень смертности в трудоспособных возрастах среди женского населения страны за исследуемое десятилетие наблюдался у коренных национальностей республик Средней Азии, Казахстана и Молдавии, минимальный — республик Прибалтики, Белоруссии, Украины и Грузии. Для первой группы этот уровень смертности выше общесоюзного в основном на 20—30 %, а для второй — ниже почти на 10 %. Наиболее низкий уровень смертности в трудоспособных возрастах у грузинок (ниже общесоюзного почти на 30 %). У русских женщин среди национальностей европейской части страны наиболее высокий уровень смертности (в 1969—1970 гг. выше

общесоюзного на 7 %, а в 1978—1979 гг. — равный общесоюзному). Смертность женского населения в трудоспособных возрастах всех национальностей за десятилетие выросла незначительно. Наибольший рост наблюдался у молдаванок, казашек и туркменок. Несколько снизилась смертность лишь у таджичек и грузинок.

Для женщин коренных национальностей республик Средней Азии и Закавказья свойственна в среднем более низкая трудовая активность в общественном производстве и более высокий уровень рождаемости, чем для женщин коренных национальностей республик европейской части страны. Характер занятости определяет этническую дифференциацию причин смерти: более высокая смертность коренного женского населения в трудоспособных возрастах связана с очень высокой трудоемкостью быта, который лежит в основном на женщине, — это раннее истощение женского организма из-за многочисленных родов с малыми интервалами, длительным и почти непрерывным кормлением и неполноценным питанием; кроме того, следует учесть, что здоровье женщины подвергалось большому риску в районах традиционного образа жизни.

У русских мужчин, проживающих на территории союзных республик, смертность, как правило, выше, чем у коренного населения (табл. 7). И лишь в Белоруссии смертность у русских несколько ниже смертности белорусов. Наибольшие различия в смертности русских и коренных национальностей, проживающих на одной территории, наблюдались в Средней Азии и Казахстане. Здесь смертность русских была почти вдвое выше смертности коренных

Таблица 7. Вероятность смерти в возрастах 15—59 лет у русских, проживающих на территории разных республик, в 1969—1970 и 1978—1979 гг. (1000 q_{15-59})

Союзная республика	Мужчины			Женщины		
	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	Изменение, %	1969—1970 гг.	1978—1979 гг.	Изменение, %
РСФСР	313,0	350,0	+12	128,3	128,6	—
Украинская ССР	263,9	304,7	+16	107,1	115,0	+7
Белорусская ССР	213,8	246,6	+15	87,0	97,5	+12
Узбекская ССР	329,7	369,4	+12	136,5	143,1	+5
Казахская ССР	319,1	353,6	+11	128,2	142,6	+11
Грузинская ССР	281,7	342,0	+21	119,9	137,7	+15
Азербайджанская ССР	—*	354,1	—	—*	132,3	—
Литовская ССР	260,2	294,3	+13	113,9	118,7	+4
Молдавская ССР	298,3	328,4	+10	132,6	132,7	—
Латвийская ССР	265,7	334,5	+26	119,3	124,0	+4
Киргизская ССР	322,7	356,3	+10	128,4	143,5	+12
Таджикская ССР	335,2	348,9	+5	126,5	139,5	+10
Армянская ССР	201,6	255,9	+27	106,1	91,4	—24
Туркменская ССР	364,3	392,3	+10	144,4	161,3	+12
Эстонская ССР	257,8	341,9	+33	109,4	119,3	+9

* Данные недостоверны

национальностей. За девять лет смертность мужчин в трудоспособных возрастах у русских выросла на всех территориях и, как правило, более существенно, чем у коренного населения. Наибольший рост наблюдался у русских мужчин, живущих на территории республик Прибалтики, Украины и Закавказья. За это время различия в смертности мужчин в трудоспособных возрастах между русским и коренным населением, как правило, увеличивались в основном за счет роста смертности русских мужчин.

Русские женщины, проживающие на территории республик Средней Азии, Казахстана и Молдавии, имели уровень смертности в трудоспособных возрастах несколько выше уровня русских женщин по стране в целом, а на территории республик Прибалтики, Украины и Белоруссии — несколько ниже. Смертность русских женщин в первой группе территорий в основном ниже смертности женщин коренной национальности, а во второй, как правило, на одном уровне. В республиках Закавказья смертность русских женщин несколько выше смертности женщин коренного населения. За девять лет смертность русских женщин в трудоспособных возрастах выросла незначительно на всех территориях.

Наибольшие различия между коренным и русским населением наблюдались к концу 70-х годов в Грузии: у русских женщин смертность в полтора-два раза была выше, чем у грузинок.

При интерпретации этих факторов следует учитывать этническую дифференциацию в характере труда и быта, особенно в городах Средней Азии, где коренное население в большей мере склонно к традиционным стереотипам поведения, а некоренное — к современным. Различаются также гигиенические навыки, отношение к здравоохранению и вообще весь набор факторов витального поведения.

Итак, к концу 70-х годов XX в. основные различия в смертности наблюдались среди коренных национальностей европейской и азиатской частей страны. Сравним возрастные кривые смертности этих групп населения (см. рис. 1, 2). Для мужского населения коренных национальностей азиатской части страны характерна более высокая смертность в детских возрастах и более низкая — в трудоспособных и старческих возрастах по сравнению с коренными национальностями европейской части страны. Женское коренное население в Средней Азии имеет более высокую смертность в трудоспособных возрастах и детских и наиболее низкую — в старческих, чем коренное население республик европейской части страны. Остальные национальности занимают как бы промежуточное положение. Русские, живущие в азиатской части страны, по характеру смертности ближе к русским на территории европейской части, чем к коренным национальностям среднеазиатских республик, на территории которых они проживают.

В табл. 8 приведены данные, которые дают представление об этнической дифференциации смертности в СССР к концу 70-х годов. В ней представлены группы национальностей и отдельные

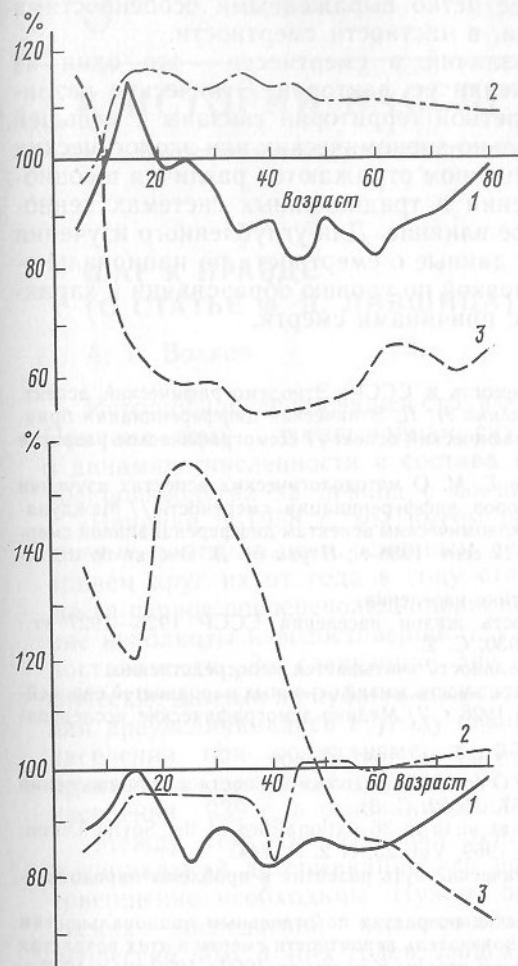

Рис. 1. Возрастные вероятности смерти по национальностям. 1978—1979 гг. Мужчины (в % к уровню СССР)
1 — латыши, литовцы, эстонцы;
2 — русские в РСФСР;
3 — узбеки в Средней Азии

Рис. 2. Возрастные вероятности смерти по национальностям. 1978—1979 гг. Женщины (в % к уровню СССР)
1 — латышки, литовки, эстонки;
2 — русские в РСФСР;
3 — узбекки в Средней Азии

Таблица 8. Характеристики смертности по национальностям в 1978—1979 гг.

Национальность	Ожидаемая продолжительность жизни (лет)			Младенческая смертность, ‰		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Русские	67,8	61,9	73,0	21,5	24,7	18,2
Белорусы	71,0	65,6	75,4	18,8	22,3	15,2
Украинцы	69,7	65,7	73,7	18,3	22,2	15,4
Литовцы, латыши, эстонцы	69,8	64,9	74,4	17,8	20,4	15,1
Узбеки, киргизы, таджики, туркмены	67,4	65,0	69,7	55,7	61,3	49,4

национальности с наиболее четко выраженными особенностями демографического развития, в частности смертности.

Анализ этнических различий в смертности — это один из подходов к проблеме изучения ее факторов. Этнические различия в смертности на конкретной территории связаны с меньшей мере с различиями в социально-экономических или экологических условиях жизни, в них в основном отражаются различия в социокультурных нормах поведения и традиционных системах ценностей, еще сохраняющих свое влияние. Для углубленного изучения этих различий необходимы данные о смертности по национальностям в сочетании с группировкой по уровню образования и характеру труда в комбинации с причинами смерти.

¹ См.: *Бондарская Г. А.* Рождаемость в СССР: Этнодемографический аспект. М., 1977; *Бондарская Г. А., Ильина И. П.* Этническая дифференциация брачности женщин в СССР: Демографический аспект // Демографическое развитие семьи. М., 1979.

² См.: *Дмитриева Р. М., Андреев Е. М.* О методологических аспектах изучения социально-экономических факторов дифференциации смертности // Международный семинар по социально-экономическим аспектам дифференциальной смертности. Венгрия. Шамарди, 9—12 сент. 1986 г.; *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения. М., 1960.

³ *Птуха В. М.* Очерки по статистике населения.

⁴ Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926—1927 гг.: Таблицы смертности. М.; Л., 1930. С. 2.

⁵ В советской статистике национальность учитывается непосредственно.

⁶ *Добровольская В. М.* Продолжительность жизни основных народностей европейской части России по переписи 1926 г. // Медико-демографические исследования: (Сб. научн. тр.). М., 1982.

⁷ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 409.

⁸ *Дмитриева Р. М., Андреев Е. М.* О средней продолжительности жизни населения СССР // Вестн. статистики. 1987. № 12. С. 31.

⁹ *Mazur D. P.* Expectancy of life at birth in 36 nationalities of the Soviet Union: 1958—60 // Population Studies. 1969. Vol. 23, N 2. P. 244.

¹⁰ *Караханов М. Қ.* Некапиталистический путь развития и проблемы народонаселения. Ташкент, 1983. С. 159.

¹¹ Динамика смертности в старческих возрастах по отдельным национальностям не анализировалась, поскольку показатель вероятности смерти в этих возрастах по таблицам смертности населения страны в целом за 1969—1970 гг. и 1978—1979 гг. оставался практически неизменным (для женщин $q_{60+} \approx 0,7$, для мужчин — $q_{60+} \approx 0,8$).

¹² *Исломов С. И.* Демография Таджикистана. Душанбе, 1985; *Кадыров Ш. Н.* Народонаселение Туркменистана, история и современность. Ашхабад, 1986.

ШАГ К ПРАВДЕ
(О СТАТЬЕ Ф. Д. ЛИВШИЦА)

А. Г. Волков

История населения нашей страны в XX в. пока еще не написана. Причина тому — чрезвычайная скудность достоверных данных о динамике численности и состава населения и показателей его воспроизводства за период с конца 20-х до конца 50-х годов.

Начиная с 1958 г. мы имеем более или менее достоверные данные почти по всем основным демографическим показателям, причем круг их от года к году становится все шире. Сведения же за первое послереволюционное десятилетие испытывают влияние неполноты и недостоверности учета и территориальной несопоставимости. За следующие два десятилетия, когда демографические данные не публиковались, а оценки численности населения преувеличивались в угоду сталинской догме быстрого роста населения при социализме, в распоряжении исследователей практически нет сведений, если не считать материалов переписи населения 1939 г. и основанных на них расчетов.

Между тем для изучения тенденций изменения населения и социальной детерминации его воспроизводства такие данные совершенно необходимы. Нужны они и для оценки демографических последствий коллективизации и индустриализации, репрессий 30-х и 40-х годов, людских потерь в годы Отечественной войны. Для восстановления данных о численности населения и демографических процессах за этот период — а такая работа сейчас разворачивается — исключительно важное значение имеет оценка достоверности всех существующих источников данных и их критический анализ.

В этом ряду особое место занимает перепись населения 1937 г., результаты которой, как известно, сильно разошлись со сделанными ранее преувеличенными оценками численности населения страны, из-за чего перепись была объявлена проведенной с грубейшими нарушениями элементарных основ статистической науки и утвержденных правительством инструкций, ее материалы признаны дефектными, а многие организаторы и участники репрессированы. Когда перепись была дезавуирована правительством,

в ее проведении стали выискивать все новые и новые недостатки. В письме Бюро переписи населения ЦУНХУ «О вредительских извращениях и организационных недостатках в проведении переписи населения 1937 года», направленном 10 декабря 1937 г. начальникам местных управлений народнохозяйственного учета, описание этих недостатков занимает 19 страниц машинописного текста через один интервал¹. Но основной причиной того, что результаты этой переписи сочли дефектными, до сих пор считался допущенный якобы при ее проведении огромный недоучет населения. В «Памятке для счетчика», помещенной на обороте переписного листа, как утверждалось, составленной вредителями, счетчиком предлагалось вычеркивать всех, кто не ночевал дома в критический момент переписи, что привело якобы к массовому пропуску жителей. Поэтому главный вопрос, который интересовал и интересует исследователей, действительно ли в этой переписи был допущен недоучет населения и какой была тогда фактическая его численность. От ответа на этот вопрос зависит возможность оценки демографических показателей как для последующих, так и для предыдущих лет.

В последние годы появилось главным образом в общественно-политических журналах и даже в художественной литературе немало расчетов и соображений о том, что же произошло на самом деле². В специальной литературе эта проблема пока не рассматривалась. Между тем известный советский статистик Федор Давыдович Лившиц (1893—1975 гг.), работа которого впервые публикуется в этом сборнике, попытался ответить на этот вопрос еще 17 лет назад. Статья написана в 1972 г., а 13 июня 1973 г. он сделал доклад на заседании Научно-координационного совета по проблемам демографии АН УССР о результатах своих исследований³.

Проанализировав опубликованные оценки численности населения за довоенные годы и сопоставив их с демографическими прогнозами, сделанными акад. С. Г. Струмилиным и в проекте второго пятилетнего плана, Ф. Д. Лившиц пришел к выводу, что данные о численности населения страны, на которые ориентировались, оценивая достоверность результатов переписи 1937 г., были сильно преувеличенными, что подтвердила и новая перепись, проведенная в 1939 г. Он подробнейшим образом разобрал также методологические особенности переписи населения 1937 г. и показал нечеткость в определениях учитываемых категорий населения. Детальное рассмотрение категорий людей, которые могли не ночевать дома на критический момент переписи, и блестящее знание статистических источников позволили ему оценить максимальную их численность. В результате Ф. Д. Лившиц показал, что суммарный недоучет, обусловленный «Памяткой для счетчика», а точнее — возможным неправильным ее толкованием, не мог превысить 450 тыс. человек, или около одной трети процента населения⁴. Тем самым было доказано, что существенного недоучета по крайней мере из-за «Памятки» не было,

а потому и обвинения руководителей и организаторов переписи 1937 г. во вредительстве беспочвенны.

Статья Ф. Д. Лившица написана была в то время, когда многих материалов в распоряжении исследователей еще не было, да и не обо всем можно было сказать прямо. Правда, к тому времени руководители переписи были реабилитированы, а В. Н. Старовский уже опубликовал скорректированную на недоучет оценку численности населения по переписи 1937 г. — 164 млн человек. В его трудах не содержится уточнений, каким методом и на основании каких источников рассчитана эта величина, однако не подлежит сомнению, что расчет сделан если и не им самим, то наиболее квалифицированными специалистами ЦСУ СССР. Теперь, когда обнародована численность населения, непосредственно уточненной переписью 1937 г., — 162 003 225 человек⁵, можно видеть, что поправка на недоучет, сделанная ЦСУ СССР, составляет 1769 тыс., т. е. несколько более 1%. Эту величину недоучета, хотя она и превышает оценку Ф. Д. Лившица, также следует считать весьма умеренной.

Аналогичная поправка была внесена и в итоги переписи населения 1939 г. Тогдашний председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский и начальник ЦУНХУ Госплана СССР И. В. Саутин в своей записке на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова оценивали предварительную численность населения по данным приемки переписных листов (по Крайнему Северу были учтены данные не переписи, а оргплана, т. е. взята предварительная оценка) в 167,3 млн человек⁶. «Необходимо, однако, учесть, — писали они, — что существует относительно небольшая часть населения, которая не может быть полностью учтена методом переписи. Сюда относятся: живущие без прописки в городах, уклонившиеся от переписи из опасения штрафа (в случае обнаружения проживания без прописки), сектанты и др. классово-враждебные элементы, уклонившиеся от переписи по злым мотивам, уголовные элементы и др. Могли быть, несмотря на наличие контрольных обходов, также и единичные случаи прямого пропуска населения счетчиками при переписи. В статистической науке считается общепризнанным, что перепись не может дать исчерпывающе точный счет населения»⁷. Исходя из этого, Н. А. Вознесенский и И. В. Саутин считали возможным внести в результаты переписи поправку в размере 1%. В это время продолжалась разборка контрольных бланков, которых было составлено 4 569 тыс. Авторы записки считали, что в результате проверки контрольных бланков «в переписные листы будет записано с контрольных бланков — 1 142 тыс. человек»⁸. Таким образом, общая численность населения СССР оценивалась ими в 170 126 тыс. человек. Так они выходили на 170 млн, названных Сталиным за десять дней до этого⁹. Следует согласиться с мнением В. В. Цаплина, оценивающего переучет в результатах переписи 1939 г. в 1—2 млн человек, что, «по всей вероятности, этот переучет сделан был преднамеренно»¹⁰.

Иными словами, приведенные материалы убедительно доказывают, что грандиозного недоучета, дававшего основания забраковать результаты переписи 1937 г., попросту не было. Исследование Ф. Д. Лившица дает для этого основательную опору.

Оно примечательно еще и тем, что наглядно показывает, как путем скрупулезного анализа статистических данных и сопоставления различных их источников исследователь по мельчайшим деталям реконструирует действительную картину событий. В этом смысле работа Ф. Д. Лившица может служить примером историко-статистического исследования, хотя и не во всем беспристрастного.

Естественно, что за годы, прошедшие со времени ее написания, обнаружались новые материалы и свидетельства, и трагическую историю переписи 1937 г. можно дополнить и уточнить. В некоторых случаях для этого было достаточно просто сопоставить известные до сего времени факты.

Автору этих строк удалось установить по архивным данным, что перепись откладывалась и переносилась не два, как считал Ф. Д. Лившиц, а по крайней мере четыре раза. Постановлениями СНК СССР от 22 апреля 1932 г. она была назначена на декабрь 1933 г., 15 апреля 1933 — отложена до начала 1935 г., 26 июня 1934 г. — перенесена на январь 1936 г., спустя год, 15 июня 1935 г., — перенесена на декабрь 1936 г. и, наконец, 28 апреля 1936 г. окончательно назначена на январь 1937 г.¹¹

Причем параллельно в течение всех этих лет предпринимались попытки усовершенствовать учет населения: Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. введены паспорта в городах как мероприятие по улучшению учета населения городов, рабочих поселков и новостроек; Постановлением ЦИК 10 июля 1934 г. образован общесоюзный НКВД, на который возложена запись актов гражданского состояния; 21 сентября 1935 г. принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения»; 27 июля 1936 г. — Постановление ЦИК СССР о порядке и сроках регистрации рождений и смертей; к этим актам вполне логично добавить и Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов¹².

Вряд ли оба эти ряда правительственных актов независимы один от другого. Взятые в своей естественной последовательности, они не оставляют сомнения в том, что данным о рождениях, смертях и естественном приросте не доверяли и в то же время не решались провести перепись, которая должна была дать действительную картину численности и состава населения. Очевидно, и то и другое объясняется несовпадением действительного хода демографических процессов с провозглашенной Сталиным закономерностью быстрого роста населения при социализме. За этим стоит и стремление скрыть людские потери, вызванные коллективизацией, голодом и массовыми репрессиями 30-х годов.

Создается впечатление, что проведение переписи сознательно оттягивалось. 22 февраля 1935 г. тогдашний начальник ЦУНХУ В. В. Осинский представил в СНК проекты формуляров переписи и просил в срочном порядке рассмотреть проект ее программы, так как «необходимо готовиться к переписи полным ходом»¹³.

Не получив ответа, он 4 апреля вновь обращается к В. М. Молотову с просьбой рассмотреть вопрос о программе переписи и обеспечении ее проведения¹⁴. Время уходит, но ответа по-прежнему нет. 8 июня 1935 г. В. В. Осинский еще раз решает напомнить Молотову о необходимости рассмотреть вопрос о производстве переписи в 1936 г.¹⁵ На этот раз отклик не задержался, и уже через неделю, 15 июня 1935 г., СНК постановляет провести всеобщую перепись населения в декабре 1936 г.¹⁶, а В. В. Осинского снимают с поста начальника ЦУНХУ.

Как известно, представленный ЦУНХУ в Совнарком проект переписи подвергся там значительным изменениям¹⁷. Была создана комиссия, работа которой не подлежала огласке. Уже после проведения переписи работники местных управлений народно-хозяйственного учета на совещании 16 мая 1937 г. упрекали И. А. Краваль в том, что им не было ничего известно о переработке проекта переписи в Совнаркоме и узнали они об этом только из книги А. И. Гозулова, вышедшей в декабре 1936 г.¹⁸ Ветеран советской статистики В. Н. Максимова, близко знавшая одного из руководителей подготовки переписи Л. С. Бранда, вспоминала, что он рассказывал о существовании комиссии, а на вопрос о том, кто в нее входил, шутливо отвечал: «Шесть портретов», — имея в виду высокопоставленных лиц, чьи портреты висели в кабинетах. Кто именно это был, он не говорил. Теперь архивы позволили установить состав комиссии: 16 сентября 1935 г. Совнарком рассматривает, наконец, вопрос о всесоюзной переписи населения и жилищ и поручает комиссии в составе В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна, Н. К. Антипова (зам. председателя СНК и СТО СССР), Н. А. Булганина (председатель Моссовета), Э. И. Квининга (зам. председателя Госплана СССР), И. А. Краваль (начальник ЦУНХУ) и А. С. Попова (зам. начальника ЦУНХУ) рассмотреть вопрос в месячный срок¹⁹. Позднее комиссией руководил В. И. Межлаук (зам. председателя СНК СССР и председатель Госплана СССР).

Назначение комиссии столь высокого ранга для рассмотрения в общем частного вопроса — случай беспрецедентный в истории переписей населения. Но важнее другое: в ее составе не было ни одного специалиста по статистике населения. Как И. А. Краваль, так и А. С. Попов, хотя и имели опыт руководящей работы в ЦУНХУ, но не были демографами-профессионалами. Непосредственные же руководители переписи, хотя, очевидно, и приглашались на ее заседания, права голоса в ней, конечно, не имели.

В результате работы комиссии программа переписи, весьма тщательно разработанная специалистами ЦУНХУ, была сокра-

шена и предельно упрощена. Из 31 (включая подвопросы) вопроса программы в окончательном варианте осталось лишь 14. Были исключены, в частности, вопросы о языке грамотности, о месте рождения и продолжительности проживания, о положении в занятии, о побочном занятии, продолжительности брака и другие, полностью исключена весьма обстоятельная характеристика жилища и жилищных условий. Подробная характеристика социального, производственного и профессионального состава населения, которую предусматривал проект ЦУНХУ, была выхолощена и заменена вопросами о занятии, месте работы и общественной группе, которые с тех пор повторяются во всех наших переписях, ограничивая возможность глубокого изучения социально-профессионального состава населения. Серьезным изменением подверглась и методология переписи: вместо двух категорий населения — постоянного и наличного, совместный учет которых общепризнанно дает более точные результаты, была оставлена лишь категория наличного населения, была исключена возможность изучения семьи и брачного состава населения. Все это значительно ухудшило проект. Кроме того, решением Совнаркома продолжительность переписи была сокращена до одного дня, причем порядок предварительного заполнения переписных листов с последующим приведением записей к состоянию на критический момент сохранен. О последствиях, которые повлекло за собой это решение, подробно пишет Ф. Д. Лившиц.

По воспоминаниям В. Н. Максимовой, Л. С. Бранд безуспешно возражал против большинства «усовершенствований» комиссии, неправильность которых была ему ясна, и даже составил письменный протест против неверных и вредных ее решений. Документ этот пока не найден.

Переработанный комиссией проект был представлен И. В. Сталину. К сожалению, пока не удалось обнаружить, какие поправки он внес. Известно только, что они были сделаны. В 60-х годах А. Я. Боярский рассказывал автору этих строк, что у В. Н. Старовского в сейфе хранится проект бланка переписи 1937 г. с собственноручными поправками Сталина. Тому есть подтверждения и в печати. Во втором издании «Азбуки статистики» Старовский писал: «По инициативе товарища Сталина проводится всеобщая перепись населения 1937 г. Товарищ Сталин принимал личное участие в редактировании бланка переписи»²⁰. Еще более определенно говорится об этом в передовой статье журнала «План»: «Партия и правительство уделяют переписи величайшее внимание. Переписной лист тщательно редактировался лично тов. Сталиным. Это воодушевляет, придает бодрость и силу в работе. . .»²¹ Не подлежит сомнению, что именно Сталиным включен в программу переписи 1937 г. вопрос о религии. Об этом свидетельствует не только то обстоятельство, что влияние вопроса о религии на результаты переписи 1937 г. нигде впоследствии не обсуждалось, но и присутствие этого вопроса в ряде проектов

программы переписи населения 1939 г., представлявшихся в правительство: правда, в окончательный вариант программы этой переписи вопрос о религии включен не был. Другие поправки Сталина в переписном листе и в инструкции нам пока не известны.

Была крайне неудачна и составленная комиссией и, очевидно, также отредактированная Сталиным, инструкция по заполнению переписного листа Всесоюзной переписи населения 1937 г., утвержденная Совнаркомом вместе с переписным листом 28 апреля 1936 г. (по должности ее подписал И. А. Краваль). В инструкции, размещенной на неполных четырех страничках, не были разъяснены важнейшие понятия переписи: не указывалось, например, что состояние в браке учитывается независимо от того, зарегистрирован ли брак, не было дано определения грамотности, религии и т. д. В инструкции отсутствовали и необходимые разъяснения о порядке проведения переписи — предварительном заполнении переписных листов с последующей корректировкой записей.

Но важны не эти детали, хотя для специалистов ясно, насколько ухудшили они проект. Наиболее существенно, на наш взгляд, то, что работники ЦУНХУ, руководившие подготовкой и проведением переписи 1937 г. и обвиненные потом в ее намеренном искажении, не только не были авторами ее окончательного проекта, но практически не участвовали в его разработке! И все нарушения принципов статистической науки, в которых их потом обвиняли, оказываются на совести тех, кто подверг этих людей жестокой и неоправданной каре.

К чести организаторов переписи, в частности Л. С. Бранда, нужно сказать, что они пытались (как оказалось — заплатив за это жизнью) поправить дело. Были изданы, хотя и малым тиражом, «Бланки и пособия для счетчика» и «Бланки и пособия для контролера-инструктора», содержавшие основные документы переписи, ответственным редактором этих изданий значится Л. С. Бранд. Здесь были помещены «Правила работы счетчика» и «Указания к заполнению отдельных вопросов переписного листа», содержание которых не оставляет сомнения в том, что они преследовали цель компенсировать упущения утвержденной инструкции. Совершенно очевидно, что с той же целью была составлена и «Памятка для счетчика», в которой было дано неясно изложенное в инструкции описание порядка проведения переписи и отсутствовавшее в инструкции определение понятия религии как «теперешних собственных убеждений опрашиваемых». Парадокс в том, что именно эти отчаянные попытки спасти загубленную невежественным вмешательством перепись были обращены затем против ее инициаторов и организаторов.

В трагической истории переписи 1937 г. заполнены пока лишь несколько страниц. Путь к восстановлению довоенных данных о населении страны только начинается. На этом пути исследование Ф. Д. Лившица — один из первых, но очень важный шаг.

- ¹ См.: ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 978, л. 190—199.
- ² Наиболее интересные — в статьях демографа М. С. Тольца «Сколько же нас тогда было?» (Огонек. 1987. № 51. С. 10—11), «Репрессированная перепись» (Родина, 1989. № 11. С. 56—61).
- ³ См.: В Научно-координационном совете «Закономерности демографического развития Украинской ССР» // Демографические тетради. Киев, 1973. Вып. 8. С. 329, 330).
- ⁴ Там же. С. 330. Эта оценка, хотя и без ссылки, приводится также в упомянутой первой статье М. С. Тольца.
- ⁵ Циплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопр. историн. 1989. № 4. С. 176.
- ⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 329, д. 256, л. 39.
- ⁷ Там же. Л. 39, 40.
- ⁸ Там же. Л. 40.
- ⁹ Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ВКП(б), 10 марта 1939 г. // Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 617.
- ¹⁰ Циплин В. В. Указ. соч. С. 180.
- ¹¹ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 754, л. 82; д. 845, л. 23, 31.
- ¹² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. Отдел первый. 1932. № 8. С. 516; 1934. № 36. С. 283; 1936. № 44. С. 369.
- ¹³ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 845, л. 23.
- ¹⁴ Там же. Л. 27.
- ¹⁵ Там же. Л. 41.
- ¹⁶ Там же. Л. 31.
- ¹⁷ Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран: (Опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения). М., 1936. С. 303—305.
- ¹⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 964, л. 113.
- ¹⁹ Там же. Д. 845, л. 87.
- ²⁰ Старовский В. Н. Азбука статистики. М., 1936. С. 30.
- ²¹ Всесоюзная перепись населения // План. 1936. № 10. С. 3.

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1937 ГОДА *

Ф. Д. Лившиц

I

Среди переписей населения в СССР, да и среди девяти сот с лишним переписей населения во всем мире вторая Всесоюзная перепись населения 6 января 1937 г. занимает в истории демографической статистики как бы особое место. Дважды назначаемая (на 1932 и на 1935 гг.), но оба раза затем откладываемая и, наконец, осуществленная в 1937 г., следовательно, долгие годы подготавливаемая, предваренная пробной переписью (в 1932 г.), сильно отличная от своих предшественниц (переписей 1920, 1923 и 1926 гг.) по программе наблюдения и организационному плану, совершенная под руководством и при непосредственном участии многих квалифицированных опытных статистиков, — эта перепись в конце концов была официально признана организованной ненаучно, а ее итоговые данные — дефектными и потому даже

* Статья написана в 1972 г. Публикуется впервые. — Ред.

не заслуживающими опубликования. Такой своеобразной и печальной судьбы не знала, пожалуй, ни одна из прочих демографических переписей во всем мире.

В статистических ежегодниках «Народное хозяйство СССР», издаваемых ЦСУ СССР с 1956 г., после данных о численности населения СССР по переписи 17 декабря 1926 г. (147,0 млн) непосредственно следуют данные по переписи 17 января 1939 г. (170,6 млн) и по двум дальнейшим переписям — 15 января 1959 г. и 15 января 1970 г. Интересный «Справочный материал», издаваемый ЦСУ СССР к обсуждению каждой новой переписи населения, содержит сравнительные формулировки вопросов при разных переписях и разъяснения инструкций об ответах на эти вопросы (от переписи 1897 г. включительно). Однако начиная уже с переписи 1959 г. формулировки и разъяснения, относящиеся к переписи 1937 г., из этих справочных материалов исчезли. Если судить по «Справочному материалу» к переписи 1970 г., предложенному участникам Всесоюзного совещания статистиков 22—26 апреля 1968 г., то перепись 1937 г. в СССР вообще не производилась¹. А ведь среди 884 членов совещания 1968 г., несомненно, было немало свидетелей и даже участников этой переписи!

В 1960 г. вышло первое, а в 1969 г. — второе издание сборника статей «История советской государственной статистики». В первом издании (к 40-летию государственной статистики в СССР) А. М. Вострикова, автор статьи «Статистика населения и здравоохранения» (с. 231—256), уделила переписи 1937 г. лишь шесть строк (на с. 244—245). Во втором издании (к 50-летию государственной статистики) А. М. Вострикова и П. Г. Подъячих, авторы обстоятельного исторического очерка «Статистика населения» (с. 360—390), останавливаются на переписи 1937 г. несколько подробнее (абзац из 15 строк — с. 372): сообщают о ее дате и критическом моменте, говорят о ее «основном дефекте» — «неполноте учета населения» как о «результате главным образом того», что указания краткой «Памятки для счетчика» противоречили инструкции о заполнении переписного листа.

В 1967 г. вышел в свет «Курс демографии», написанный коллективом советских ученых, — первый и пока единственный в СССР (М., 1967). Второй раздел этого курса (с. 39—86) посвящен вопросам статистического изучения численности и состава населения. В главе 3, п. 12 мы находим двусторонний обзор, в сущности перечень, учетов и переписей населения в России и СССР (с 1245 по 1959 г.); о переписи 1937 г. здесь говорится в семи строках на с. 63, правда, строках необычно выразительных (к ним мы еще вернемся в дальнейшем). Еще три строки об этой переписи мы встречаем в главе V (на с. 80) в связи с вопросом о статистическом изучении вероисповеданий населения.

Такова незаслуженно мизерная сумма сведений о переписи

1937 г. в работах современных советских статистиков и демографов. О приблизительной численности населения, зарегистрированного при этой переписи, впервые представилась возможность узнать лишь через 28 лет — из статьи В. Н. Старовского в «Вестнике статистики»². Между тем эта перепись 1937 г. по многим основаниям и причинам заслуживает гораздо большего внимания.

II

Остановимся кратко на трех предшественницах переписи 1937 г.

Как известно, первая советская перепись населения была произведена 28 августа 1920 г. Она составляла часть всеобщей переписи 1920 г., включавшей также сельскохозяйственную перепись и краткий учет промышленных предприятий и учреждений народного образования. Произведенная в обстановке гражданской войны и последствий интервенции, она охватила около 72 % населения РСФСР. По своим задачам и целям это была перепись профессионально-демографическая: в ее программе уделено большое внимание вопросам производственно-профессионального характера (вопросы 12—16 личного листка со многими уточняющими подвопросами).

15 марта 1923 г. была произведена единственная за годы советской власти Всероссийская городская перепись; одной из ее составных частей стала профессионально-демографическая перепись населения в городах и городских поселениях (список их был установлен ЦСУ).

Очередная, третья советская перепись населения явилась первой всесоюзной. Первоначально (в 1924 г.) предполагалось произвести в 1925 г. всеобщую перепись — населения, промышленности, сельского хозяйства, торговли и кооперации; затем она была отсрочена. 17 августа 1926 г. СНК СССР постановил ограничиться лишь очередной переписью населения; 3 сентября 1926 г. ЦИК СССР и СНК СССР назначили эту перепись на 17 декабря 1926 г. и определили порядок ее производства. Таким образом, для подготовительных работ к новой переписи населения в распоряжении ЦСУ фактически оказалось в общей сложности два с лишним года (с середины 1924 г. по конец 1926 г.), что сказалось благоприятно на всей ее подготовке. Организационные и программно-методологические вопросы новой переписи были обсуждены на Всероссийской статистической конференции (февраль-март 1925 г.) и особенно подробно на IV Всероссийском съезде статистиков (февраль 1925 г.). Вся практическая подготовка переписи была сосредоточена в Отделе демографической статистики ЦСУ; его возглавлял один из виднейших статистиков-демографов того времени Василий Григорьевич Михайловский (1871—1926). Его крупный организаторский талант сказался и в том, что к подготовке переписи уже с середины 1924 г.

были привлечены многие местные статистические органы. Неожиданная смерть постигла В. Г. Михайловского за несколько дней до начала переписи³. Все дальнейшее руководство переписью 1926 г., включая разработку ее данных и издание сводных материалов, перешло к его ближайшему помощнику Олимпию Аристарховичу Квиткину.

О. А. Квиткин (1874—1937) — выдающийся советский статистик-демограф. В 90-х годах прошлого века он работал в статистических бюро земских учреждений Черниговской губернии (1896—1897), Орла (1897—1898) и Вологды (1903—1905); затем как революционер был вынужден эмигрировать⁴. Вернувшись из эмиграции (1913), работал учителем в Орле, а с 1915 г. — статистиком на промышленных предприятиях Москвы. После Октябрьской революции он, по приглашению П. И. Попова, возглавил в ЦСУ Отдел статистики городов; был членом коллегии ЦСУ (1919—1926), участвовал в разработке первого в истории статистики баланса народного хозяйства СССР в 1923—1924 гг., руководил городской переписью 1923 г. и переписью населения 1926 г. Превосходный знаток статистической теории и практики, О. А. Квиткин стал организатором и руководителем образцовой разработки и издания результатов переписи 1926 г. Он был редактором трех выпусков «Предварительных итогов», десяти выпусков «Кратких сводок» и всех 56 томов обширных материалов этой переписи. Он был автором вступительных статей к этим томам, автором талантливых и оригинальных аналитических обзоров их содержания и разносторонних сопутствующих комментариев. В этих статьях, обзорах, комментариях он обогащал советскую демографическую науку и статистику новыми понятиями, классификациями, группировками. Неудивительно, что в дальнейшем ЦУНХУ СССР возложило именно на О. А. Квиткина подготовку переписи 1937 г. и руководство ею.

Ближайшими практическими сотрудниками О. А. Квиткина при подготовке и проведении этой переписи были такие опытные статистики-демографы, как Л. С. Бранд (ведавший изданием инструментария переписи и массовой литературы для регистраторов, инструкторов, контролеров, агитаторов и т. д.), М. В. Курман (до того ученик и сотрудник С. А. Новосельского и В. В. Паевского в ленинградском Демографическом институте АН СССР, ныне известный статистик-демограф, автор многих научных работ)⁵ и др.

III

Вторая всесоюзная перепись населения первоначально намечалась на 1932 г. Ее данные должны были отразить изменения в численности, составе и размещении населения СССР по сравнению с 1926 г. как результат социальных и демографических процессов на протяжении первой пятилетки (1927—1932 гг.), главным образом индустриализации страны и коллективизации

сельского хозяйства. В дальнейшем эта перепись была перенесена на 1935 г., но затем вторично отсрочена и окончательно назначена на 1937 г.

Как подготовительная операция к будущей переписи еще в ноябре 1932 г. была произведена пробная перепись населения — первая в практике советской статистики. Ее произвели в четырех районах Московской области с целью проверить организационные и методологические положения предстоящей всесоюзной переписи населения. При пробной переписи было обращено особое внимание на правильность ответов об уровне образования и на возможность изучить миграцию населения, был опробован переписной лист списочной формы. По своей программе пробная перепись была ближе к переписи 1926 г., чем к переписи 1937 г., хотя ее инструментарий и рассматривался как прототип инструментария предстоящей переписи. В окончательной редакции он претерпел значительные изменения.

28 апреля 1936 г. состоялось постановление СНК СССР «О все-союзной переписи населения 1937 года»⁶. СНК установил дату переписи (6 января 1937 г.) и ее критический момент (полночь с 5 на 6 января), утвердил формуляр переписного листа, назначил сроки подбора счетчиков и контролеров-инструкторов (с 1 августа по 1 ноября 1936 г.) и предельный срок их подготовки (15 декабря 1936 г.). Одновременно СНК утвердил «Инструкцию ЦУНХУ Госплана СССР по заполнению переписного листа Всесоюзной переписи населения 1937 года»⁷, и в августе эта инструкция была издана массовым тиражом. В развитие постановления СНК от 28 апреля 1936 г. ЦУНХУ издало общую «Инструкцию по организации подготовки и проведения всесоюзной переписи населения 1937 года».

Главные особенности переписи 1937 г. состояли в следующем⁸:

1) это была единственная «однодневная» советская перепись населения;

2) впервые основным формуляром стал не индивидуальный личный листок, а переписной лист формы списка;

3) достаточно специфична была ее программа — круг изучаемых признаков жителей;

4) объектом переписи было наличное население.

«Однодневность» переписи заключалась в следующем. Вся перепись подразделялась как бы на три этапа: а) с 1 по 5 января 1937 г. предварительно заполняются переписные листы; б) в один день 6 января с 8 часов утра до 12 часов ночи производится сама перепись, т. е. счет населения, проверка и сбор предварительно заполненных переписных листов, а также дополнительное внесение в листы тех лиц, которые почему-либо не были внесены в них при предварительном заполнении; в) с 7 по 11 января производится проверка правильности всего счета населения и заполнения переписных листов⁹.

В переписной лист могли быть записаны 8 человек (4 на его лицевой стороне и столько же на оборотной). Запись в перепис-

ной лист (а в случае надобности — в два и более объединенных листа) велась поквартирно, а в пределах квартиры — посемейно.

Формуляр переписного листа, утвержденный СНК СССР 28 апреля 1936 г., включал 14 вопросов:

1. Пол (мужской или женский).
2. Сколько лет или месяцев от роду.
3. Национальность.
4. Родной язык.
5. Религия.
6. Состоит ли в браке.
7. Гражданин какого государства.
8. Грамотен ли.
9. В какой школе учится — в начальной, в средней или высшей.
10. В каком классе или на каком курсе учится.
11. Окончил ли среднюю или высшую школу.
12. Род занятия (службы) в настоящее время.
13. Место работы (название предприятия, колхоза, учреждения).
14. К какой общественной группе принадлежит: к группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий или служителей культа и нетруда-щих элементов.

Введение некоторых новых вопросов или более подробная формулировка встречавшихся ранее была в программе переписи 1937 г. несомненным шагом вперед, наоборот, суженная формулировка некоторых прежних вопросов стала шагом назад.

В первую очередь следует отметить группу вопросов 8—11; они уже не просто устанавливали факт грамотности или неграмотности опрашиваемого, но давали возможность выяснить уровень его образования. Формулировки вопросов о занятии, о месте работы впоследствии перешли в программы следующих переписей, стали как бы традиционными для них. Новым был вопрос об общественной группе, к которой принадлежит опрашиваемый; и сам вопрос, и формулировка его также стали традиционными для последующих советских переписей населения.

Иное приходится сказать о вопросе 6: «Состоит ли в браке?» Все предшествующие переписи исходили из четырех категорий семейного положения: лица, ранее не состоявшие в браке; состоящие в браке; вдовы; разведенные. Перепись 1937 г. дала возможность выяснить только две категории — состоящих и не состоящих в браке в день переписи; это привело к немалому огрублению и обесценению статистической картины семейного состояния населения. Тем не менее упрощенная формулировка этого вопроса также стала, к сожалению, традиционной — перешла в переписные листы всех последующих переписей (вплоть до переписи 1970 г. включительно, несмотря на острые споры советских демографов-статистиков с руководителями Управления Всесоюзной переписи населения ЦСУ СССР)¹⁰.

Наконец, перепись 1937 г. — единственная советская перепись

населения, в программу которой был включен вопрос о религии. Инструкция ЦУНХУ, утвержденная СНК СССР 28 апреля 1936 г., содержала следующие пояснения к пятому вопросу: «Ответ на этот вопрос заполнять только для лиц 16 лет и старше. Речь в этом вопросе идет не о вероисповедании, к которому опрашиваемый или его родители причислялись официально в прошлое время. Если опрашиваемый считает себя неверующим, записывать „неверующий“. Если опрашиваемый считает себя верующим, записывать „верующий“, а для верующих, придерживающихся какого-либо определенного вероучения, записывать название религии (например: православный, лютеранин, баптист, молоканин, иудей, буддист и т. п.)»¹¹. Накопленный до того более чем вековой опыт переписей населения во всем мире говорил о малой эффективности, а потому о нецелесообразности постановки вопроса о религии или о вероисповедании. Практика переписи 1937 г. принесла новые тому доказательства. По суждению советских статистиков-демографов, принимавших участие в переписи 1937 г., данные переписи о численности верующих, тем более об их вероисповедании, были малонадежны (в большинстве случаев преуменьшены) и нерепрезентативны¹².

IV

Наибольшие, однако, трудности, осложнения и в конце концов неудачи переписи 1937 г. были связаны с пониманием *наличного населения* как объекта этой переписи.

Как известно, в демографии и демографической статистике различают три возможные *учетные категории* населения: наличное (находящееся в данной местности во время совершения переписи), постоянное (обычно постоянно живущее в этой местности) и юридическое (или «приписное» — значащееся в списках жителей, прописанное в данной местности или связанное с нею какими-либо иными правилами регистрации проживания). Однако и наличное население не есть однозначная учетная категория; необходимо различать население, наличное в демографическом ($H^{нал.}$) и в собственно физическом ($H_{физ.}$) понимании. Применительно к переписи население какой-либо территории (или местности), наличное в демографическом понимании, — «это люди, находящиеся на ней, скажем, в критический момент переписи, независимо от того, сколько времени они здесь находятся, предполагают ли оставаться здесь и дальше, числятся ли в списках. В переписи население складывается из населения помещений. Поэтому приходится причислять к наличному населению и тех, кто был не дома, а в гостях, в театре, находился в автобусе, наконец, просто на улице. Иными словами, для помещений наличие людей в демографическом смысле не тождественно их физическому наличию. Наличным считается всякий проживающий постоянно или временно в помещении человек, находившийся в данный момент на территории того же населенного пункта. Более того, некоторых

приходится считать наличными, даже если они были и за пределами данного населенного пункта, но не были связаны там ни с каким жилым помещением. К последним относятся, например, поездные бригады, экипажи самолетов, охотники и т. п. Особо стоит вопрос об отнесении к наличному населению пассажиров поездов и пароходов»¹³. «Все лица, входящие в состав наличного населения данного помещения, но фактически отсутствовавшие в нем, называются *случайно отсутствующими*. Они образуют разницу между наличным населением в демографическом и физическом смысле слова»¹⁴.

Обозначив всю численность случайно отсутствующих в какой-либо местности через $H_{отс.}^{случ.}$, мы приходим к следующему *учетному уравнению*:

$$H^{нал.} = H_{физ.} + H_{отс.}^{случ.} (*)$$

Главная трудность переписи наличного населения и заключается в точном определении демографической совокупности $H_{отс.}^{случ.}$ в том, чтобы установить статистически исчерпывающий или хотя бы возможно более подробный перечень образующих ее слагаемых (групп).

Как обстояло дело с конкретными формулировками-определениями трех статистико-демографических категорий уравнения (*) в исходных документах переписи населения 1937 г.¹⁵?

Об общем правиле и о месте регистрации населения мы читаем в этих документах;

№ 1. Население переписывается по месту жительства (4).

№ 2. Перепись производится по месту жительства в каждом жилом помещении (2).

№ 3. Население переписывается по месту жительства, а не работы (3).

Понятие наличного населения поясняется в этих документах следующим образом:

№ 1. В каждом населенном пункте переписывается все население, которое находится в нем в день переписи 6 января 1937 г. (4).

№ 2. Переписи подлежит все население, наличное на 12 часов ночи с 5 на 6 января 1937 г. (1).

№ 3. В каждом населенном пункте переписывается все наличное население, которое находится в нем в день переписи 6 января 1937 г. (3).

Категория физически наличного населения ($H_{физ.}$) и состав категории случайно отсутствующих ($H_{отс.}^{случ.}$) определялись в п. 2 документа № 2 следующим образом:

«2. В переписной лист должны быть записаны:

а) все лица, которые ночевали в данном помещении в ночь с 5 на 6 января 1937 г.;

б) работники ночной смены и дежурившие на постах или в учреждениях, а также железнодорожники (машинисты, кочегары, кондукторы, проводники и т. д.), бывшие в ночь с 5 на 6 января

1937 г. при исполнении служебных обязанностей, хотя бы и вне населенного пункта, в котором они живут, и лица, выехавшие с вечера 5 января 1937 г. на базар или в извоз; эти лица записываются в переписные листы вне зависимости от того, ночевали ли они дома или не ночевали».

Сумма категорий (а) и (б) в п. 2 образует все наличное в демографическом смысле население ($H^{нал}$), о котором говорилось в следующем п. 3 того же документа № 2:

«3. В отдельный переписной лист записываются:

а) все живущие в каждой отдельной квартире в городах;
б) все живущие в каждом отдельном доме, избе, хате, даче или другом помещении вне города;

в) все живущие в каждом отдельном доме отдыха, санатории, гостинице, в общежитии [и т. п.]».

Наконец, о регистрации пассажиров в пути было сказано:

№ 1. Население, находящееся в день переписи 6 января 1937 г. в пути, в поездах железных дорог и на пароходах, переписывается в особом порядке (4).

№ 3. Население, находящееся в день переписи 6 января 1937 г. в пути (в поездах железных дорог и на пароходах), переписывается в особом порядке (п. 3, примечание).

Сравнительный анализ выдержек, цитированных из трех исходных документов переписи 1937 г., приводит к выводу, что *при общей правильности и единстве определений*, в них содержащихся, все же была с самого начала допущена *некоторая частичная несогласованность формулировок* в разных документах. Так, формулировка, что население переписывается *по месту жительства, а не работы* (№ 3), дополнительно акцентирует, что оно переписывается только и единственно по месту жительства (№ 1), но формулировка *по месту жительства в каждом жилом помещении* (№ 2) вносила неопределенность в понимание *места жительства*.

Население пункта, *находящееся в нем в день переписи 6 января*, и население, *наличное в нем на 12 часов ночи с 5 на 6 января*, — строго говоря, различные по смыслу и по объему совокупности. Население, *находящееся в пути, в поездах и на пароходах* (№ 1), и *находящееся в пути (в поездах и на пароходах)* (№ 3), — две бесспорно различные совокупности: вторая объемлет только ехавших в поездах и на пароходах, первая включает также и людей, которые сверх того *находились в пути*, например пассажиров, дожидавшихся на вокзалах и в портах прибытия поездов и пароходов, ехавших в автомобилях и автобусах, летевших на самолетах, наконец, добиравшихся до цели гужевым транспортом или просто пешком.

С 7 по 11 января 1937 г., т. е. на протяжении пяти дней, происходила, как уже говорилось, общая проверка правильности всего счета населения. Ее производили на месте специально подготовленные контролеры-инструкторы путем обхода вместе со счетчиком всех жилых помещений на отведенном счетчику пере-

писном участке. В сельских местностях в таких контрольных обходах обязательно участвовал также уполномоченный сельского совета.

V

Принцип «однодневности», впервые положенный в основу основ переписи 1937 г., но после нее навсегда оставленный, повлек за собой многие неблагоприятные следствия — и прямые, и косвенные.

Прежде всего для совершения переписи «в один день», точнее — за 16 часов дня 6 января, а последующих контрольных обходов — за пять дней потребовалось небывало большое число работников переписи — счетчиков, контролеров-инструкторов, заведующих переписными отделами и их помощников, помощников городских и районных инспекторов народнохозяйственного учета по делам переписи и т. д. Персонал переписи состоял из 1,1 млн человек, в том числе 913 тыс. счетчиков и 132 тыс. контролеров-инструкторов. Между тем в следующей переписи 17 января 1939 г., с длительностью регистрации населения в 7, а в сельских местностях — даже в 10 дней, с последующими неспешными контрольными обходами на протяжении 10 дней, персонал переписи составил только 474 тыс. человек, в числе которых было лишь 374 тыс. счетчиков и 71 тыс. инструкторов-контролеров¹⁶.

Принцип «однодневности» переписной операции, провозглашенный постановлением СНК СССР от 28 апреля 1936 г. (пункты 1 и 5 постановления), несомненно внес немало пертурбаций в планы и расчеты тех ответственных работников ЦУНХУ, на которых уже задолго до того были возложены разработка организационного плана ближайшей переписи и ее подготовка. Возникла непредвиденная необходимость набрать миллионную с лишним армию работников переписи и подготовить ее к иным, более сложным условиям производства переписи. Для укомплектования кадров счетчиков и контролеров-инструкторов (их вместе понадобилось в дальнейшем более миллиона) СНК СССР обязывал советы народных комиссаров союзных и автономных республик, областные и краевые исполнительные комитеты совместно с органами ЦУНХУ «привлечь работников школ, советских и торговых учреждений, учащихся высших учебных заведений и старших классов средних школ, конторский персонал предприятий и колхозов и т. п. на срок, необходимый для их предварительной подготовки и для производства самой переписи» (п. 7). Кандидатура каждого счетчика или контролера-инструктора, представленная местными органами ЦУНХУ, подлежала персональному утверждению районным исполнительным комитетом или городским советом (п. 8). Для подбора и последующего персонального утверждения штата переписи был назначен строго определенный срок, именно с 1 августа по 1 ноября 1936 г. (т. е. три месяца); подготовка и инструктирование его органами

ЦУНХУ должны были быть закончены не позднее 15 декабря (п. 9).

Ответственность за производство переписи в целом СНК СССР возложил «на начальника ЦУНХУ Госплана Союза ССР, непосредственно осуществляющего руководство переписью». При нем для подготовки переписи и разработки ее результатов было образовано Бюро всесоюзной переписи населения. Непосредственное руководство счетчиками и контролерами-инструкторами возлагалось на участковых уполномоченных по переписи, утверждаемых из числа участковых инспекторов народнохозяйственного учета или особо привлекаемых лиц (см. п. 10).

Начальником ЦУНХУ Госплана СССР в 1935—1937 гг. был Иван Адамович Краваль, видный советский работник и государственный деятель (в 1927—1930 гг. член президиума ВСНХ, в 1930—1932 гг. — заместитель Народного комиссара труда, в 1932—1935 гг. — заместитель начальника ЦУНХУ). Бюро переписи населения 1937 г. возглавил (как начальник Бюро) О. А. Квиткин. Его заместителями последовательно были: в годы подготовки переписи, сравнительно недолго, — Ю. М. Сикра, в дальнейшем, с 1936 г., — Л. С. Бранд (Брандгендлер). Ю. М. Сикра — венгерский коммунист, приехавший в СССР после поражения Венгерской революции 1919 г.; перешел на работу в ЦУНХУ из НКТруда (где сотрудничал с И. А. Кравалем); после кратковременной работы в Бюро переписи стал начальником Отдела населения ЦУНХУ, а позднее — начальником Московского городского УНХУ. В окончательной организации переписи (в 1936 г.) и в непосредственном руководстве ею (в 1937 г.) активнейшее участие принимал уже Л. С. Бранд как ближайший помощник О. А. Квиткина. Другим заместителем О. А. Квиткина в 1936—1937 гг., ведавшим вопросами механизации сводки и разработки материалов переписи, был ныне здравствующий С. К. Неслуховский¹⁷ (до того непрерывно работавший с 1927 г. в ЦСУ, а затем в ЦУНХУ), крупный ученый и практик в области механизации вычислительных, учетных и статистических работ.

Миллионная численность штата работников переписи, его разнородность по уровню образования и опыту практической работы, крайне сжатые сроки его набора и персонального утверждения, инструктирования и подготовки, а главное, дальнейшая «однодневность» собственно переписи и сжатый срок контрольных обходов порождали и не могли не породить немало отрицательных последствий. П. Г. Подъячих, работавший в ЦУНХУ с 1936 г., а в 1937—1938 гг. (уже после переписи) — консультант и заместитель начальника организационного сектора Бюро всесоюзной переписи населения 1939 г., несомненно хорошо осведомленный о всем ходе подготовки переписи 1937 г., сравнивая позднее эти две переписи, писал: «Это позволило подобрать в 1939 г. более квалифицированных людей и лучше их обучить. . . При переписи 1937 г. заполнение переписных листов было произ-

ведено до дня переписи, когда еще неизвестно было, кто из переписываемых останется на день переписи в данном помещении. В переписных листах поэтому оказалось много излишних записей, и вычеркивание их в спешке в день переписи само по себе вело к ошибкам»¹⁸. П. И. Пустоход, в 1936—1937 гг. — старший научный сотрудник Института демографии АН Украины и участник переписи, несомненно, хорошо знакомый с практикой переписи 1937 г. на территории УССР, писал в 1940 г.: «Ответственнойшая работа по подготовке переписных кадров была проведена очень слабо. С одной стороны, республиканский и областной руководящий персонал сам не получил достаточной подготовки, с другой — разъяснения по ряду неясных вопросов были даны на места с большим опозданием, уже после инструктажа массовых переписных кадров. Не была проведена также проверка знаний переписного персонала»¹⁹. П. И. Пустоход, возможно, несколько тенденциозно преувеличивал оценки и сгущал краски, как это вообще было принятым при суждениях о переписи 1937 г. в ближайшие после нее годы (о чем мы будем еще говорить далее). Однако объективная суть, «зерно», общего вывода из высказываний и П. Г. Подъячих, и П. И. Пустохода едва ли может возбудить сомнения.

Обратим внимание, например, на следующее. С большим запозданием, только в начале декабря (т. е. за месяц до дня переписи), была дважды опубликована в совершенно идентичных текстах работа начальника ЦУНХУ И. А. Кравалья «Всесоюзная перепись населения 1937 года», имевшая официальный характер: как журнальная статья²⁰ и одновременно как отдельная брошюра²¹. На обложке журнала «План» № 21 обозначена плановая дата выпуска его в свет — 10 ноября 1936 г.; однако выходные данные этого номера говорят о другом: «Сдано в производство 21 ноября 1936 г.; подписано к печати 5 декабря 1936 г.». В выходных данных брошюры И. А. Кравалья читаем: «Сдано в производство 2 декабря 1936 г.; подписано к печати 4 декабря 1936 г. Тираж 10 000». К названным датам необходимо прибавить: для статьи в журнале — 3—5 дней на печатание тиража, брошюровку, рассылку и доставку подписчикам; для брошюры И. А. Кравалья — и того больше на печатание, доставку в Москву и рассылку тиража (в сущности ничтожного в сравнении с задачами брошюры) на места.

Почти одновременно со статьей и брошюрой И. А. Кравалья печаталась популярная информация о переписи и на местах. Так, для Ленинградской области была издана составленная в ЦУНХУ же небольшая брошюра (ответственный редактор Л. С. Бранд)²². Помимо краткого текста о задачах и значении предстоящей переписи, она содержала в приложениях главные законодательные, директивные и инструктивные материалы (постановление СНК СССР от 28 апреля 1936 г., инструкцию ЦУНХУ, передовую «Правды» от 29 апреля 1936 г., «Памятку для счетчика» и формуляр переписного листа). В выходных

данных этой брошюры указано: «Сдано в набор 29 ноября 1936 г.; подписано к печати 4 декабря 1936 г. Тираж 10 000»; в руки читателей — работников переписи, докладчиков, населения — брошюра попала, надо думать, к 10 декабря.

Общая картина спешки с массовой информацией о предстоящей переписи чуть ли не за полмесяца до ее начала (до 1 января 1937 г.) вырисовывается достаточно ясно.

В общей обстановке явной спешки авторы, ответственные и иные редакторы разноименных по заглавиям, но почти одинаковых по сути и содержанию работ — брошюр, статей, сборников рабочих материалов — не очень затрудняли себя поисками ни собственных оригинальных мыслей, ни хотя бы собственной литературной формы изложения. Они явно предпочитали дословно повторять уже ранее напечатанное или одновременно печатаемое, особенно официальные и директивные тексты. Поэтому неудачно построенные фразы или даже ошибочные формулировки некоторых важных понятий дословно повторялись в как будто разных текстах, приобретая уже не индивидуальность, а как бы «коллективный» характер и тем самым нанося усиленный возможный ущерб делу переписи. Так, в упомянутом сборнике материалов, изданном в Ленинграде под редакцией Л. С. Бранда, не только дословно повторялись многие, в общем стандартные фразы из одновременно печатавшейся брошюры И. А. Кравая (значит, и его журнальной статьи), но была точно воспроизведена даже следующая фраза *о критическом моменте* переписи: «Перепись населения является как бы фотографией населения на один определенный день, называемый критической датой переписи. Для переписи населения 1937 года критической датой является ночь с 5 на 6 января» (см. с. 26 сборника материалов и с. 17 брошюры И. А. Кравая). В этом поистине несуразном «определении» критический момент переписи (ровно полночь) сначала был превращен в «определенный день», в «критическую дату» 6 января, а затем сам «день» 6 января, ничтоже сумняшеся, — в «ночь» с 5 на 6 января! Поэтому непонятной становилась и другая фраза: 6 января счетчики «производят самую перепись, т. е. приводят все [предварительные] записи в полное соответствие с фактическим наличием населения на критическую дату» (с. 27 того же сборника), ибо так и оставалось непонятным, идет ли речь о фактическом наличии в день 6 января или в ночь с 5 на 6 января, — не говоря уже о том, что оба эти понимания были в равной мере статистически ошибочны.

VI

Приблизительная численность населения по переписи 1937 г. была впервые названа в нашей статистической литературе, как мы уже указали, лишь через 28 лет после этой переписи — в статье В. Н. Старовского «Методика исследования элементов роста народонаселения». Обращение автора к некоторым фактам, свя-

занным с историей переписи 1937 г., не было случайным. В начале второй части статьи, рассматривая методику некоторых перспективных исчислений населения, В. Н. Старовский остановился как на характерных примерах на двух сделанных в свое время прогнозах численности населения СССР на 1937—1939 гг.

«Прежде всего, — писал В. Н. Старовский, — надо сказать об известном прогнозе С. Г. Струмилина, опубликованном в изданной в 1922 г. книге „Наши трудовые ресурсы и перспективы“. С. Г. Струмилин на основе данных переписи 1920 г. определил численность населения СССР на середину 1938 г. (т. е. на 16 лет вперед) в 169,8 млн человек. При этом исчисление производилось без Дальнего Востока и части Средней Азии (без Хивы и Бухары). Население Дальнего Востока, Хивы и Бухары составляло около 5 млн человек. Следовательно, по прогнозу всего в стране должно было бы быть около 175 млн человек, а фактически по переписи 17 января 1939 г. оказалось 170,6 млн человек. Такой прогноз, если учесть, что он делался на значительное время — 16 лет вперед, следует признать удачным.

Неудачными оказались прогнозы численности населения, опубликованные в плане второй пятилетки (см.: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. М., 1934. Т. 1. С. 503). Согласно им, численность населения на 1937 г. предполагалась в 180,7 млн человек, а на самом деле население СССР составило даже с учетом поправок на неточность переписи (имеется в виду перепись 6 января 1937 г. — Ф. Л.) лишь 164 млн человек)²³.

Этот текст нуждается в некоторых уточнениях и немалых комментариях.

Известная работа С. Г. Струмилина «Наши трудовые ресурсы и перспективы», изданная в 1922 г., — не книга, а всего лишь брошюра в один печатный лист. Судя по словам автора «Приложения к докладу „Наши трудовые ресурсы“», это был доклад, сделанный С. Г. Струмилиным в Госплане в апреле 1922 г. С. Г. Струмилин рассчитал будущую численность населения СССР не только и не специально на середину 1938 г., а вообще на середину *каждого* года предстоящего двадцатилетия (1922—1941). В отличие от этого, во втором пятилетнем плане был дан прогноз отнюдь не на каждый год второй пятилетки (1933—1938) и не на 1937 г., а лишь единственно *на конец ее последнего*, 1937-го года, или, что по сути то же, на 1 января 1938 г.²⁴ Прочной исходной основой перспективных расчетов С. Г. Струмилина на 20 лет вперед служили *фактические* данные переписи населения 1920 г.; в плане второй пятилетки мало надежной основой прогноза на 5 лет вперед была *сильно преувеличенная* (как мы в этом далее убедимся) *оценка*, данная ЦУНХУ численности населения на 1 января 1933 г. (165,7 млн). Но и помимо этого — в сущности уже решающего — обстоятельства, немалое значение имело и различие в методике построения прогнозов.

Рассмотрим вкратце методику расчетов С. Г. Струмилина.

В основу их был положен «возрастно-половой состав населения Советской России (без Дальне-Восточной республики) в 1920 г., включая армию»²⁵. Отправляясь от погодного распределения численности населения РСФСР в сводных материалах переписи 1920 г., Струмилин затем переходит к демографически характерным возрастным группам:

0; 1; 2; ... 18; 19; 20—24; 25—29;

30—39; 40—49; 50—59; 60—69; 70 и более (*)

а в дальнейшем — к трем еще более укрупненным возрастным

0—15; 16—49; 50 и более,

группам во всех случаях — с разбивкой населения по полу. Фактическое возрастное-половое распределение населения в 1920 г. по группам (*) Струмилин сопоставляет с аналогичным специально исчисленным предположительным распределением населения РСФСР (в границах 1920 г.), каким оно было бы в случае «нормального прироста с 1914 г.», т. е. при условной неизменности коэффициента его прироста на протяжении 1914—1920 гг. в обстановке мирного развития (именно при условии прироста по 1,7 % в год, а за все это время — прироста на 12 %, или роста со 137,5 млн до 154 млн человек). Попутно Струмилин выясняет отклонения (убыль или превышение) предположительных численностей от фактических в каждой из возрастных групп (*) (отдельно для мужчин, женщин и в целом). Вся исчисленная таким способом убыль населения РСФСР в 1914—1920 гг. вследствие первой мировой войны, гражданской войны, иноземных интервенций, блокады, голода, эпидемий и т. д. составила, по расчетам Струмилина, 21 175 тыс. человек, из них 14 630 тыс. мужчин и 6 545 тыс. женщин.

Результаты сопоставления фактических и предположительных численностей населения по возрастным группам (*) с разбивкой по полу сведены Струмилиным в подробную таблицу, которую мы приводим в весьма кратком извлечении (табл. 1). Предельно наглядное графическое выражение эти сравнительные данные получили в диаграмме «Возрастные кривые населения РСФСР для 1922 года» (отдельно для мужчин и для женщин) на с. 5 брошюры.

«Опубликованные донны [до апреля 1922 г.] данные переписи 1920 г., произведенной... к концу нашей гражданской войны, — утверждает С. Г. Струмилин, — при надлежащем их использовании позволяют нам на десятки лет вперед заглянуть в наше будущее... Прогноз, основанный на такого рода непреложных фактах, как наличная пропорция различных возрастов населения, столь же достоверен, как предсказание, что после зимы следует весна и лето, затем осень и т. д. ...»

Таблица 1. Возрастно-половой состав населения Советской России (без Д.-В. Р.) в 1920 г., включая армию, тыс. человек

Возрастная группа	По переписи 28 августа 1920 г.			По нормальному приросту с 1914 г. (исчисление)			Убыль (—) или превышение (+)		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины гр. 2—гр. 5	Женщины гр. 3—гр. 6	Оба пола гр. 4—гр. 7
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Итого 63 070 69 755 132 825 77 700 76 300 154 000 —14 630 —6 545 —21 175

Источник. Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 15.

Таблица 2. Предполагаемая и фактическая динамика численности населения СССР (в млн чел.) на протяжении 1920—1941 гг.

Год	Прогноз С. Г. Струмилина (на середину каждого года)	Оценки ЦУНХУ (на начало года)	Прогноз в плане второй пятилетки (на конец года)	Фактические данные переписей населения
A	1	2	3	4
1920	132,8 *			132,8 (28.VIII)
1921	134,0			
22	135,4			
23	136,9			
24	138,6			
25	140,3			
26	142,2			147,0 (17.XII)
27	144,2			
28	146,2			
29	148,4	154,3		
1930	150,6			
31	152,9	160,5		
32	155,2		165,7 **	
33	157,7	165,7		
34	160,2	168		
35	162,8			
36	165,0			
37	167,5		180,7	ок. 164 (6.1)
38	169,8			
39	172,3			170,6 (15.1)
1940	174,7			
41	177,1			

* Данные переписи 28 августа 1920 г. как исходная основа всего прогноза за 20 лет.

** Оценка ЦУНХУ на 1 января 1933 г. (см. гр. 2), принятая за исходную основу прогноза на 5 лет.

Мы предлагаем следующий расчет. Исходя из данного переписью возрастного-полового состава населения для 1920 г. (см. таблицу в приложении), из нормальной рождаемости на 1000 наличных душ брачного возраста (18—49) и нормальной смертности для каждого возраста, нетрудно исчислить возрастное-половой состав населения для 1921-го и любого последующего

года. Такая работа была проделана в Госплане под руководством Е. М. Тарасова, и вот ее главнейшие результаты. Для экономии места мы даем здесь, вместо подробного погодного деления, лишь суммарные итоги по трем основным возрастным группам»²⁶ (речь идет о возрастных группах 0—15; 16—49; 50 и более лет). Сам прогноз на 1921—1941 гг. для всего населения и для каждой из названных «трех основных возрастных групп», с подразделением их по полу, дан на с. 7 брошюры Струмилина. Прогноз динамики численности всего населения воспроизведен нами в гр. 1 табл. 2.

«Приведенный расчет, — добавлял С. Г. Струмилин, — разумеется, имеет весьма условное значение. Нормы смертности и рождаемости, принятые нами при исчислении условно за неизменные, на деле довольно заметно меняются с изменением экономики страны. Но постоянные тенденции в эволюции экономики проявляются слишком медленно, для того чтобы сказаться в ежегодных колебаниях естественного прироста населения, а случайные колебания под влиянием таких причин, как смена урожайных и неурожайных лет, в течение ряда лет до известной степени уравниваются»²⁷.

* * *

Обратимся теперь к прогнозу населения на вторую пятилетку. Его числовое выражение было дано таблицей на с. 503 1-го тома второго пятилетнего плана. Воспроизведем ее в графах А и 1—3 нашей табл. 3, мы лишь дополнили ее графой 4 — чисел абсолютного прироста разных групп населения, предполагавшегося за 1932—1937 гг.²⁸ Комментарии к этой таблице — одной из основополагающих в плане, демографическое обоснование будущего «огромного роста населения» и сдвигов в его структуре мы находим на с. 353—354 1-го тома плана (то и другое вместе занимают едва полторы страницы).

«Второе пятилетие будет пятилетием дальнейшего снижения смертности и повышения уровня рождаемости, в результате чего население возрастет со 165,7 млн чел. на 1/1 1933 г. до 180,7 млн чел. на 1/1 1938 г., т.е. на 15 млн чел. (9,1 %), при среднем ежегодном приросте 17,3 на тысячу человек. Особенно быстро возрастет в связи с дальнейшей индустриализацией население городов»²⁹.

Как мотивируют авторы текста именно такой прогноз? Они говорят о двух встречных процессах: в городах будет происходить наряду с естественным приростом населения приток сельского населения в города, а в селах — наряду с естественным приростом населения — встречное передвижение городского населения в села (переезд квалифицированных рабочих, инженеров, агрономов, врачей и др. в села — всего около 1 млн человек.) «Как результат обоих процессов. . . городское население возрастет за счет притока из села на 4,0 млн человек»³⁰. Кроме того, многие сельские

поселения, приблизившись к типу городских, перейдут в их число: «Население таких поселений городского типа определяется к концу второго пятилетия примерно в 3 млн человек»³¹ (сравните разность чисел 134,6 — 131,6 = 3 в гр. 2 и чисел 8,6 — 5,6 = 3 в гр. 4 табл. 3). «С учетом и этого процесса городское население к концу второй пятилетки должно быть определено в 49,1 млн человек»³² (ср.: 46,1 + 3 = 49,1 для чисел гр. 2 табл. 3). Весь же плановый прирост населения 15 млн складывается как сумма (+6,4 + 8,6) млн при расчетах А или как сумма (+9,4 + 5,6) млн при расчетах Б (см. гр. 4 табл. 3).

Таблица 3. Динамика населения Союза ССР по второму пятилетнему плану (на конец года, млн человек)

Группа населения	1932 г.	1937 г.	1937 г. в процентах к 1932 г.	Абсолютный прирост, млн человек (гр. 2—гр. 1)
	млн человек			
А	1	2	3	4
1. Все население	165,7	180,7	109,1	+15,0
В том числе:				
2. Городское А	39,7	46,1	116,1	+6,4
3. » Б	39,7	49,1	123,7	+9,4
4. Сельское А	126,0	134,6	106,8	+8,6
5. » Б	126,0	131,6	104,4	+5,6
Удельный вес городского, (в %):				
6. А	24,0	25,5	—	—
7. Б	24,0	27,2	—	—

Примечание. А — без учета поселений городского типа; Б — с учетом перехода сельских поселений в поселения городского типа.

Сопоставление методов двух демографических прогнозов — С. Г. Струмилина и авторов второго пятилетнего плана — говорит далеко не в пользу последних. Конечно, и они имели возможность положить в основу расчетов, подобно С. Г. Струмилину, новейшие данные о возрастно-половой структуре населения. Ко времени построения плана результаты переписи 1926 г. были не только всесторонне разработаны, но и почти полностью опубликованы. К тому времени С. А. Новосельский и В. В. Паевский завершили построение первых в СССР полных таблиц смертности для всего населения (по материалам той же переписи.) В Демографическом институте Академии наук СССР, учрежденном в Ленинграде в конце 1930 г., была уже закончена (хотя лишь в общих чертах) разработка методов перспективного расчета вероятного возрастного-полового состава населения СССР в предположении неизменности по возрастной плодовитости и смертности³³. Авторы демографического раздела плана второй пятилетки, видимо, прошли мимо всего этого и предпочли «глобальные» прогнозы, с применением более простых, но и более грубых приемов. За начальный уровень

они приняли, как уже упоминалось, численность населения 165,7 млн — оценку ЦУНХУ на 1 января 1933 г. (см. графы 2 и 3 табл. 3); прирост населения за пятилетку *ровно* в 15 млн был взят исходя из ежегодного прироста в 3 млн, как это было общепринятым считать в начале 30-х годов (подробнее об этом мы скажем далее); отсюда арифметически получались 180,7 млн как численность населения к концу пятилетки. Все прочие, более детальные расчеты, как-то: прогноз миграции из городов в села (1 млн) и из сел в города (на с. 353—354 текста плана ее величина не названа), причисление к городскому населению жителей тех сел, которые перейдут в разряд городских поселений (3 млн), расчет прироста городского населения (9,4 млн) — совершались уже в predeterminedных рамках общего прироста всего населения (т. е. 15 млн). Если даже все эти частные, более детальные расчеты в рамках 15 млн прироста были правильны и точны, то весь общий абсолютный расчет от его начала (165,7 млн) и до конца (180,7 млн) оказался совершённым на сильно «переоцененном», «приподнятом» абсолютном уровне, что и явилось причиной значительной ошибочности прогноза численности населения к концу 1937 г. (180,7 млн), впоследствии выяснившейся со всей очевидностью.

Подытожим сказанное об обоих рассмотренных прогнозах. Противопоставление их с такими весьма общими характеристиками, как «удачный» и «неудачный», далеко от строгой научно-исторической оценки. В действительности перспективное исчисление С. Г. Струмилина на 20 лет вперед следует признать уникально удачным, прогноз же на последний год второй пятилетки — беспочвенным по исходной статистической основе и далеко не совершенным по методике расчетов³⁴.

VII

Формуляр переписного листа 1937 г. и инструкция о его заполнении, как мы уже говорили, были одновременно утверждены Советом Народных Комиссаров СССР 28 апреля 1936 г. Однако напечатанные позже (летом-осенью 1936 г.) переписные листы содержали добавление, не предусмотренное постановлением СНК СССР, а именно: краткую (из 5 пунктов) «Памятку для счетчика» на оборотной стороне листа. Установить источник происхождения этой «Памятки», ее авторов, инстанцию, ее предложившую или утвердившую, в настоящее время не представляется возможным. Отметим лишь, что в массово-разъяснительных брошюрах-пособиях, изданных ЦУНХУ в помощь будущим участникам переписи осенью 1936 г. («Бланки и пособия для счетчика», «Бланки и пособия для контролера-инструктора» и др.), «Памятка» уже фигурировала как органическая часть переписного листа наравне с отдельной от листа инструкцией о его заполнении.

Между тем «Памятка для счетчика» была внутренне противо-

речива, а в решающем п. 4 порождала противоречия с требованиями инструкции о заполнении листа. Так, в п. 1 «Памятки» счетчику предлагалось не позднее 5 января предварительно составить переписные листы на всех граждан, *проживающих* в его участке. Совершенно иного требовал п. 4 при проверке и исправлении листов 6 января, в день переписи: «а) *перепишите всех, кто ночевал* в данной квартире, хате, избе и т. д. в ночь с 5 на 6 января, но не записан при предварительном заполнении. . .». [листов. — *Ред.*], и «б) *вычеркните всех, кто записан* в переписные листы при предварительном заполнении, *но отсутствовал в ночь с 5 на 6 января* (умершие, уехавшие до 12 часов ночи с 5 на 6 января и т. п.)». Правда, непосредственно за этим, в том же п. 4, следовала немаловажная общая оговорка: «Проверяя и исправляя переписные листы, точно соблюдайте пп. 1, 2 и 3 инструкции», оговорка, вследствие которой работники ночных смен, лица, дежурившие ночью на постах или в учреждениях, выехавшие с вечера 5 января на базар или в извоз и т. д., хотя и не ночевавшие дома, вычеркиванию не подлежали. Но, насколько действенной оказывалась на практике эта оговорка, насколько точно соблюдались п. 1—3 инструкции при проверке листов 6 января (как и при контрольных обходах 7—11 января), сказать невозможно.

Не надо, однако, думать, что противоречия в самой «Памятке» и расхождения между нею и инструкцией о заполнении переписного листа — независимо от обстоятельств возникновения «Памятки» — были чем-то полностью неожиданным. Сравнимая разъяснения трех учетных категорий населения — наличного в демографическом понимании, наличного в физическом смысле и случайно отсутствующего — в трех исходных документах о переписи 1937 г., мы убедились в том, что с самого начала существовала некоторая частичная несогласованность формулировок в инструкциях ЦУНХУ с формулировками постановления СНК СССР от 28 апреля 1936 г. В дальнейшем эти разногласия в формулировках не были «погашены» и устранены путем какой-либо дополнительной печатной инструкции. Более того, в конце 1936 г., как мы видели, к ним присоединилось рассмотренное нами определение критического момента как некоего «критического дня», «критической даты», «критической ночи» переписи — определение и статистически порочное, и поражающее чисто словесной неряшливостью. После всего этого можно ли удивляться тому, что злополучная «Памятка» как бы сконцентрировала и преподнесла в лапидарной форме весь накопившийся комплекс неточных формулировок, неустойчивых трактовок и разъяснений, прямых статистических ошибок?

Так или иначе, разницей между подробными разъяснениями инструкции о заполнении переписного листа и укороченными предписаниями «Памятки» должен был дезориентировать часть счетчиков и, несмотря на последующие контрольные обходы, видимо, привел к некоторому недоучету наличного (в демографическом понимании) населения.

Уже вскоре по завершении переписи 1937 г. и подведении ее итогов, оказавшихся намного меньшими ожидаемых, о ней стали говорить как о «вредительской». И тогда, и многими годами позже писавшие об этой переписи видели если не единственную, то, во всяком случае, главную причину происшедшего в 1937 г. недоучета населения во «вредительской» «Памятке для счетчика». О возможных размерах самого недоучета при этом либо вообще не упоминалось, либо говорилось в различных качественно-описательных выражениях.

П. И. Пустоход писал в 1940 г. о «Памятке для счетчика» как «без разрешения правительства напечатанной на переписном листе врагами народа, орудовавшими тогда в ЦУНХУ и руководившими переписью» и «составленной так, что, руководствуясь этой памяткой, счетчики сплошь и рядом вычеркивали тех лиц, которые согласно инструкции должны были быть переписаны в данном помещении и которые, естественно, не могли быть записаны ни в каком другом месте. . . Все это, безусловно, привело к недоучету населения»³⁵. П. Г. Подъячих в обоих изданиях уже цитированной нами монографии писал: «В дополнение к этому (к спешке в день переписи, вообще ведшей к ошибкам счетчиков. — *Ф. Л.*), вопреки правительственной инструкции, определившей с исчерпывающей точностью категории учитываемых лиц в данном помещении, счетчикам была дана [?] вредительская памятка, согласно которой следовало вычеркнуть из переписных листов всех лиц, которые не ночевали в ночь на 6 января в данном помещении. В результате *многие сотни тысяч человек* (курсив наш. — *Ф. Л.*), не находившихся в эту ночь в данном помещении вследствие работы в ночной смене или поездки в гости, на охоту или в другие места, где они не могли быть переписаны, оказались вычеркнутыми из переписных листов»³⁶. В более поздней работе, написанной П. Г. Подъячих совместно с А. М. Востриковой (1969 г.), более осмотрительно говорится об общих «серьезных недостатках в организации переписи» 1937 г.; основной дефект этой переписи авторы видят «в неполноте учета населения»; причиной неполноты считают главным образом пресловутую «краткую памятку для счетчика» (которая уже не именуется «вредительской»); полагают, что вследствие этого 6 января были необоснованно вычеркнуты из переписных листов не «многие сотни тысяч» (как писал П. Г. Подъячих ранее), а в более общей форме: «. . . много таких лиц, которые нигде не могли быть переписаны»³⁷.

VIII

Абсолютная численность жителей, вообще не зарегистрированных при переписи 1937 г., не была, да и едва ли могла быть установленной. Практически суммарный недоучет населения в 1937 г. мог возникнуть по четырем главным причинам.

1. В списках населенных мест, списках отдельно расположен-

ных строений, домовладений и т. д. могли быть пропуски строений и даже мелких (особенно сельских) населенных пунктов — пропуски, не обнаруженные ни 1—5 января, ни даже 7—11 января при контрольных обходах. Обозначим суммарный недоучет населения по этой причине через α ³⁸.

2. При заполнении переписных листов в помещениях, хотя и значившихся в названных списках, в листы чисто случайно не были внесены ни предварительно, ни в день переписи, ни даже при контрольных обходах некоторые жители, физически наличные в критический момент переписи (ночевавшие с 5 на 6 января). Обозначим суммарный недоучет населения по этой чисто случайной причине через β .

3. Вследствие неправильного понимания инструкции о заполнении переписного листа, или «Памятки», или обоих этих документов счетчиками и даже контролерами-инструкторами 6 января была необоснованно вычеркнута, а 7—11 января не была восстановлена в переписных листах часть случайно отсутствовавшего населения, подлежавшего регистрации. Обозначим недоучет населения по этой причине через γ .

4. Наконец, могла оказаться незарегистрированной некоторая часть Δ жителей, находившихся в критический момент переписи в пути: в поездах и на пароходах, а также на вокзалах, станциях, в портах, на пристанях и т. п. в ожидании средств сообщения.

Недоучет α , весьма вероятный при спешной подготовке переписи 1937 г. и вдобавок легко подававшийся выяснению уже после переписи, почему-то оставался вне поля зрения авторов, писавших об этой переписи (за исключением П. И. Пустохода)³⁹; между тем численность α могла быть немалой. Относительно ничтожной должна была быть численность β , тем более что ее могли частично компенсировать чисто случайные же записи противоположного характера, как-то: случайно не вычеркнутые фамилии лиц, умерших незадолго до критического момента, лиц, выехавших перед полуночью в другие города, и т. п. Достаточно велик мог быть недоучет Δ пассажиров на железнодорожных вокзалах и в поездах вследствие относительной трудности их регистрации; однако и к численности Δ обычно проявляли малый интерес. Зато с первых же месяцев после переписи общее внимание было явно сосредоточено на недоучете численности γ , в котором официальная точка зрения видела единственную причину якобы сильной ошибочности преуменьшенных итогов переписи 1937 г. За истекшую треть века такая точка зрения, в сущности, не изменилась, разве только в связи с общим пересмотром взглядов на события конца 30-х годов постепенно исчезли оценки переписи 1937 г. как «вредительской» или такие нелестные характеристики ее руководителей, как «вредители» или «враги народа».

Как велика все же была, вернее, как велика могла быть неучтенная в 1937 г. численность γ той части наличного (в демографическом смысле) населения, которая лишь случайно отсутствовала в помещениях, где она постоянно жила, и потому подлежала

регистрации? Каково могло быть статистическое выражение таких «нестатистических» оценок этой численности γ , как «многие сотни тысяч», или, даже еще проще, как «многие лица»? Следует ли понимать под «многими сотнями тысяч», скажем, 300, или 800, или 1500 тыс. человек?

Посильный ответ на этот вопрос, пусть даже грубо приближенный, не утратил и ныне значения — и в собственно демографическом, и в социально-политическом отношении. Однако ответить на него теперь, спустя треть века после переписи 1937 г.⁴⁰, естественно, много труднее, чем это было в годы, достаточно близкие к переписи. Попытка такого ответа содержится в предположительном расчете, прилагаемом к нашей статье. Предварим его некоторыми общими замечаниями.

Статистические источники, которые могли быть положены в основание подобного расчета, крайне скудны. Оценки численности населения СССР 1931—1937 гг. в текущей статистике населения ЦУНХУ были сильно преувеличены. Единственный статистический сборник общего содержания, вышедший за все время от переписи 1937 г. до 1956 г., достаточно краткий (200 с.) — это сборник «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.)», изданный в 1939 г.⁴¹; его некоторые данные были впоследствии уточнены в публикациях ЦСУ СССР в 60-е годы. Во всех этих источниках приводятся данные, относящиеся не к началу 1937 г., а к его концу, или же средние годовые; аналогичные данные за 1936 г. в тех же источниках вообще отсутствуют, что дополнительно осложняло расчет.

Наш расчет основан на следующих исходных допущениях:

1) население, физически наличное в помещениях в критический момент переписи, было зарегистрировано достаточно точно (так что $\alpha \approx 0$);

2) в день переписи 6 января счетчики ошибочно вычеркивали в среднем 40 % случайно отсутствовавшего, но подлежавшего регистрации населения (40 % $H_{отс.}^{случ.}$);

3) при сплошных контрольных обходах 7—11 января в переписных листах было восстановлено 30 % $H_{отс.}^{случ.}$;

4) однако при этом сами контролеры-инструкторы вследствие собственного неправильного понимания инструкции и «Памятки для счетчика» вносили в переписные листы дополнительные новые ошибки, повлекшие необоснованное устранение из переписных листов 5 % $H_{отс.}^{случ.}$; так что результирующая численность части $H_{отс.}^{случ.}$, оказавшейся в конце концов не учтенной, составила 15 % $H_{отс.}^{случ.}$.

Процентные доли 40 и 5 %, условно принятые для расчета, нарочито преувеличены; следовательно, несомненно преувеличена и результирующая доля 15 %; поэтому итог всего расчета выясняет *максимально возможную численность γ населения, не учтенного в переписных листах по завершении переписи*. Расчет произведен обособленно для каждой из категорий и групп населения, перечисленных в постановлении СНК СССР о переписи 1937 г. и в

инструкции ЦУНХУ (работники ночной смены; дежурившие на постах или в учреждениях; работавшие ночью железнодорожники и т. д.).

Сводя воедино пять частных результатов $\epsilon_1, \epsilon_2, \dots, \epsilon_5$ нашего предположительного расчета для разных категорий и групп, находим следующие возможные, в сущности *максимально возможные* размеры γ, Δ и суммарного недоучета населения при переписи 1937 г. (в тыс. человек):

$\epsilon_1 = 204$	}	$\gamma = 273$
$\epsilon_2 = 45$		
$\epsilon_3 = 24$		
$\epsilon_4 = 12,6$	}	$\Delta = 126$
$\epsilon_5 = 113,4$		
$\Sigma \epsilon = 399$		

Наш предположительный расчет приводит к любопытным выводам. Недоучет γ , вызываемый ошибочным пониманием инструкции ЦУНХУ и разнобоями инструкции и «Памятки для счетчика», едва ли мог превысить 273 тыс. человек (т. е. далек от «многих сотен тысяч», о которых в 50-е годы неосмотрительно писал П. Г. Подъячих). Вместе с тем отнюдь не малый недоучет, $\Delta = 126$ тыс. человек, был возможен при переписи пассажиров на вокзалах и в поездах (почти треть всего недоучета $\Sigma \epsilon$), что, однако, обычно оставалось в тени, не привлекая к себе должного внимания. Добавив к 399 тыс. человек еще 50 тыс. как дополнительную поправку на возможный недоучет прочих категорий и групп населения, например выехавших с вечера 5 января на базар или в извоз (см. замечание о них в нашем «Предположительном расчете») и т. п., — получим округленно *450 тыс. человек*. Но и этот максимально возможный суммарный недоучет мог составить *всего лишь около 1/3 %* населения СССР, зарегистрированного при переписи 1937 г. Следовательно, не в факте недоучета населения — факте самом по себе, конечно, печальном, но все же не повлекшем сколько-нибудь значительного искажения общей численности населения, заключалась причина отвержения итогов переписи 1937 г. уже вскоре по ее окончании.

IX

Для понимания обстоятельств и причин, приведших в январе 1937 г. к немалому расхождению между ожидавшейся численностью населения и данными переписи, необходимо принять во внимание следующее.

На протяжении одиннадцати лет между переписями 1926 и 1937 г. последовательно публикуемые ЦУНХУ официальные оценки численности населения СССР были, как это оказалось в дальнейшем (и о чем мы уже говорили), сильно преувеличенными — главным образом вследствие систематического недоучета смертности в текущей статистике населения. Статистические

ежегодники и справочники тех лет, издаваемые ЦУНХУ⁴², содержали следующий ряд переписных данных и текущих оценок численности населения в 1926—1934 гг. (см. графу 2 нашей сводной табл. 2, млн человек):

Перепись 17.XII 1926 г.	147,0
Оценка на 1.I 1929 г.	154,3
» на 1.I 1931 г.	160,5
» на 1.I 1933 г.	165,7
» на 1.I 1934 г.	168

Основываясь на оценках ЦУНХУ, И. В. Сталин в Политическом отчете Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. сообщил, что «ежегодный прирост населения составляет у нас более 3 миллионов душ»⁴³. Отсюда стала общепринятой в начале 30-х годов приближенная оценка годового прироста населения в 3 млн человек (часто с добавлением образного сравнения: «Целая Финляндия!»). В Отчетном докладе XVII съезду партии 26 января 1934 г. И. В. Сталин назвал следующие данные за трехлетие 1930—1933: «...мы имеем за отчетный период: ...рост населения Союза ССР со 160,5 млн человек в конце 1930 года до 168 млн в конце 1933 года...»⁴⁴.

В соответствии с оценками численности на 1 января 1934 г. и ежегодного прироста население должно было достигнуть к началу 1937 г. (т. е. через трехлетие) приблизительно

$$168 \text{ млн} + 3 \text{ млн} \cdot 3 = 177 \text{ млн.}$$

Почти то же давал и прогноз пятилетнего плана:

$$180,7 \text{ млн} \quad - 3 \text{ млн} \quad = 177,7 \text{ млн}$$

(на конец 1937 г.) (прирост за 1937 г.) (на начало 1937 г.)

Не кто иной, как И. А. Краваль, начальник ЦУНХУ, всего лишь за месяц до переписи писал и в своей журнальной статье, и в брошюре о предстоящей переписи: «Трудность заключается в том, что необходимо собрать полные и точные данные о 170 с лишним миллионах населения, разбросанного по одной шестой части земного шара»⁴⁵. Поэтому численность населения, фактически зарегистрированного при переписи 6 января 1937 г. (очевидно, меньшая чем 164 млн), даже по внесении поправки на недоучет (о чем пишет В. Н. Старовский, не называя, впрочем, величины поправки), т. е. численность 164 млн, явилась полнейшей неожиданностью. Однако не менее, в сущности, неожиданными следовало признать через два года и точные результаты переписи 15 января 1939 г., именно 170,47 млн вместо $168 \text{ млн} + 3 \text{ млн} \cdot 5 = 183 \text{ млн}$ или даже $180,7 \text{ млн} + 3 \text{ млн} = 183,7 \text{ млн}$, как это вытекало по меньшей мере из предшествующих необоснованных оценок и расчетов.

Таким образом, результаты переписи 1939 г. явились повторным и на этот раз бесспорным доказательством огромного преувеличения оценок численности населения, которые публиковало до

этой переписи ЦУНХУ, исходя из ошибочных данных текущей статистики населения. Напомним, что в Отчетном докладе на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г. (т. е. через два месяца после новой переписи) И. В. Сталин уже назвал численность населения СССР в 170 млн, не сопроводив ее, впрочем, никакими сопоставлениями или комментариями⁴⁶.

Небывало значительное расхождение между результатами переписи 1937 г. и предположительными оценками ЦУНХУ (а особенно второго пятилетнего плана) — расхождение по меньшей мере в 13 млн человек — вскоре стали объяснять преднамеренными «вредительскими» действиями руководителей переписи, якобы поставившими целью всячески преуменьшить ее будущие данные. Главную причину зла видели во «вредительской» «Памятке для счетчика».

Большинство руководителей переписи подверглось весной 1937 г. репрессиям. Среди них были, в частности, И. А. Краваль (на которого как «на начальника ЦУНХУ, непосредственно осуществляющего руководство переписью», статья 10 постановления СНК СССР от 28 апреля 1936 г. возлагала «ответственность за производство переписи по Союзу ССР»), О. А. Квиткин (начальник Бюро всесоюзной переписи населения) и Л. С. Бранд (его заместитель). Репрессии постигли и некоторых других работников ЦУНХУ, близко стоявших к переписи (например, Ю. М. Сикру)⁴⁷. Впоследствии (в 50—60-е годы) все они были реабилитированы — одни прижизненно, другие посмертно⁴⁸.

25 сентября того же 1937 г. организация, методика и итоговые данные переписи были обсуждены на заседании СНК СССР. В постановлении СНК, принятом тогда же, было сказано: «Ввиду того, что Всесоюзная перепись населения 6 января 1937 года была произведена Центральным управлением народнохозяйственного учета Госплана СССР с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Признать организацию переписи неудовлетворительной и самые материалы переписи дефектными.

2. Обязать Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана СССР произвести Всесоюзную перепись населения в январе месяце 1939 года»⁴⁹.

При организации новой переписи населения были учтены существенные ошибки переписи 1937 г. В первую очередь была отвергнута несостоятельная идея «однодневности» переписи. Был устранен из программы вопрос о религии. Для опроса населения были отведены 7 дней в городских поселениях и 10 — в сельских; для контрольных обходов, вместо прежнего 5-дневного срока, был установлен 10-дневный. Благодаря этому вдвое с лишним (как мы уже упоминали) уменьшилось необходимое число счетчиков и инструкторов-контролеров. Как дополнительная гарантия полноты и точности регистрации населения в инструментарий

переписи были впервые введены «Контрольный бланк» и «Справка» о прохождении переписи. Новшеством стал переход к учету наличного и постоянного населения страны, следовательно, и населения, временно отсутствующего.

2 июня 1939 г. вместе с краткими предварительными итогами переписи в центральной прессе было опубликовано следующее сообщение: «Совет Народных Комиссаров СССР заслушал сообщение Госплана СССР о результатах переписи населения 1939 года и отметил, что перепись произведена ЦУНХУ Госплана СССР правильно, в соответствии с указаниями Правительства и требованиями статистической науки.

Совет Народных Комиссаров СССР объявил благодарность работникам переписи населения 1939 года»⁵⁰.

За успешную работу при этой переписи Президиум Верховного Совета СССР наградил 80 особо отличившихся работников ЦУНХУ орденами и медалями Союза ССР.

Х

В заключение — несколько необходимых слов о «вредительском» характере переписи 1937 г.

Постановление СНК СССР от 25 сентября 1937 г., полностью приведенное нами, содержит как результат всестороннего обсуждения вопроса весьма суровую критику и организации, и методики, и материалов переписи 1937 г. Однако и по букве, и по духу текста оно далеко от характеристики этой переписи как «вредительской».

В 1965 г. был издан первый в СССР «Статистический словарь» (главный редактор — А. И. Ежов, его заместители — А. Я. Боярский и Т. В. Рябушкин)⁵¹; все члены его Главной редакции были свидетелями, а многие — участниками переписи 1937 г., достаточно близко и хорошо знакомыми с практикой этой переписи. В статье «Перепись населения 1937 года в СССР» объективно говорится: «В организации и проведении П.н. 1937 имелись недостатки. Напр., в памятке для счетчика, отпечатанной на переписном листе, вопреки инструкции предлагалось вычеркивать из переписных листов всех не ночевавших в данном помещении в ночь с 5 на 6 января. Это привело к недоучету численности населения, так как в ряде случаев были вычеркнуты лица, которые нигде в другом месте не могли быть переписаны»⁵². Ни прямых слов, ни косвенных намеков на «вредительство» при совершении переписи в статье нет.

В 1967 г. вышел в свет первый в СССР «Курс демографии» (уже упоминавшийся нами по другому поводу). По компетентному суждению авторов этого курса — виднейших современных советских демографов, в большинстве своем научных сотрудников НИИ ЦСУ СССР, при переписи населения 1937 г. «были допущены методологические ошибки (однодневный срок для проведения переписи, неточности в инструкциях). Однако эти ошибки

не давали никаких оснований для обвинения руководителей переписи в сознательном искажении ее данных и объявления их „вредителями“»⁵³.

Что же касается политически неместных, утрированно резких, но столь же незаслуженных эпитетов, на которые в прошлом не скупилась некоторые авторы, характеризующие руководителей переписи 1937 г., то пусть история оставит все эти характеристики на их совести как непродуманную дань некоторых современников тяжелым условиям и дурным обычаям времени.

¹ Справочный материал к докладу о проведении Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1968. См. строку: «Годы проведения переписей населения» на с. 19, где 1937 г. отсутствует. То же повторено при перепечатке доклада и «Справочного материала» к нему в стенографическом отчете совещания 1968 г. (Всесоюзное совещание статистиков 22—26 апреля 1968 г.: Стеногр. отчет. М., 1969. С. 726).

² Старовский В. Н. Методика исследования элементов роста народонаселения // Вестн. статистики. 1964. № 11. С. 11.

³ В. Г. Михайловский скончался 11 октября 1926 г. — *Примеч. ред.*

⁴ О. А. Квиткин был видным партийным работником-революционером (партийные имена — Панов, Петров); вел работу в Орле, Брянске и Костроме. В 1901 г. за участие в выступлении рабочих в Бежице был выслан на три года в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции. В 1904 г. вступил в ряды РСДРП; был участником III, IV и V съездов партии (от Орловской, Костромской и Иваново-Вознесенской организаций); в 1906 г. — член Московского областного бюро партии. В годы реакции вынужден был эмигрировать в Париж; с 1908 г. отошел от политической деятельности. В бытность в Париже окончил Сорбонну.

Главные источники биографических сведений об О. А. Квиткине: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 527; Третий съезд РСДРП, 1905 г.: *Протоколы.* М., 1959. С. 737; К истории советской государственной статистики: *Справочник о руководящих кадрах ЦСУ и статистических управлений союзных республик, научных и известных практических работников советской статистики (1918—1959).* М., 1959. С. 70—71 (фоторотапринт; указаны научные труды О. А. Квиткина; ошибочно помечен год его смерти 1939 вместо 1937). (См. также: *Советская демография за 70 лет: Из истории науки.* М., 1987. С. 29; *Чертова Г. И.* Квиткин // *Демографический энциклопедический словарь.* М., 1985. С. 183; С. И. Пирожков установил, что О. А. Квиткин скончался в 1939 г. — *Примеч. ред.*)

⁵ Михаил Вениаминович Курман скончался 4 июля 1980 г. — *Примеч. ред.*

⁶ СЗ. 1936. Ст. 237.

⁷ СЗ. 1936. Ст. 238.

⁸ Об организации и программе переписи 1937 г. см. также: *Гозулов А. И.* Переписи населения СССР и капиталистических стран. М., 1936. С. 303—336. — *Примеч. ред.*

⁹ См. п. 5 постановления СНК СССР и дословно его повторяющий п. 7 общей инструкции ЦУНХУ.

¹⁰ В переписях 1979 и 1989 г. принята развернутая формулировка: учитывались четыре категории брачного состояния: никогда не состоявшие в браке; состоящие в браке; вдовые; разведенные, разошедшиеся. — *Примеч. ред.*

¹¹ Инструкция Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР по заполнению переписного листа Всесоюзной переписи населения 1937 г. М., 1936. С. 2. — *Примеч. ред.*

¹² Напомним, что при первой советской переписи населения (1920 г.) проект личного листа содержал вопрос о вероисповедании. При окончательном утверждении инструментария переписи Совет Народных Комиссаров 11 мая 1920 г., по предложению В. И. Ленина, исключил этот вопрос из личного листа (см.: В. И. Ленин. Об организации советской статистики. М., 1956. С. 15).

¹³ Курс демографии. М., 1967. С. 64.

¹⁴ Там же. С. 65.

¹⁵ Для удобства дальнейшего изложения мы кратко обозначаем: Постановление СНК СССР об этой переписи — как документ № 1; одновременно утвержденную СНК Инструкцию ЦУНХУ о заполнении переписного листа — как документ № 2; изданную позднее (и не подпавшую под утверждение СНК СССР) общую Инструкцию ЦУНХУ об организации подготовки и проведения переписи — как документ № 3. Числа в скобках позади выдержек из них — номера пунктов в этих документах.

¹⁶ П. Г. Подъячих в монографии «Всесоюзная перепись населения 1939 г.» (2-е изд. М., 1957), сопоставив персонал переписей 1937 и 1939 гг., писал, что «число счетчиков и инструкторов-контролеров в 1939 г. было почти в 3,5 раза меньше, чем в 1937 г.» (С. 16). Его расчет явно ошибочен, отношение 3,5 : 1 сильно преувеличено. Как видно из приводимых нами данных, совокупная численность счетчиков и инструкторов-контролеров в 1939 г. уменьшилась по сравнению с их численностью 1937 г. не более чем в 2,3 раза. Однако и такое уменьшение весьма значительно. (Для 1937 г. Ф. Д. Лившиц приводит оценку не фактического числа счетчиков и контролеров-инструкторов, а предполагающуюся по расчетам ЦУНХУ, тогда как П. Г. Подъячих располагал, вероятно, сведениями об их фактической численности. Однако суть вывода от этого не меняется. — *Примеч. ред.*)

¹⁷ Сергей Константинович Неслуховский скончался 3 июля 1973 г. — *Примеч. ред.*
¹⁸ Подъячих П. Г. Указ. соч. С. 16.

¹⁹ Воблый В. К., Пустоход П. И. Переписи населения: (Их история и организация). М.; Л., 1940. С. 129—130.

²⁰ Краваль И. А. Всесоюзная перепись населения 1937 года // План. 1936. № 21. В конце текста статьи И. А. Кравалья имеется пометка о перепечатке ее из журнала «Большевик» (1936. № 21).

²¹ Краваль И. А. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Сталинград, 1936.

²² Всесоюзная перепись населения 1937 года: Материал для докладчиков. Л., 1936.

²³ Старовский В. Н. Указ. соч. С. 11. Статья В. Н. Старовского в «Вестнике статистики» — переработанный и объединенный текст двух его докладов, сделанных ранее в Академии наук СССР и опубликованных в «Вестнике АН СССР» (1960. № 2; 1962. № 5; см. примечание редакции «Вестника статистики», на с. 3). Однако ни в одном из докладов о переписи 1937 г. не упоминалось, и численность 164 млн названа не была.

²⁴ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. М., 1934. Т. 1. С. 353, 503. — *Примеч. ред.*

²⁵ Струмилин С. Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы. М., 1922. С. 15.

²⁶ Там же. С. 6.

²⁷ Там же. С. 8—9.

²⁸ Оригинал таблицы был сконструирован статистически некорректно. В ее заголовке общей единицей измерения всех данных указан *млн чел.*, между тем как она содержит и абсолютные величины — в млн человек, и относительные — в процентах.

В графах 1—3 для большей выразительности таблицы мы раздвинули в сравнении с ее оригиналом данные двух вариантов исчисления — А и Б.

²⁹ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. С. 353.

³⁰ Там же. С. 354.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ См.: Паевский В. В. О перспективных исчислениях населения: Работы Демографического института Академии наук // Вестн. АН СССР. 1933. № 1. С. 1—12.

³⁴ Можно лишь пожалеть, что авторы «Курса демографии» (1967) в большом разделе о методах перспективного исчисления населения (с. 263—278) не нашли возможным ни рассмотреть методику исчислений С. Г. Струмилины, ни дать ей оценку с позиций современной демографической науки и статистики, ни хотя бы упомянуть о ней.

³⁵ Воблый В. К., Пустоход П. И. Указ. соч. С. 129.

³⁶ Подъячих П. Г. Указ. соч. 2-е изд. С. 16. Первое издание — 1953 г.

³⁷ Вострикова А. М., Подъячих П. Г. Статистика населения // История советской государственной статистики. 2-е изд. М., 1969. С. 372.

³⁸ Напомним, что даже общие итоги достаточно точной переписи населения 1939 г. и данные о распределении населения на городское и сельское, впервые опубликованные в центральной прессе 2 июня 1939 г., а затем в сборнике «Социалистическое строительство СССР (1933—1938 гг.)», вышедшем в свет в августе 1939 г., были в дальнейшем дополнительно уточнены (приблизительно на 200 тыс. человек). Но стали известны эти уточнения лишь летом 1956 г. из статистического сборника «Народное хозяйство СССР» — первого, изданного после 17-летнего перерыва в подобных публикациях в СССР (следовательно, и через 17 лет после переписи населения 1939 г.). Главные уточнения приведены в следующей таблице (для населения, подлежавшего переписи, т. е. в границах СССР до 17 сентября 1939 г.).

Население СССР

Время публикации данных	Население			Время публикации данных	Население		
	Городское	Сельское	Всего		Городское	Сельское	Всего
2 июня 1939 г.				1956 г.			
млн человек	55,910	114,557	170,467	млн человек	56,1	114,5	170,6
%	32,8	67,2	100	%	32,9	67,1	100

³⁹ См.: Воблый В. К., Пустоход П. И. Указ. соч. С. 129.

⁴⁰ Напоминаем, что статья написана в 1972 г. — *Примеч. ред.*

⁴¹ Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938 гг.). М., 1939.

⁴² См., например: Краткий статистический справочник. М., 1935. С. 95; Социалистическое строительство. М., 1936. С. XXX.

⁴³ Сталин И. В. Соч. М., 1955. Т. 12. С. 299.

⁴⁴ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 495.

⁴⁵ Краваль И. А. Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 17.

⁴⁶ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 617.

⁴⁷ Арест руководителей переписи 1937 г. положил начало широкой волне репрессий работников центрального и местных управлений государственной статистики. — *Примеч. ред.*

⁴⁸ И. А. Краваль скончался в 1939 г.; см.: К истории советской государственной статистики: Справочник о руководящих кадрах ЦСУ и статистических управлений союзных республик, научных и известных практических работников советской статистики (1918—1959). М., 1959. (Фоторотапринт). С. 77. О. А. Квиткин, как мы уже упоминали, умер в 1937 г.; Л. С. Бранд — в 1939 г. (О. А. Квиткин погиб в 1939 г. — см. сноску 4. Л. С. Бранд умер в лагере 11 июня 1942 г. — *Примеч. ред.*)

⁴⁹ С. 3. 1937. № 65. Ст. 292.

⁵⁰ Правда. 1939. 2 июня.

⁵¹ Статистический словарь. М., 1965.

⁵² Там же. С. 411.

⁵³ Курс демографии. М., 1967. С. 63.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(К СТАТЬЕ ЛИВШИЦА Ф. Д. ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1937 ГОДА)

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ РАСЧЕТ ЧАСТИ СЛУЧАЙНО ОТСУТСТВОВАВШЕГО НАСЕЛЕНИЯ, КОТОРАЯ МОГЛА БЫТЬ НЕ УЧТЕНА ПРИ ПЕРЕПИСИ 1937 г.

Исходим из предположения, что физически наличное население ($N_{\text{физ.}}$) было зарегистрировано счетчиками в день переписи 6 января. Расчет относится только к случайно отсутствовавшему населению ($N_{\text{отс.}}^{\text{случ.}}$).

Примем следующие допущения:

вследствие неправильного понимания инструкции о заполнении переписного листа, или «Памятки для счетчика», или обоих документов, взятых вместе, счетчики ошибочно вычеркивали из предварительно заполненных листов в среднем 40 % случайно отсутствовавшего населения, подлежавшего регистрации;

при контрольных обходах 7—11 января и сплошной проверке действий счетчиков контролерам-инструкторам удавалось восстановить в переписных листах в среднем 30 % всего случайно отсутствовавшего населения, которое не было внесено или было ошибочно вычеркнуто счетчиками 6 января;

при этом сами контролеры-инструкторы вследствие собственного ошибочного понимания инструкции и «Памятки» вносили в переписные листы дополнительные ошибки, повлекшие за собой неправильное устранение из переписных листов в среднем 5 % случайно отсутствовавшего населения, подлежавшего регистрации.

При этих допущениях (в количественном отношении, видимо, преувеличенных) результативная численность части $N_{\text{отс.}}^{\text{случ.}}$, оказавшейся в конце концов не учтенной, могла составить максимум $(40 - 30 + 5) \% = 15 \%$ всего $N_{\text{отс.}}^{\text{случ.}}$. Для тех групп населения, регистрация которых счетчиками 6 января не могла быть впоследствии проверена инструкторами-контролерами (транзитные пассажиры на вокзалах и станциях, пассажиры в поездах дальнего следования и т. п.), будем принимать недоучет в 30 %.

Для удобства дальнейших ссылок на статистические источники будем пользоваться следующей их нумерацией:

1. Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938): Стат. сб. М.; Л., 1939.
2. Труд в СССР: Стат. сб. М., 1968.
3. Транспорт и связь СССР: Стат. сб. М., 1967.

4. Народное хозяйство СССР в 1969 г.: Стат. ежегод. М., 1970.

5. Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1964.

6. Социалистическое строительство СССР. Стат. сб. М., 1936.

Перейдем к самому расчету.

Работники ночной смены (в ночь с 5 на 6 января 1937 г.).

Средняя годовая численность всех рабочих и служащих в 1937 г. была по данным [1, с. 138] 26 990 тыс., а по уточненным впоследствии данным [2, с. 24] (с дополнительным включением некоторых трудовых групп) — 28 563 тыс. человек. Из последнего числа работали: в промышленности 11 641 тыс., в хозяйстве связи 375 тыс., в жилищно-коммунальном хозяйстве 1102 тыс. В системе предприятий общественного питания (государственных и кооперативных) в конце 1937 г. было по данным [4, с. 627] 22,0 тыс. закусок и буфетов; сведений об их распределении в городах и в сельских местностях, о численности их персонала нет.

Для промышленности примем численность ночной смены с 5 на 6 января в 10 % всего числа рабочих и служащих (ориентируясь на данные [5, с. 89] о распределении рабочих промышленности по сменам), т. е. абсолютную численность ночной смены в 1 164 тыс. человек. Возможный 15 %-ный недоучет работников этой смены, не ночевавших дома, мог составить 174,6 тыс. человек.

Принимая те же 10 % для ночных смен и в хозяйстве связи, и в жилищно-коммунальном хозяйстве, получим их абсолютную численность 37,5 тыс. + 110 тыс. = 147,5 тыс., а возможный 15 %-ный недоучет — около 22 тыс. человек.

Численность работников общественного питания, обслуживавших ночные смены работников административно-управленческих учреждений, транспорта и т. д. (в ночных буфетах, кафе, закусокных и т. п.) примем самое большее в 50 тыс. человек, а возможный недоучет этой группы — в 50 тыс. · 15 % = 7,5 тыс. человек.

Суммарный недоучет ε_1 населения, работавшего в ночных сменах с 5 на 6 января, мог составить, следовательно, $\varepsilon_1 = (174,6 + 22 + 7,5) \text{ тыс.} = 204,1 \text{ тыс. человек.}$

Дежурившие ночью на постах или в учреждениях. Это предписание инструкции могло относиться к работавшим в учреждениях здравоохранения (1 127 тыс. по данным [2, с. 24]), к работникам органов государственного и хозяйственного управления, кооперативных и общественных организаций (1 488 тыс.), к обслуживанию сельского хозяйства (109 тыс.), к работникам лесничества (некоторая часть всех 248 тыс. работников лесного хозяйства) и т. п. Совокупность всех работников таких отраслей хозяйства и труда может быть оценена в 3 млн человек; приняв число дежуривших ночью в 10 %, получим 300 тыс., а возможный недоучет их ε_2 в день переписи — $\varepsilon_2 = 300 \text{ тыс.} \cdot 15 \% = 45 \text{ тыс. человек.}$

Железнодорожники (машинисты, кочегары, кондукторы, проводники и т. д.), бывшие ночью при исполнении своих обязанностей. В этой части расчета мы исходим из следующих соотноше-

ний численностей работников, занятых в железнодорожном хозяйстве¹.

Работники службы эксплуатации железных дорог составляют 49,2 % всего числа работающих на железнодорожном транспорте. К группе работников службы эксплуатации относятся, в частности, следующие профессиональные подгруппы работников со следующей их численностью в процентах ко всей группе эксплуатации:

Машинисты локомотивов	—4,5 %
Помощники машинистов	—4,5 %
Кочегары локомотивов	—2,9 %
Кондукторы	—3,7 %
Поездные вагонные мастера	—1,4 %
Проводники вагонов	—4,4 %
	<hr/>
	21,4 %

По данным [3, с. 24] в 1937 г. в железнодорожном хозяйстве всего работали 1512 тыс. человек. Численность работников эксплуатации железных дорог была 1 512 тыс. · 49,2 % = 744 тыс. Работники профессий, названных в инструкции к переписи 1937 г., составляли 744 тыс. · 21,4 ≈ 160 тыс. человек. Недоучет их ϵ_3 при переписи мог составить $\epsilon_3 = 160$ тыс. · 15 % = 24 тыс. человек.

Лица, выехавшие с вечера 5 января на базар или в извоз. Эта группа лиц принадлежала главным образом к населению сельских местностей. Она состояла из жителей, выехавших на ближайшие рынки для продажи или закупки продовольствия, а также из некоторой части промышленявших извозом (перевозкой грузов и пассажиров на своих лошадях). Уточнение инструкции «выехавшие с вечера 5 января» (а не, скажем, в ночь или ранним утром 6 января) значительно уменьшало первую подгруппу лиц, а из второй исключало тех, кто выехал для извоза ранее и с 5 по 6 января уже мог ночевать и быть зарегистрированным в каком-либо помещении в другой местности (скажем, в ближайшем городе или городском поселении).

Сколько-нибудь приближенно оценить теперь численность этих двух подгрупп населения нет возможности, однако не следует и преувеличивать их возможную численность, а следовательно, и возможный недоучет их при переписи.

Пассажиры на вокзалах и железнодорожных станциях, в поездах и на пароходах. За весь 1937 г. на железнодорожном транспорте было перевезено 1 143 млн пассажиров, в том числе 869 млн в пригородном сообщении, следовательно, в поездах дальнего следования (прямого и местного сообщения) — 274 млн (см. [3, с. 105]). По данным [6, с. 429] в трехлетие 1934—1936 гг. на январь приходилось около 7 % годового числа пассажиров (во всех сообщениях — прямом, местном и пригородном). Приняв

такую же долю пассажиров и для января 1937 г., получим для всего января число пассажиров дальнего следования 274 млн · 7 % ≈ 19,2 млн человек, а в среднем в сутки 19,2 млн/31 ≈ 620 тыс. пассажиров.

По данным [3, с. 106—107] в 1937 г. из всего числа пассажиров 76 % было перевезено в поездах пригородного сообщения и 24 % — в поездах дальнего следования (прямого и местного сообщения); средняя дальность поездки пассажиров была в пригородном сообщении 25 км, во всех видах сообщения — 80 км, следовательно, в поездах дальнего следования, как нетрудно вычислить, — 254 км; это соответствует 6—7 часам пути в поезде.

Примем, что на ночное время приходилось две трети суточного числа пассажиров, следовательно, в ночь с 5 на 6 января было около 620 тыс. · 2/3 ≈ 420 тыс. пассажиров дальнего следования. Оценим в 10 % этого числа, т. е. в 42 тыс., совокупность пассажиров, находившихся в ожидании поездов на вокзалах и привокзальных помещениях или на станциях (разъездах, платформах и т. п.). Возможный недоучет их составил $\epsilon_4 = 42$ тыс. · 30 % = 12,6 тыс. человек.

Остальные 378 тыс. пассажиров (420—42=378) должны были быть переписаны в поездах между 23 и 24 часами 5 января. Возможный недоучет их составил $\epsilon_5 = 378$ тыс. · 30 % = 113,4 тыс. человек.

378 тыс. человек соответствуют численности пассажиров приблизительно 500 поездов (скорых, пассажирских и почтовых совместно). Отметим, что при переписи 17 января 1939 г. (т. е. через два года) по плану была намечена регистрация пассажиров в 640 ночных поездах, фактически же пришлось регистрировать их в 757 поездах. Причина отклонения заключалась в том, что снежные заносы на многих железных дорогах нарушили обычный график движения поездов; поэтому в ночь на 17 января 1939 г. в пути оказались даже такие поезда, которые должны были прибыть к месту назначения за 2—3 дня до переписи².

Сложнее обосновать предположительный расчет и возможный недоучет лиц, подлежащих переписи на единицах *водного транспорта*: пассажиров и служебного персонала на морских и речных товарно-пассажирских пароходах, на грузовых и промысловых рыболовецких судах.

В 1939 г. аналогичную перепись пришлось совершить на 186 морских и речных пароходах и на 912 судах названных типов³; можно предположить, что перепись 1937 г. коснулась приблизительно такого же числа единиц водного транспорта. Совокупность пассажиров и служебного персонала, подлежащая переписи в 1937 г., была численно не очень велика, а главное — стационарна в сутки переписи (6 января). Регистрация лиц происходила в несравненно более спокойной обстановке, чем на железнодорожном транспорте, при обычной дисциплине и порядке на паро-

ходах и судах, под руководством и при ответственности их капитанов. Поэтому суммарный возможный недоучет, если и был допущен, то практически совершенно ничтожный.

¹ См.: Гибишман А. Е., Данилов С. К., Дмитриев В. И. и др. Экономика транспорта. М., 1955. С. 419—420. Авторы пишут, что «удельные веса работников железнодорожного транспорта по службам довольно устойчивы» (с. 420). Поэтому мы приняли их и для 1937 г.

² См.: Подъячих П. Г. Всесоюзная перепись населения 1939 года. 2-е изд. М., 1957. С. 104. ³ Там же. С. 105.

SUMMARIES

1. Nuptiality, fertility and the family development

Darsky L. E., Ilyina I. P. Normalization of nuptiality in the USSR

The authors basing on the results of several sample surveys calculated the series of nuptiality tables for hypothetical cohorts of males and females in the USSR. The article systematizes and utilizes for the sake of dynamic comparisons all nuptiality tables for different periods of time which were published in the USSR.

The analysis of these tables demonstrated that variations in nuptiality levels for almost 100 years for the country as a whole and the most part of regional differences are connected with the sex proportions. A strong effect on nuptiality was produced by war losses and sex-disbalanced migration. Normalization of age-sex structure brings the nuptiality back to the situation previous to nuptiality patterns violation.

Bondarskaya G. A., Darsky L. E. Marital status of women and fertility

The article deals with the concepts of marital and non-marital, legitimate and illegitimate births from both the demographic point of view and civil registration practice in the USSR. Dynamics and differentiation of non-marital fertility levels in the USSR as a whole and in some regions are analyzed compared with the levels of marital fertility. Heterogeneity of non-marital fertility categories, its impact on population reproduction were discussed as well as some necessary measures for the improvement of fertility information system taking into consideration the expansion of consensual marriages.

Kuznetsov L. R. Interrelation between migration and nuptiality

Maximal migrational and matrimonial activity in the USSR is observed practically in same age groups. The

study based on results of 1985 Sample population survey proved the existence of well-pronounced connections between migration and nuptiality processes. A specific kind of migration is analyzed namely matrimonial migration, its relative frequency in different age-sex and ethnic groups of population.

Gerasimova I. A. The influence of family socio-demographic structure on the level of its well-being

Basing on the result of sample family survey conducted in 1978—1980 the author studies the interrelation of such features as demographic composition of family, its total income and employment status of its members by the stages of a family cycle. The influence of family age on the level and structure of family income is demonstrated. The necessity to combine the longitudinal and cross-sectional analysis for study and forecast of socio-demographic family structure is proved.

2. Mortality

Andreev E. M. Life expectancy and causes of death in the USSR

Negative mortality tendencies in this country and its specific features compared with largest western countries are considered. The analysis is based on the theory of demographic transition in mortality and on mortality dynamics data by age and major causes of death classes. An attempt is made to characterize the region-specific mortality by causes of death. Among the most important negative features of the USSR population mortality nowadays are the retention of relatively high mortality level from exogenous diseases, high mortality level from accidents and chronic diseases at relatively young ages. Certain hypotheses regarding the social causes of such a situation are presented.

Ksenofontova N. Yu. Some tendencies in infant mortality during the last decade

The article presents a general characteristics of modern situation in the field of infant mortality in the USSR. Decomposition of infant mortality rate dynamics for the period 1970—1986 into components reflecting the influence of death probabilities and the spatial distribution of births is done. That allowed to study the influence of

infant mortality dynamics by Union republics on the formation of this rate for the USSR as a whole. An attempt is made to estimate the completeness and quality of statistical information. The possible prospects for infant mortality decline are presented.

Biryukov V. A. Mortality trends and peculiarities in urban areas of the USSR

The conception of historically changing relationship between positive and negative effects of urbanization on mortality is presented. The series of mortality tables by causes of death for 139 Soviet cities, for groups of cities of different sizes and for two groups of cities with the extreme mortality characteristics are analyzed. Some peculiarities of mortality trends are revealed, viz life expectancy growth of the population of such cities as capitals of Union Republics, Moscow and Leningrad especially since 1985; demographic transition advancement in this field for larger cities as compared with smaller ones.

Dobrovolskaya V. M. Ethnic differentiation of mortality

Mortality of aboriginal nationalities of Union republics and Russians inhabiting these Republics is analyzed for 1926, 1970 and 1979. Dynamics and differentiation of life expectancy, child mortality and adult mortality by sex from the end of 19 century till the end of the 70s are described. Some stable characteristics of ethnic mortality are also identified.

3. From the history of the USSR population

Volkov A. G. A step to the truth (about the article by F. D. Livshits)

Presenting the next article the editor of this book reveals basing on the archive materials the factual causes of the tragic destiny of 1937 Population census. The total population number of 162 million persons which was enumerated in this Census was close to the reality. However the Census design proposed by statisticians was spoiled by Stalin and the commission of high-rank bureaucrats, and subsequently the organizers of the Census were blamed for it.

1937 Population census of the USSR soon after its completion was declared as being conducted with serious violations of statistical methods and principles, its results were announced as defective and its organizers were repressed. The reason for such reaction was allegedly large underenumeration. The article which was written in 1972 and is being published for the first time considers in details the peculiarities of this Census. The author criticizes the official USSR population estimates published in the early 30s. After the scrupulous analysis of existing data the author demonstrates that despite certain methodological and organizational shortcomings the actual underenumeration of this Census did not exceeded 450,000 persons or about one third per cent of total population.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
1	
БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, РАЗВИТИЕ СЕМЬИ	
<i>Дарский Л. Е., Ильина И. П.</i> Нормализация брачности в СССР	6
<i>Бондарская Г. А., Дарский Л. Е.</i> Брачное состояние женщин и рождаемость	28
<i>Кузнецов Л. Р.</i> Взаимосвязь миграции и брачности	58
<i>Герасимова И. А.</i> О влиянии социально-демографической структуры семьи на уровень ее благосостояния	77
2	
СМЕРТНОСТЬ	
<i>Андреев Е. М.</i> Продолжительность жизни и причины смерти в СССР	90
<i>Ксенофонтова Н. Ю.</i> Некоторые тенденции младенческой смертности в последнее десятилетие	116
<i>Бирюков В. А.</i> Эволюция и особенности смертности населения в городах СССР	135
<i>Добровольская В. М.</i> Этническая дифференциация смертности	150
3	
К ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ	
<i>Волков А. Г.</i> Шаг к правде (О статье Ф. Д. Лившица)	167
<i>Лившиц Ф. Д.</i> Перепись населения 1937 года	174
Summaries	209

CONTENTS

1

NUPTIALITY, FERTILITY AND THE FAMILY DEVELOPMENT

<i>Darsky L. E., Ilyina I. P.</i> Normalization of nuptiality in the USSR	6
<i>Bondarskaya G. A., Darsky L. E.</i> Marital status of women and fertility	28
<i>Kuznetsov L. R.</i> Interrelation between migration and nuptiality	58
<i>Gerasimova I. A.</i> The influence of family socio-demographic structure on the level of its well-being	77

2

MORTALITY

<i>Andreev E. M.</i> Life expectancy and causes of death in the USSR	90
<i>Ksenofontova N. Yu.</i> Some tendencies in infant mortality during the last decade	116
<i>Biryukov V. A.</i> Mortality trends and peculiarities in urban areas of the USSR	135
<i>Dobrovol'skaya V. M.</i> Ethnic differentiation of mortality	150

3

FROM THE HISTORY OF THE USSR POPULATION

<i>Volkov A. G.</i> A step to the truth (about the article by F. D. Livshits)	167
<i>Livshits F. D.</i> 1937 Population census	174
English summaries of articles	
Summaries	209

Сборник научных трудов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР

Утверждено к печати Научным советом «Проблемы демографии и трудовых ресурсов АН СССР»,
Институтом экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР

Редактор издательства Т. В. Саркитова. Художественный редактор И. Б. Богачев.
Технический редактор Т. А. Калинина. Корректор Н. Б. Габасова, К. И. Келаскина

ИБ № 38794

Сдано в набор 21.11.89. Подписано к печати 02.04.90. А-08269. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Фотонабор. Усл. печ. л. 13,5. Усл. кр. отт. 13,6. Уч.-изд. л. 13,6. Тираж 2100 экз. Тип. зак. 2133. Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, 9 линия, д. 12